

Веснік

Брэсцкага
універсітэта

НАВУКОВА-ТЭАРЭТЫЧНЫ ЧАСОПІС

Выдаецца з снежня 1997 года

Выходзіць чатыры разы ў год

Галоўны рэдактар:
М.Э. Часноўскі

Намеснік галоўнага рэдактара:
Г.М. Сэндзер

*Намеснік галоўнага рэдактара
па серыі гуманітарных
і грамадскіх навук:*
А.А. Гарбацкі

*Рэдакцыйны савет па серыі
гуманітарных
і грамадскіх навук:*
А.А. Высоцкі
Б.М. Ляпешка
Л.Г. Лысюк

*Міжнародны савет
па серыі гуманітарных
і грамадскіх навук:*
В.Р. Безрогаў (Расія)
Ежы Нікітаровіч (Польшча)
А.М. Круглашоў (Украіна)
Марк Пілкінгтон (Францыя)

Рэдакцыйная калегія:
Г.І. Займіст
(адказны рэдактар)
В.Ф. Байнёў
В.М. Ватэль
М.А. Дабрынін
Г.А. Зорын
М.С. Кавалевіч
Т.А. Кавальчук
Ч.С. Кірвель
У.У. Лосеў
У.Ф. Мартынаў
А.В. Пятроўская
С.В. Раўгэтыкаў
Д.Г. Ротман
Б.В. Саліхаў
Я.У. Скакун
А.С. Сляповіч
А.І. Смолік
В.А. Сцепановіч
У.М. Хоміч
А.В. Чарнавалаў
Т.І. Якавук
Я.С. Яскевіч

Пасведчанне аб рэгістрацыі ў Дзяржаўным
камітэце Рэспублікі Беларусь па друку
№ 1084 ад 24 снежня 1997 г.

Адрас рэдакцыі:
224665, г. Брэст,
бульвар Касманаўтаў, 21
тэл.: 21-66-16, 21-47-63
e-mail vesnik_gum@brsu.brest.by

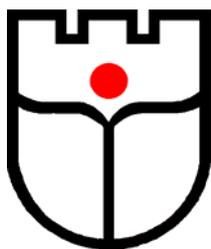
Серыя гуманітарных і грамадскіх навук

ГІСТОРЫЯ
ПЕДАГОГІКА
КУЛЬТУРАЛОГІЯ
ПАЛІТАЛОГІЯ
ФІЛАСОФІЯ
ЭКАНОМІКА

**Заснавальнік –
Установа адукацыі «Брэсцкі дзяржаўны
універсітэт імя А.С. Пушкіна»**

№ 1(36)/2009

У адпаведнасці з загадамі Вышэйшай атэстацыйнай
камісіі ад 18.01.2006 № 8, 31.01.2008 № 28 часопіс «Веснік Брэсцкага
універсітэта» ўключаны ў Пералік навуковых выданняў Рэспублікі
Беларусь для апублікавання вынікаў дысертацыйных даследаванняў
па культуралогіі, гістарычных, палітычных, педагагічных, псіхалагічных,
сацыялагічных, філасофскіх, эканамічных і юрыдычных навук

ISSN 1813-405X

Vesnik

of Brest university
scientific-theoretical journal

Published since December 1997

Issued four times a year

Editor-in-chief:
M.E. Chasnovski

Deputy Editor-in-chief:
A.N. Sender

*Deputy Editor-in-chief
of the series of the humanities and
social sciences:*
A.A. Garbatski

*Editorial Council
of the series of the humanities and
social sciences:*
A.A. Vysotski
B.M. Lepeshko
L.G. Lysyuk

*International Board
of the series of the humanities and
social sciences:*
V.G. Bezrogov (Russia)
A.N. Kryglashov (Ukraine)
Ezhy Nikitarovich (Poland)
Mark Pilkington (France)

Editorial Board:
G.I. Zaimist
(managing editor)
V.F. Baïnev
V.M. Vatył
M.A. Dabrynin
M.S. Kavalevich
T.A. Kavalchuk
C.C. Kirvel
V.V. Losev
V.F. Martynav
O.V. Petrovskaya
S.V. Reshetnikov
D.G. Rotman
B.V. Salikhov (Russia)
E.Y. Skakun
A.S. Slepovich
A.I. Smolik
G.A. Soryn
V.A. Stepanovich
V.M. Khomich
A.V. Chernovalov
T.I. Yakavuk
Y.S. Yaskevich

Registration Certificate by State
Press committee of the Republic of Belarus
№ 1084 December, 24 1997

Editorial Office:
224665, Brest,
Boulevard Cosmonauts, 21
tel.: 21-66-16, 21-47-63
e-mail vesnik_gum@brsu.brest.by

Series of the humanities and social sciences

HISTORY

PEDAGOGICS

CULTURAL SCIENCE

POLITICAL SCIENCE

PHYLOSOPHY

ECONOMICS

**Founder –
Educational institution «Brest state university named
after A.S. Pushkin»**

№ 1(36)/2009

According to the orders of Supreme certification commission from 18.01.2006 № 8, 31.01.2008 № 28 the journal «Vesnik of Brest state University» has been included to the List of editions of the Republic of Belarus for publication of the results of scientific research in cultural science, historical, political, pedagogical, psychological, social, philosophical, economic and judicial sciences.

ЗМЕСТ

ГІСТОРЫЯ

Гарбацкі А.А. Гісторыя стараабрадніцтва: вынікі крыніцазнаўчага вывучэння (1917 – пач. XXI ст.) (частка 3).....	5
Вабішчэвіч А.М. Нацыянальна-культурная праблематыка ў грамадска-царкоўным жыцці праваслаўнага насельніцтва Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.).....	17
Моторова Н.С. Социальная политика органов городского самоуправления белорусских губерний: историографический анализ.....	25
Морозько Е.В. Церковные школы на Пинщине (II пол. XIX–нач. XX вв.).....	32

ПЕДАГОГІКА

Рева В.П. Формирование тезауруса музыкальных впечатлений как проблема педагогики искусства.....	38
Сергейко С.А. Взаимоотношения отца и ребенка в семье: историографический аспект исследования.....	45
Александрович Т.В. Моделирование процесса педагогической поддержки развития креативности дошкольников.....	54
Бегеба С.В. Мотивация профессиональной деятельности учащихся колледжа.....	64
Демчук Т.С. Модель формирования готовности будущих педагогов к валеологическому воспитанию школьников.....	69
Вайгерт Д. Супружеские отношения и их роль в воспитании детей.....	76

КУЛЬТУРАЛОГІЯ

Воронович И.Н. Гуманитарное образование и его роль в самоактуализации личности.....	83
Саликов А.Э. Способы идентификаций в культуре.....	89

ПАЛІТАЛОГІЯ

Решетников С.В., Решетникова Т.С. Особенности методологии анализа политических процессов.....	95
Лысюк А.И. Об эвристической ценности понятия «харизматическое лидерство».....	105
Герменчук В.В. Подготовка государственных служащих: модели, структуры и технологии.....	114

ФІЛАСОФІЯ

Лепешко Б.М. Идеология белорусского государства: некоторые проблемные вопросы теории и практики.....	125
Мохамад Б.А. Особенности развития русской социальной философии в первой половине XX века.....	133

ЭКАНОМІКА

Матюшков Л.П., Григорович М.Н. Диаграммный метод оценки сложных однородных объектов.....	136
Кристиневиц С.А., Омелянюк А.М. Социально-экономическая роль человеческого капитала в инновационной экономике.....	143

ХРОНІКА НАВУКОВАГА ЖЫЦЦЯ

Кавецкий С.Т. Международная научно-теоретическая конференция «Социология: традиции и современность», посвященная 150-летию со дня рождения Э. Дюркгейма.....	152
---	-----

Бібліяграфія. Гадавы паказальнік аўтараў часопіса “Веснік Брэсцкага універсітэта” – 2008 г. (Серыя гуманітарных і грамадскіх навук).....	154
Звесткі аб аўтарах	160

INDEX

HISTORY

- Garbatski A.A.** The History of Old Believers: Results of Sources Study (1917- the beginning of the 21st century)5
- Vabishchevich A.M.** National-Cultural Problematics in Social-Church Life of Orthodox Population of Western Belarus (1921–1939)17
- Motorova N.S.** Social Policy of Municipal Government’s Bodies in Belarusian Guberniyas: the Analysis of Historiography25
- Morozko K.V.** Church schools in Pinsk district in the 2nd half of the 19th – beginning of the 20th century32

PEDAGOGICS

- Reva V.P.** The formation of thesaurus of music impressions as a problem of arts pedagogic38
- Sergeiko S.** Father and Child: History and Modernity45
- Alexandrovich T.V.** On Modeling the Process of Pedagogical Support of Creativity of Children under School Age.....54
- Begeba S. V.** The motivation of professional activity of college students64
- Demchyk T.S.** The model of the formation future teachers readiness to the valueological education of schoolchildren.....69
- Vaigert D.** The matrimonial relations and their role in children upbringing.....76

CULTURAL SCIENCE

- Voronovich I.N.** Humanitarian education and its role in the self-actualization of a personality83
- Salikau A.E.** Ways of identifications in culture89

POLITICAL SCIENCE

- Reshetnikov S.V., Reshetnikova T.S.** Peculiarities of Analysis methodology of Political Process.....95
- Lysiuk F.I.** Concerning the Heuristic Value of “Charismatic Leadership” Concept.....105
- Hermenchuk Viktor V.** Training of civil servants (government officials): models, Structures and Techniques114

PHYLOSOPHY

- Lepeshko B.M.** The ideology of Belarusian State: Some Problem Questions of Theory and Practice.....125
- Mohamad B.A.** The peculiarities of the development of the Russian social philosophy in the first half of the XX century133

ECONOMICS

- Matushkov L.P., Grigorovich M.N.** Chart method of the estimation of difficult homogeneous objects136
- Kristinevich S.A., Omelianiuk A.M.** The human capital and its social-economic role in the innovative economics143

CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

- Kavetski S.T.** International scientific-theoretical conference «Sociology: customs and contemporaneity», dedicated to 150 anniversary of E. Durkheim152

-
- Bibliography.** Annual index of the authors of “Vesnik of Brest state University” – 2008 г. (Series of the humanities and social sciences)154
- Information about the authors160

ГІСТОРЫЯ

УДК 930

А.А. Гарбацкі

ГІСТОРЫЯ СТАРААБРАДНІЦТВА: ВЫНІКІ КРЫНІЦАЗНАЎЧАГА ВЫВУЧЭННЯ (1917 – пач. XXI ст.) (Частка 3*)

Аўтар артыкула прааналізаваў асноўныя крыніцы па гісторыі стараабрадніцтва, якія былі надрукаваныя ў XX і на пачатку XXI ст. Гэты перыяд меў сваю асаблівасць. Гісторыя стараабрадніцтва пісалася з розных пазіцый. Першая пазіцыя адлюстроўвала пункт гледжання афіцыйнай улады і тых, хто стаяў на пазіцыях марксізму-ленінізму. Другая пазіцыя – пункт гледжання на раскол і стараабраднікаў гісторыкаў РПЦ. Трэцяя пазіцыя – гэта пункт гледжання аўтараў, якія лічылі сябе незалежнымі ад чыйго-небудзь уплыву. Існавала і чацвёртая пазіцыя – саміх стараабраднікаў, але да перабудовы іх працы амаль не друкаваліся. Толькі з канца XX ст. працы абаронцаў старога абраду пачалі друкавацца вялікімі накладамі.

Уводзіны

У гэты перыяд былі напісаны працы па гісторыі стараабрадніцтва ў рэспубліках былога СССР, у некаторых з іх разглядаліся агульныя праблемы расколу РПЦ і зараджэнне стараабрадніцтва. Асноўная колькасць даследаванняў у гэты час прыпадае на 60-я – 90-я гады XX ст. Да 1960 г. было выдадзена мала прац аб стараабрадніцтве, толькі дзве з іх заслугоўваюць увагі – кніга С.Ф. Платонава “Памятники истории старообрядчества XVII в.” [25] і кніга І.Н. Завалокі “История Церкви Христовой” [5].

С.Ф. Платонаў сканцэнтраваў сваю ўвагу на біяграфіях першых лідэраў стараабрадніцтва і аналізе багаслоўскіх твораў. У першай главе “Сочинения богословские” аўтар гаворыць пра разуменне стараабраднікамі пытанняў аб стварэнні свету, грэхападзенні першага чалавека і аб патопе; аб Прасвятой Багародзіцы; аб таінстве еўхарыстыі; аб пальцаскладанні. У чацвёртай главе змешчаны сабраныя С.Ф. Платонавым запіскі пра асобы і падзеі з часу ўзнікнення стараабрадніцтва, у пятай – чалавічаныя пасланні, павучанні і пісьмы.

У 1937 г. выйшла кніга выдатнага стараабрадніцкага прапаведніка і гісторыка І.Н. Завалокі “История Церкви Христовой” [5]. Аўтар быў вядомы не толькі латвійскім стараабраднікам, але і ўсёй стараабрадніцкай Царкве як глыбокі знаўца стараабрадніцкай і старажытнарускай культуры. У сваёй кнізе ён у сціслай форме падае гісторыю выпраўлення царкоўных кніг і прычыны расколу РПЦ. Асаблівую ўвагу звяртае на дзейнасць першых абаронцаў старога абраду, на стараабрадніцкія верапапавучальныя прынцыпы, на адносіны праваслаўнай царквы і рускага ўрада да стараабраднікаў.

70-я – 90-я гады XX ст.

Найбольш плённымі ў плане даследавання сучаснага стараабрадніцтва і яго гісторыі былі 70-я – 90-я гады XX ст. У гэты перыяд вышлі працы В.Ф. Мілавідава, А.Е. Катунскага, А. Падмазава, В.Г. Карцава, Ю.В. Гагарына, Е. Іванца, П.І. Мельнікава, Д.Л. Мардоўцава, Н.Н. Пакроўскага, А.В. Карташова, Н.Ю. Бубнова, С.А. Зянькоўскага, Н.С. Гур’янавай, А.В. Вазнясенскага. Працы 70-х – 80-х гадоў XX ст. носяць атэістычны характар, а працы 90-х гадоў – культурна-асветніцкі, крыніцазнаўчы.

Частка 1 і 2 надрукавана : Веснік Брэсцкага універсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук. – 2007. – № 2 (29), 3 (30).

Пачатак навуковаму даследаванню стараабраднаства быў пакладзены ў канцы 50-х – пачатку 60-х гадоў, калі асноўная ўвага пачала ўдзяляцца канкрэтна-сацыялагічным даследаванням рэлігій у СССР. Даследаванні стараабраднаства рабіліся ў Беларускай, Латвійскай, Эстонскай і іншых савецкіх рэспубліках. На падставе атрыманых матэрыялаў былі апублікаваны працы, прысвечаныя аналізу сучаснага стараабраднаства. У іх змешчаны вывады аб працэсах, што адбываліся ў стараабраднастве, у некаторых дадзена характарыстыка стану стараабраднаства ў тым або іншым рэгіёне. На наш погляд, паасобныя высновы аўтараў былі памылковымі, і таму лічым неабходным зрабіць аналіз названых прац.

У працы В.Ф. Мілавідава “Современное старообрядчество” [21] асвятляюцца асноўныя тэндэнцыі эвалюцыі стараабраднаства. Аўтар разгледзеў наступныя пытанні: сацыяльная сутнасць стараабраднаства, асноўныя рэгіёны пашырэння стараабраднаства і іх рэлігійныя цэнтры, тагачасны стан стараабрадных арганізацый, сацыяльна-дэмаграфічная характарыстыка стараабрадных абшчын, крах стараабраднаскай эсхаталогіі, кансалідацыя стараабраднаскай і працэс збліжэння стараабраднаства з праваслаўем, некаторыя заканамернасці адыходу стараабраднаскай ад рэлігіі, спецыфіка атэістычнай работы сярод стараабраднаскага насельніцтва.

У раздзеле “Социальная сущность старообрядчества” аўтар у сціслай форме разглядае прычыны расколу РПЦ і спыняецца на паасобных этапах гісторыі стараабраднаства. З некаторымі палажэннямі аўтара можна згадзіцца.

Аднак нельга пагадзіцца з думкай В.Ф. Мілавідава, выказанай у раздзеле “Старообрядничество как религиозное направление”: “В конце XVII в. старообрядческое движение отпочковалось от русской православной церкви окончательно. С этого времени оно выделилось в особое религиозное направление, которое можно охарактеризовать как эсхатологическую разновидность русского православия” [21, с. 16]. Па-першае, эсхаталагічныя ідэі не былі аднолькавымі ў папоўцаў і беспапоўцаў. Беспапоўцы мелі выразную эсхаталагічную ідэалогію. Таму, калі гаварыць пра стараабраднаскаю эсхаталогію, то абавязкова трэба ўказваць, да якога напрамку яна належыць. Па-другое, верапапавучальныя прынцыпы стараабраднаства і абрадавая практыка маюць істотныя адрозненні ад такіх жа ў праваслаўі, у праваслаўнай эсхаталогіі ёсць свае асаблівасці, таму стараабраднаскае нельга разглядаць як эсхаталагічную разнавіднасць рускага праваслаўя. Акрамя таго, праваслаўная царква ніколі не лічыла стараабраднаскай і яго веравучэнне сваёй разнавіднасцю. На наш погляд, стараабраднаскае – гэта самастойная канфесія з уласцівай ёй дагматыкай і абрадавай практыкай.

Нельга згадзіцца з В.Ф. Мілавідавым і адносна разумення ім сэнсу “Окружного послания” 1862 г., аўтарам якога быў І.Г. Ксенас (аб гэтым гаворка ў нашай дысертацыі ідзе на старонках...). В.Ф. Мілавідаў аўтарства “Окружного послания” прыпісвае групе прыхільнікаў Белакрыніцкай царквы, а сэнс паслання разумее наступным чынам: “В этом документе осуждалось беспоповское учение о пресечении православного священства и воцарении антихриста. Вместе с тем, в нем по сути дела признавались те нововведения, которые были сделаны в период церковной реформы Никона” [21, с. 23]. Згодна з нашым аналізам, у “Окружном послании” не было прызнання ніканаўскіх новаўвядзенняў: І.Г. Ксенас адстойвае адзінства стараабраднаскае, параўноўваючы асаблівасці папоўства і беспапоўства. Ён лічыў, што спыніць драбленне на сагласы і толкі магло толькі адзінства стараабраднаскае [16, с. 23–45, 66–75]. Наш пункт гледжання супадае з пунктам гледжання аўтараў энцыклапедычнага слоўніка па стараабраднаскае, выдадзенага ў 1996 г.: “Только после издания Окружного послания стало ясно, насколько запущенной оказалась болезнь, которую оно должно было врачевать” [16, с. 203–204].

У сваёй працы, у якой, дарэчы, сабраны вялікі статыстычны матэрыял, В.Ф. Мілавідаў у раздзеле “Основные регионы распространения старообрядчества и религиозные центры” паведамляе, што стараабраднікаў, якія перасяліліся з Расіі ў Польшчу і Літву, налічваецца больш за 200 тыс. чалавек [21, с. 29]. На жаль, мала інфармацыі дае аўтар аб стараабрадніцкіх цэнтрах у Беларусі.

У 1970 г. выйшла кніга А. Падмазава “Старообрядчество в Латвии” [26]. У першых раздзелах аўтар разглядае прычыны, якія прывялі да расколу РПЦ і падзелу стараабраднікаў на беспapoўцаў і папоўцаў. Для нас у гэтай працы цікавасць уяўляюць раздзелы, звязаныя з гісторыяй стараабрадніцтва на памежных з беларускімі землямі, у прыватнасці ў Латвіі. Даследчык падрабязна аналізуе прычыны і час пасялення стараабраднікаў у Латвіі. Згодна з прыведзенымі аўтарам данымі аднаго з летапісаў, стараабраднікі ўпершыню з’явіліся на землях Латвіі яшчэ ў 1659 г., калі збеглыя з Рускай дзяржавы пасяліліся ў герцагстве Курляндскім. Далей А. Падмазаў адзначае, што ў Латвіі ўмовы жыцця для стараабраднікаў былі лепшыя, чым для іх аднаверцаў у Расіі. Адсутнасць законаў, якія абмяжоўвалі б іх правы і свабоды, а таксама добрабычлівасць з боку мясцовага насельніцтва дазвалялі пастаянна падтрымліваць цесныя кантакты паміж абшчынамі, якія з часам сталі цэнтрамі першаснага накаплення капіталу. Асаблівасці ўмоў, у якіх жылі стараабраднікі ў Латвіі ў канцы XVII – першай палавіне XVIII ст.ст. (адсутнасць праследаванняў, магчымасць займацца прадпрымальніцтвам, навучаць дзяцей), зрабілі ўплыў на далейшы іх лёс.

Прычыну павелічэння колькасці стараабрадніцкіх перасяленцаў у буйныя гарады Латвіі А. Падмазаў на падставе архіўных дакументаў бачыць у ганенні на абаронцаў старога абраду ў Расіі. Пасяленне ў Рызе вялікай колькасці стараабраднікаў прывяло да адкрыцця ў 1760 г. іх першага храма, у канцы XVIII ст. – другога, а ў 1809 г. – трэцяга [26, с. 28]. У 20-я гады XIX ст. рыжскія стараабраднікі, як адзначае А. Падмазаў, мелі сваю школу, бальніцу, багадзельню, прытулак для сірот. У другой палавіне XVIII ст. значнымі цэнтрамі стараабрадніцтва былі Рэжыца і Дынабург [26, с. 29–30].

Спыняецца А. Падмазаў і на пытанні аб аднаверстве: “...в целом в Прибалтике успех единоверия был невелик. Даже в период репрессий 30-х – 50-х годов были частые случаи перехода из православия в старообрядчество” [26, с. 33]. Прычыну таго, што аднаверства ў Латвіі не мела поспеху, аўтар бачыць у моцных пазіцыях стараабрадніцтва, асабліва ў гарадах. Са свайго боку адзначым, што пазіцыя стараабраднікаў у беларускіх гарадах у многім таксама залежала ад іх эканамічнага становішча.

У раздзеле “Эволюция идеологии старообрядчества в период разложения феодально-крепостнического способа производства” А. Падмазаў разглядае маёмасную дыферэнцыяцыю і з’яўленне праслойкі заможных стараабраднікаў, што прывяло “к отступлению от еще одного важного правила федосеевцев: местные старообрядцы стали отказываться от требований обязательного безбрачия” [26, с. 37].

Аналізу жыцця стараабраднікаў у паслярэвалюцыйны перыяд прысвечана кніга А. Катунскага “Старообрядчество” [11]. У першым раздзеле разглядаецца ўзнікненне стараабрадніцтва і яго класавая сутнасць. У сціслай форме аўтар піша аб прычынах расколу і яго класавай сутнасці: “Исходя из ленинской методологической установки, необходимо прежде всего уяснить классовые позиции людей, столкновения которых привели к расколу русского православия и возникновению старообрядчества” [11, с. 12–13].

Аднак, паставіўшы задачу вызначэння класавай сутнасці расколу РПЦ, А. Катунскі поўнасьцю з ёю, на наш погляд, не справіўся. Ён зрабіў спробу вызначыць пазіцыі толькі Нікана і Авакума, але абышоў увагай многіх іншых гістарычных асоб, якія мелі дачыненне да расколу.

У 1971 г. у выдавецтве Калінінскага дзяржаўнага ўніверсітэта ў дзвюх частках былі апублікаваны матэрыялы спецкурса В.Г. Карцава “Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России” [9; 10]. Аўтар шмат у чым прытрымліваецца поглядаў В.В. Андрэева і М.І. Лілеева. У другой палавіне XVIII ст. і ў XIX ст. галоўнай праблемай для Расіі, як сцвярджае В.Г. Карцаў, была эканамічная. Патрэба грошай прымушала ўрад весці гандаль з іншымі дзяржавамі. У гэтых умовах карэнным чынам мянялася знешняя палітыка: самадзяржаўе ўсё больш рашуча пачало паварочвацца тварам да Захаду. Разам з тым ажыўленне гандлю з Еўропай цягнула за сабой узмацненне прыгонніцтва ў краіне. У выніку Расія ўсё больш выразна набывала вобраз двухаблічнага Януса: яе мужыцкі твар заставаўся павернутым на Усход, тады як феадальна-арыстакратычны – на Запад. Палітыка царквы, асабліва яе хцівасць і багацце, выклікала незадаволенасць у масах, аўтарытэт папоў і манахаў сярод насельніцтва хутка падаў. В.Г. Карцаў зазначае, што падзенне прэстыжу дзяржаўнай улады і афіцыйнай праваслаўнай царквы пачалося яшчэ ў XVII ст. [9, с. 65–76].

В.Г. Карцаў пацвярджае высновы В.В. Андрэева і М.І. Лілеева аб сацыяльна-эканамічнай афарбоўцы расколу РПЦ: “Раскольническое движение с самого начала стало принимать социальное звучание, хотя как открытая оппозиция первоначально проявилось главным образом среди духовенства, но низового” [9, с. 79].

Як вядома, са з’яўленнем стараабрадніцтва пачалося яго праследаванне, ганенне на яго прадстаўнікоў, што асабліва выявілася ў перыяд панавання Пятра I. Урад Пятра I і наступныя ўрады разумелі, што за рэлігійнымі вераваннямі і пачуццямі народа тояцца рэальныя фактары. У гэтым плане В.Г. Карцаў выказвае сваю думку: “Только потому, что религиозный раскол в условиях России XVIII в. являлся теологической оболочкой социального протеста народных масс, крепостничество так настойчиво и жестоко его подавляло” [9, с. 153–154].

Гаворачы аб тым, што ў сярэдзіне XVIII ст. у Расіі пачалося перасяленне стараабраднікаў у прамысловыя цэнтры і буйныя гарады, што заможныя стараабраднікі дапамагалі сваім аднаверцам у наладжванні справы на новым месцы, В.Г. Карцаў лічыць, што ўплыў стараабраднікаў на эканамічнае жыццё рускай дзяржавы быў звязаны з тым, што яны валодалі вялікім капіталам, як купцы-стараабраднікі Юршаў, Злобін, Растаргуеў. В.Г. Карцаў зазначае, што “раскол” усё больш звяртаў на сябе ўвагу не толькі як рэлігійная апазіцыя афіцыйнай царкве, але і як своеасаблівая арганізацыя пэўных колаў заможнай рускай буржуазіі [10, с. 5–15].

Закранае аўтар і такія пытанні, як сутыкненне ў “расколе” старой і новай буржуазіі, дэмакратычныя тэндэнцыі ў беспанаўстве, шляхі фарміравання буйной прамысловай буржуазіі ў расколе і яе своеасаблівасці.

У 1977 г. з’явілася праца польскага гісторыка Е. Іванца “Z dziejów Staroorzędowców na ziemiach Polskich XVII–XX w.” [7]. У ёй аўтар разгледзеў наступныя пытанні: раскол РПЦ і генезіс руху стараабраднікаў; фарміраванне галоўных стараабрадніцкіх толкаў і асаблівасці іх веры; пасяленні стараабраднікаў на землях Рэчы Паспалітай; стараабраднікі ў Беластоцкім ваяводстве; стараабраднікі на Мазурах у Альштынскім ваяводстве; элементы традыцыйнай рэлігійнай культуры і традыцыйнай матэрыяльнай культуры стараабраднікаў.

Важным момантам у кнізе Е. Іванца з’яўляецца вызначэнне сацыяльна-гістарычнага характару стараабрадніцтва. У гэтай праблеме, на думку аўтара, існуюць два асноўныя аспекты: роля пэўнай канфесіянальна-эканамічнай абшчыны ў фарміраванні грамадства ў Рэчы Паспалітай і месца гэтай абшчыны як рэлігійнага руху ў сацыяльным працэсе.

У сваёй працы Е. Іванец вядзе палеміку з тымі, хто прытрымліваецца думкі аб процістаўленні стараабрадніцкага руху пераўтваральным тэндэнцыям як у Расіі, так і ў

Рэчы Паспалітай. На падставе вивучэння жыцця стараабраднікаў, якія жылі на землях Рэчы Паспалітай, аўтар супастаўляе культуру стараабрадніцкую і культуру мясцовага насельніцтва, аналізуючы пры гэтым рэлігійныя стараабрадніцкія кнігі, даючы апісанне ікон, крыжоў і пастоў. У кнізе шмат месца адведзена побыту стараабраднікаў: даецца апісанне пабудовы, жылля і адзення. Е. Іванец лічыць, што колькасць стараабраднікаў, якія жылі на землях Рэчы Паспалітай да першага яе падзелу, складала да ста тысяч чалавек [7, с. 272].

Е. Іванец шмат увагі ўдзяляе духоўнаму свету стараабраднікаў праз сукупнасць і цэласнасць іх псіхічнага і грамадскага жыцця, а таксама праз апісанне з'яў і працэсаў, што складаюць іх унутранае жыццё. Аўтара цікавілі ў першую чаргу адносіны радавых членаў абшчыны да ўласнага “свету” – да сям'і, некаторыя бакі іх бытавога жыцця, адносіны да грамадства, дзяржавы, да іншых канфесій.

Важным з'яўляецца і вывад Е. Іванца аб неабходнасці вивучэння гісторыі і асаблівасцей канфесій. Ён лічыць, што без вивучэння гісторыі і духоўнага свету стараабрадніцкіх абшчын нельга ацаніць таго ўкладу, які зроблены стараабраднікамі як у рускую, так і іншыя культуры.

Варта спыніцца на навуковай літаратуры аб стараабрадніцтве, якая была выдадзена ў 90-я гады ХХ ст. і носіць больш крыніцазнаўчы характар.

У гістарычнай навуцы савецкага перыяду доўгі час існавала памылковая думка аб неактуальнасці вивучэння стараабрадніцтва як рэлігійнага руху, рэакцыйнага па сваёй сутнасці. Такі погляд паспяхова пераадолены працамі вучоных у 90-х гадах.

Даследчыкі гісторыі, філасофскай і грамадскай думкі стараабрадніцкага руху, яго літаратурнай і культурнай спадчыны адчувалі цяжкасці ў сувязі з недастатковым вивучэннем стараабрадніцтва, што тлумачылася недаступнасцю да першакрыніц яго гісторыі. Да гэтага часу, на жаль, мала даследаваны помнікі стараабрадніцкай публіцыстыкі як гістарычнай крыніцы. Тлумачыцца гэта як вялікім аб'ёмам матэрыялу, што падлягае даследаванню, так і нераспрацаванасцю метадаў і прыёмаў даследавання такіх матэрыялаў у крыніцазнаўчым плане. Спецыфіка такога роду матэрыялаў своеасаблівая з прычыны іх публіцыстычнага характару і шырокага распаўсюджвання ў народзе. У 90-я гады ХХ ст. з'яўляюцца працы, прысвечаныя помнікам стараабрадніцкай рукапіснай кнігі. Гэта ў першую чаргу даследаванні Н.Ю. Бубнова, Н.С. Гур'янавай, А.В. Вазнясенскага.

Праца Н.Ю. Бубнова “Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в.” [2] з'яўляецца комплексным крыніцазнаўчым і тэксталагічным даследаваннем стараабрадніцкай рукапіснай кнігі другой палавіны XVII ст. Зыходзячы з таго, што стараабрадніцкая літаратура, якая ўзнікла ва ўмовах упартай барацьбы з пануючай ідэалогіяй, мае незвычайную для стараабрадніцкай літаратуры ідэалагічную насычанасць і завостранасць, валодае цэласнасцю і арганічнай сувяззю твораў, што ўвайшлі ў яе, – аўтар вивучае ўвесь комплекс “писаний” стараабраднікаў першага пакалення, якія мелі “хождения” ў народзе.

У адносінах жанра Н.Ю. Бубноў характарызуе стараабрадніцкую пісьменнасць ранняга перыяду як дэмакратычную публіцыстыку: “Книга на Руси издавна воспринималась как духовный руководитель и одновременно как вместилище вечных идей, необходимых миру для сохранения духовного здоровья” [2, с. 36]. Працягваючы гэтую думку, аўтар падкрэслівае, што нават жыцці стараабрадніцкіх пакутнікаў за веру, чалавічынныя, пісьмы, пасланні, нягледзячы на ўяўную прыналежнасць да непадобных жанраў, маюць выразную палемічную і публіцыстычную накіраванасць і толькі вонкава нагадваюць помнікі адпаведных жанраў у стараабрадніцкай літаратуры.

Даследаванне ўсяго комплексу стараабрадніцкага пісьменства як літаратуразнаўчымі, так і крыніцазнаўчымі метадамі дазволіла Н.Ю. Бубнову па-

новаму асэнсаваць стараабрадніцкую літаратуру ў кантэксце яе эпохі, прасачыць вытокі і асноўныя вехі яе ўплыву на развіццё літаратурна-публіцыстычнай традыцыі ў рускай культуры. Вытокі шырокай нізавой літаратуры, апазіцыйнай самадзяржаўю і пануючай царкве, аўтар убачыў у публіцыстычных творах роданачальнікаў стараабрадніцтва, што аказвалі ўздзеянне на фарміраванне светапогляду некалькіх пакаленняў стараабраднікаў, якія складалі значную частку насельніцтва краіны: “Являясь действенным орудием идеологической борьбы народа против засилия насаждавшейся сверху официальной идеологии и культуры, старообрядческая книга как своим содержанием, так и самим фактом своего существования способствовала сохранению духовного свободомыслия и нравственного начала в средневековой России” [2, с. 42].

Н.Ю. Бубноў на высокім прафесійным узроўні аналізуе змест рукапіснай стараабрадніцкай кнігі. Ён адзначае, што, застаючыся ў рэчышчы векавых традыцый стараабрадніцкага пісьменства, пісьменнікі-стараабраднікі паказалі ў сваіх творах складанасць і супярэчлівасць эпохі. Яны супрацьпастаўлялі сябе “прыдворнай”, а пазней дваранскай пануючай культуры, стварылі своеасаблівую “паралельную” культуру і літаратуру народнага, сялянска-дэмакратычнага накірунку.

Зыходзячы са спецыфікі прадмета даследавання, аўтар вызначае і само паняцце “стараабрадніцкая кніга”, а дзеля паспяховага засваення матэрыялу ён выпрацоўвае асноватворчыя прынцыпы і крытэрыі выдзялення з усяго мноства стараабрадніцкай літаратуры тых яе кампанентаў, якія могуць быць кваліфікаваныя як стараабрадніцкія кнігі.

Паколькі ў штодзённым навуковым ужытку паняцце “стараабрадніцкая кніга” звычайна распаўсюджваюць не толькі на кнігу, напісаную (выдадзеную) ў абарону стараабрадніцтва абоз мэтай выкрыцця ніканіянства, але і на кнігу, якая ў той ці іншай меры адлюстроўвае стараабрадніцкія дагматы і законы, на кнігу, перапісаную (выдадзеную) стараабраднікамі, і нават на звычайную “даніканаўскую” кнігу, якая была ў стараабрадніцкім асяроддзі, Н.Ю. Бубноў разглядае кнігі, створаныя толькі стараабраднікамі: гэты ў асноўным арыгінальныя творы стараабрадніцкіх пісьменнікаў і некаторыя з твораў старажытнарускай пісьмовай традыцыі.

Вывучэнню стараабрадніцкіх твораў прысвечана кніга Н.С. Гур’янавай “История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века” [4]. Аўтар разглядае Выгаўскую літаратурную школу, удзяляе ўвагу такім пытанням, як гісторыя ў творах пісьменнікаў Выгаўскай літаратурнай школы, “История Выговской пустыни” Івана Філіпава як помнік гістарыяграфіі Выга, Выгаўская літаратурная школа і эвалюцыя жанраў старажытнарускай літаратуры ў XVIII ст.

Н.С. Гур’янава паказвае творчыя ўяўленні стараабраднікаў аб гістарычным часе, аб паняццях “гісторыя” і “гістарычнае апавяданне”, якія знайшлі адлюстраванне ў стараабрадніцкай рытарычнай сістэме. Разважаючы над пытаннем аб месцы стараабраднікаў у хрысціянскай гісторыі, аўтар піша: “Проблема поиска своего места в универсальной схеме христианской истории стала особенно актуальной для старообрядцев в конце XVII – начале XVIII вв., когда ранее единое движение стало делиться на множество согласий и толков” [4, с. 19].

Побач з даследаваннем стараабрадніцкіх рукапісных кніг значнае месца ў працы Н.С. Гур’янавай займае вывучэнне літаратурна-публіцыстычных твораў, што ўваходзяць у склад гэтых кніг. Трэба зазначыць, што ў аналізе твораў прадстаўнікоў Выгаўскай літаратурнай школы аўтар асаблівую ўвагу ўдзяляе гісторыка-агіяграфічным, дагматыка-палемічным і багаслоўска-павучальным твораў, якія адлюстравалі асноўны змест ідэалогіі стараабраднікаў Выга. Аўтар улічвала той факт, што гісторыка-агіяграфічныя і багаслоўска-павучальныя творы ствараліся стараабраднікамі пазней, чым большасць твораў дагматыка-палемічных, у асноўным пасля царкоўнага сабора 1666–1667 гг. У гэты час пытанне аб уладзе ў царкве было

вырашана не на карысць стараабраднікаў, аднак узнікненне шматлікіх стараабрадніцкіх абшчын стала аб'ектыўнай рэальнасцю, і прыпыніць гэты працэс царква не магла. Гэтыя падзеі і вызначылі, на думку Н.С. Гур'янавай, эвалюцыю жанраў старажытнарускай літаратуры ў XVIII ст. Ад стараабрадніцкіх пісьменнікаў гэтая рэальнасць патрабавала пераносу асноўных ідэй іх твораў на вырашэнне ўнутраных пытанняў, на духоўнае ўладкаванне стараабрадніцкіх абшчын і выпрацоўку правілаў паводзін у ніканаўскім наваколлі.

Даследаванню стараабрадніцкай кнігі прысвечана праца А.В. Вазнясенскага “Старообрядческие издания XVIII – начала XIX в.” [3]. Гэты аўтар, як і Н.С. Гур'янава, даследуе дагматыка-палемічныя, гісторыка-агіяграфічныя і багаслоўска-павучальныя стараабрадніцкія творы.

Неабходна спыніцца і на мастацкай літаратуры, у якой паказана гісторыя расколу РПЦ і жыццё стараабраднікаў. Гэта кнігі П.І. Мельнікава “В лесах” [19; 20] і Д.Л. Мардоўцава “За чьи грехи? Великий раскол” [23].

Знаёмства са стараабрадніцкім светам у П.І. Мельнікава адбылося ў раннім дзяцінстве, калі яго сям'я пераехала на жыхарства ў Сямёнаўскі павет Ніжагародскай губерні. Вывучаць жыццё стараабраднікаў, іх рукапісы, прадметы культуры і побыту прымушала Мельнікава не толькі цікавасць да гісторыі царкоўнага расколу, але і яго вялікае захапленне рускай старадаўнасцю. Знаёмству са стараабраднікамі садзейнічалі паездкі па Ніжагародскім Заволжы і зносіны з кніжнікамі на Ніжагародскім кірмашы. Багаты матэрыял аб стараабрадніках, іх ідэйных перакананнях, іх побыце Мельнікаў сабраў у час сваёй этнаграфічнай дзейнасці як член Рускага геаграфічнага таварыства, а пазней як чыноўнік асобых даручэнняў пры Ніжагародскім губернатары і Міністэрстве ўнутраных спраў.

У рамане “В лесах” пісьменнік глыбока паказаў стараабрадніцтва ва ўсіх яго праяўленнях. Ён праводзіць мяжу паміж стараабрадніцтвам як бытавым патрыярхальным ладам і стараабрадніцтвам як сукупнасцю рэлігійных абрадаў і догмаў і падзяляе персанажы, якія прытрымліваюцца “старой веры”, на некалькі груп, зыходзячы з сацыяльнай прыналежнасці і ступені рэлігійнасці сваіх герояў.

Уведзеныя ў твор сяляне-стараабраднікі, якія складаюць самую шматлікую групу, у асноўнай сваёй масе не адрозніваюцца ад агульнарускага сялянства па светапоглядзе і сацыяльна-псіхалагічных якасцях: асновай іх жыцця з'яўляецца працоўная дзейнасць, якая рэгламентуе быт земляроба.

У апісаннях П.І. Мельнікава побыт завалжан – праваслаўных і стараабраднікаў, хрысціянскія святы спалучаліся з зычніцкімі, што з'явілася вынікам “двоеверія” ўсяго рускага жыцця. Пісьменнік паказвае тагачасны стан заволжскага фальклору, адзначае страту мясцовымі сялянамі – з прычыны двухсотгадовага ўплыву скітаў – абрадаў і звычаяў, якія захаваліся ў іншых рэгіёнах, апісвае характэрныя для завалжан абрады і звычаі. Мельнікаў не ўтойвае негатыўных бакоў сялянскага жыцця, праяўленне забабонаў у побыце стараабраднікаў. Аўтар стварае жыццёвыя вобразы багамольцаў, падзвіжнікаў, збеглых.

У мастацкай форме выказаў свой пункт гледжання на раскол РПЦ Д.Л. Мардоўцаў у рамане “За чьи грехи? Великий раскол” [23]. Разважаючы аб напрамку царкоўных кніг у перыяд патрыяршства Нікана, аўтар указвае на тое, што некаторыя змяненні былі ўнесены ў кнігі рэфарматарамі пасля параўнання іх з грэчаскім арыгіналам, аднак “раскольнікі” ставіліся да сакральнага тэксту як да нязменнай субстанцыі і не прыслухоўваліся да аргументаў ніканіянцаў.

З пункту гледжання гістарычных фактаў, адзначае Д.Л. Мардоўцаў, мелі рацыю Авакум і яго саюзнікі: не рускія, а грэкі адышлі ад традыцыі. Русь прыняла хрысціянства па Студыйскім статуце (які ў грэкаў быў пазней заменены Іерусалімскім),

захаваўшы старыя абрады да сярэдзіны XVII ст. Аўтар спыняецца і на іншых прычынах расколу, падкрэсліваючы, што ён быў выкліканы не толькі ніканаўскай рэформай: канфесіянальныя разыходжанні накладваліся на сацыяльныя. Стараабраднікі не прымалі “самадзяржаў” цара ў царкоўных пытаннях, сакралізацыі фігуры манарха, зніжэння ролі епіскапства. Царкоўныя і сацыяльныя матывы спрыялі арганізацыі паўстанняў.

Канец XX – пачатак XXI стст.

У канцы XX ст. з’яўляюцца працы, напісаныя прадстаўнікамі стараабрадніцтва. Адной з іх стала кніга “Русское старообрядчество: духовное движение семнадцатого века” С.А. Зянькоўскага [6] – буйнога славіста, прадстаўніка першай хвалі рускай эміграцыі, спецыяліста па гісторыі духоўнай культуры Расіі. Аўтар падрабязна разгледзеў карані царкоўнага канфлікту XVII ст., паказаў нарастанне напружанасці паміж праваслаўнай царквой, дзяржавай і прыхільнікамі старога абраду. С.А. Зянькоўскі паказаў сувязь паміж даніканіянскім рухам у рускім праваслаўі і пазнейшым падзелам стараабрадніцтва на папоўства і беспопоўства.

На наш погляд, аўтар дэталёва вывучыў глыбінныя прычыны рэлігійнага крызісу XVII ст., які прывёў да расколу РПЦ і трагічныя наступствы якога адчуваюцца да гэтага часу.

У 1996 г. выйшаў слоўнік “Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря” [28]. Гэта кніга мае сваю перадгісторыю. У хуткім часе пасля расколу РПЦ стараабраднікі рабілі спробы сістэматызаваць веды аб гісторыі і звычаях рускага праваслаўя, аб яго знакамітых дзеячах. У першай палавіне XVIII ст. Сямён Дзянісаў склаў “Виноград Российский” – гістарычнае даследаванне аб святых новапакутніках па ўсёй Расіі, якія пацярпелі за “старую веру”. Іванам Філіпавым была напісана паводле ўзору старажытных патэрыкаў “История Выговской старообрядческой пустыни”. У першай палавіне XIX ст. складаннем гістарычнага слоўніка займаўся Павел Любапытны.

У стараабрадніцкім слоўніку 1996 г. змешчаны звесткі пра веравучэнні розных сагласаў і біяграфічныя даныя аб стараабрадніцкіх дзеячах. У слоўнік увайшлі матэрыялы па гісторыі вялікай колькасці сагласаў і толкаў з XVII па XX ст.

Гісторыя канфесій як галіна асобых даследаванняў сфарміравалася ў беларускай навуцы ў апошнія дваццаць гадоў. Найбольшая колькасць даследаванняў была зроблена ў галіне вывучэння гісторыі РПЦ і каталіцызму, некаторыя працы прысвечаны вывучэнню пратэстантызму і іншых канфесій.

Першым з беларускіх даследчыкаў, які яшчэ ў 1931 г. звярнуўся да гісторыі РПЦ, быў М.М. Нікольскі. У кнізе “История русской церкви” [24], трэцяе выданне якой выйшла ў 1985 г., ён звяртаецца да прычын расколу РПЦ, аналізуе рэлігійна-сацыяльныя рухі ў другой палавіне XVII ст.; разглядаючы асаблівасці стараабрадніцтва ў XVIII ст., звязвае рост гандлёвага капіталу з дзейнасцю расійскіх пасадніцкіх стараабраднікаў (аўтар паказвае тры накірункі ў стараабрадніцтве: баярскі, пасадскі і сялянскі) [24, с. 234].

У 1984 г. выйшла кніга М.С. Корзуна “Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов X век – 1917 г.” [12]. Разглядаючы стараабрадніцтва як своеасаблівы этап у гісторыі РПЦ, аўтар звяртаецца галоўным чынам да пытання сацыяльнай сутнасці царкоўнага расколу [12, с. 91–99].

Заўважым, што М.М. Нікольскі і М.С. Корзун у сваіх працах не разглядаюць гісторыю рускага стараабрадніцтва на беларускіх землях, не даюць аналізу адносін паміж Расіяй і Рэччу Паспалітай у пытаннях аб рускіх стараабрадніках.

Значнае месца ў беларускай гістарыяграфіі займае калектыўная навуковая праца Т.П. Кароткай, К.С. Пракошынай, А.А. Чуднікавай “Старообрядчество в Белоруссии” [14], у якой асноўны матэрыял пададзены ў філасофска-сацыялагічным плане, а гістарычная частка – у агульным. У першай главе разглядаюцца наступныя пытанні: узнікненне расколу, фарміраванне асноўных уяўленняў стараабраднікаў, пашырэнне стараабрадніцтва ў Беларусі; другая глава прысвечана стану сучаснага стараабрадніцтва.

У параграфі “Распространение старообрядчества в Белоруссии” аўтары вызначаюць час засялення стараабраднікамі Веткі, паведамляюць пра асаблівасці веткаўскага сагласа, пра адносіны ўлад Рэчы Паспалітай да стараабраднікаў. Матэрыял параграфу пададзены ў кароткай форме: займае ўсяго адзінаццаць старонак [14, с. 31–41].

Недахопам названай працы, на наш погляд, з’яўляецца адсутнасць аналізу жыцця стараабраднікаў на землях цяперашніх Віцебскай, Мінскай і Магілёўскай абласцей у канцы XVII–XIX стст. Першую главу ўзбагаціла б выкарыстанне архіўнага матэрыялу.

У 1998 г. у рэспубліцы з’явілася калектыўная навуковая праца пад агульнай рэдакцыяй У.І. Навіцкага – “Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.)” [8]. Аўтары гэтай працы, А.М. Філатава і В.В. Грыгор’ева, даюць агульную характарыстыку стараабрадніцтва на Беларусі па губернях у другой палавіне XVIII ст. – пачатку XX ст. і закранаюць праблемы адносін паміж праваслаўнымі свяшчэннікамі і стараабраднікамі [8, с. 48–55, 93–107].

Асобным накірункам гісторыка-рэлігійных даследаванняў стаў у гэты час аналіз рэлігійнасці як з’явы традыцыйнай народнай культуры, прычым толькі некаторыя аўтары пачалі разглядаць народную культуру ў залежнасці ад царкоўных інстытутаў. На наш погляд, недахопам у працах беларускіх гісторыкаў з’яўляецца тое, што, разглядаючы традыцыйную народную культуру, яны паказвалі яе залежнасць ад найбольш буйных канфесій, пакідаючы без увагі меншыя па колькасці вернікаў канфесіі, у тым ліку і стараабрадніцтва.

Трэба адзначыць каштоўнасць некаторых навуковых прац па філалогіі, у якіх даецца аналіз гаворак стараабраднікаў, што жывуць на землях сённяшняй Беларусі. Да такіх у першую чаргу трэба залічыць доктарскую дысертацыю А.Ф. Манаенкавай “Язык Ветки” [18], дзе даецца кароткая гістарычная даведка аб Ветцы, апісанне веткаўскіх стараабраднікаў [18, с. 10–13].

У канцы XX – пачатку XXI стст. актывізавалася навуковая работа па вывучэнню стараабрадніцтва. Так, на Украіне ў 2000 г. выйшла манаграфія С. Таранца “Старообрядчество Подолии”, у якой аўтар удзяляе шмат увагі пытанням гісторыі і сучаснасці стаабрадніцтва Падоліі. Таранец распавядае пра месцы кампактнага пражывання абаронцаў старога абраду, іх сацыяльную структуру, гаспадарчую дзейнасць, прыводзіць афіцыйныя дадзеныя аб іх колькасці. Многа ўвагі аўтар удзяліў іх царкоўнаму жыццю, узаемаадносінам з дзяжаваю і другімі Цэрквамі. Паказаны сучасны стан стараабрадніцкіх абшчын рэгіёна [29].

У 2004 г. выйшла яшчэ адна манаграфія С. Таранца – “Старообрядчество города Киева и Киевской губернии”. Манаграфія мае таксама гістарычны характар. Яна прысвечана гісторыі расколу стараабрадніцтва г. Кіева і Кіеўскай губерні. Даследавана дэмаграфія, сацыяльная структура, эвалюцыя прававога статуса мясцовага стараабрадніцтва. Вывучаны асаблівасці манастырскага жыцця, царкоўнага будаўніцтва, кніжнасці, прадпрыемальніцтва стараабраднікаў. Паказаны сучасны стан стараабрадніцкіх абшчын рэгіёна [30]. Аналізуючы перыяд савецкай улады, аўтар адзначае: “В годы советской власти в Киев переселились староверы из других регионов

республики в частности и страны в целом, однако в подавляющей массе это были выходцы из черныбыльских слобод...” [30, с. 49].

У апошні час вялікая праца па даследаванні гісторыі стараабрадніцтва праводзіцца ў Літве. У 2005 г. выйшаў у свет кароткі гістарычны і біяграфічны слоўнік “Староверие Балтии и Польши”. Слоўнік прысвечаны стараабрадніцтву ў Эстоніі, Латвіі, Літве і Польшчы і ахоплівае перыяд ад другой паловы XVII ст. да нашых дзён. Выданне такога слоўніка пра стараабраднікаў гэтых краін зроблена ўпершыню. У большасці артыкулаў увага надаецца гісторыі Царквы, стараабрадніцкіх абшчын і вядомым асобам у стараабрадніцтве Балтыі і Польшчы. Найбольшыя артыкулы прысвечаны гісторыі абаронцаў старога абраду і галоўным кіруючым структурам. Значную частку слоўніка складаюць біяграфічныя даведкі і артыкулы пра дзеячаў стараабрадніцтва. Гэта звесткі пра настаўнікаў, прычэтнікаў, багамазаў, старшынь саветаў асобных абшчын, рэлігійных і грамадскіх дзеячаў [1].

Вялікая колькасць літаратуры па гісторыі стараабрадніцтва выходзіць у Расіі. У 2006 г. пад аўтарствам А.У. Кастрова выйшла манаграфія “Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX – начале XX вв.”. У манаграфіі разгледжаны працэс развіцця стараабрадніцтва ў адзначаны перыяд. Даследуюцца ідэалагічныя і культурныя асновы гаспадарчай і грамадскай дзейнасці стараабраднікаў. Паказаны характар і маштабы дзейнасці абаронцаў старога абраду ў культурнай, сацыяльнай, эканамічнай, палітычнай сферах жыцця дарэвалюцыйнай Расіі.

Асобая ўвага ўдзелена такому важнаму складніку стараабрадніцкай культуры, як гістарычная літаратура. Разгледжаны асновы стараабрадніцкай гістарыяграфічнай традыцыі і працэс яе развіцця [15].

Уяўляе цікавасць зборнік “Клинцовский летописец” (аўтар Р.І. Перакрэстаў), выдадзены ў г. Клінцы ў 2007 г. Гэты зборнік – першая кніга ў гісторыка-дакументальнай серыі, прысвечанай мінуламу г. Клінцы Бранскай вобласці. У зборніку размешчаны розныя дакументальныя крыніцы: перапісы насельніцтва слабады Клінцы, публікацыі мінулых стагоддзяў, частка з якіх выдадзена ўпершыню. Дакументы распавядаюць пра Старадуб’е і Ветку [27].

Заклучэнне

Крыніцазнаўчы і гістарыяграфічны агляд дазваляе нам зрабіць наступную выснову: тэма “Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX стст.” у беларускай гістарыяграфіі распрацавана недастаткова. Некаторыя пытанні гэтай тэмы закраналі ў сваіх працах расійскія і польскія гісторыкі, але без выкарыстання дакументаў, што захоўваюцца ў Нацыянальным гістарычным архіве Рэспублікі Беларусь, Літоўскім дзяржаўным гістарычным архіве і часткова ў архівах Расіі – Расійскім дзяржаўным архіве старажытных актаў і Расійскім дзяржаўным гістарычным архіве ў Санкт-Пецярбургу.

За два стагоддзі знаходжання на беларускіх землях стараабраднікі, жывучы адасоблена, здолелі захаваць сваю веру, рэлігійныя абрады, звычаі, сваю мараль. Іх культура і мова, як і ўсё іх духоўнае жыццё, не растварыліся на новым месцы пражывання. Жыццё ў дыяспары спрыяла таму, што яны захавалі сваю адметнасць. Іх узаемадапамога, кемлівасць і практыцызм дапамагалі наладжваць даволі зможнае жыццё, а матэрыяльны дастатак і ўменне выкарыстоўваць спрыяльныя палітычныя і эканамічныя ўмовы давалі магчымасць будаваць свае цэрквы і малельні. На беларускіх землях абаронцы старога абраду, дзякуючы сваёй салідарнасці, узаемадапамозе, здолелі стварыць строгую цэнтралізацыю, свае кіруючыя асяродкі, свой статут. Пасля шматлікіх безвыніковых захадаў, накіраваных на тое, каб займець свайго епіскапа, дзя-

куючы і намаганням веткаўскіх стараабраднікаў, стараабрадніцтва, галоўным чынам папоўцы, займела свайго епіскапа і стварыла адзіны стараабрадніцкі папоўскі цэнтр. Усё гэта было ў нашай гісторыі і патрабуе новых даследаванняў.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Барановский, В. Старовение Балтии и Польши / В. Барановский, Г. Поташенко. – Вильнюс : Aidai, 2005. – 460 с.
2. Бубнов, Н.Ю. Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. / Н. Ю. Бубнов. – СПб. : Тип. РПМ Российской академии наук, 1995. – 434 с.
3. Вознесенский, А.В. Старообрядческие издания XVIII – начала XIX века / А.В. Вознесенский. – СПб. : Тип. РПМ Российской академии наук, 1996. – 160 с.
4. Гурьянова, Н.С. История и человек в сочинениях старообрядцев XVIII века / Н.С. Гурьянова. – Новосибирск : Наука, 1996. – 232 с.
5. Заволоко, И.Н. История Церкви Христовой / И.Н. Заволоко. – Рига : Изд. Центрального Совета Древлеправославной Поморской Церкви Латвии, 1937. – 128 с.
6. Зеньковский, С.А. Русское старообрядчество : Духовные движения семнадцатого века – М. : Церковь, 1995. – 528 с.
7. Iwaniec, E.Z dziejów Staroobrzędowców na ziemiach Polskich XVII–XX w. / E. Iwaniec. – Warszawa, 1977. – 295 s.
8. Канфесіі на Беларусі (к. XVIII–XX ст.) / В.В. Грыгор’ева, У.М. Завальнюк, У.І. Навіцкі, А.М. Філатава ; навук. рэд. У.І. Навіцкі. – М. : Экаперспектыва, 1998. – 340 с.
9. Карцов, В.Г. Религиозный протест как форма антифеодального протеста в истории России. Ч. 2 / В.Г. Карцов. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1971. – 208 с.
10. Карцов, В.Г. Религиозный раскол как форма антифеодального протеста в истории России. Ч. 1. / В.Г. Карцов. – Калинин : Калинин. гос. ун-т, 1971. – 160 с.
11. Катунский, А. Старообрядчество / А. Катунский. – М. : Политиздат, 1972. – 120 с.
12. Корзун, М.С. Русская православная церковь на службе эксплуататорских классов X век – 1917 год / М.С. Корзун. – Минск : Беларусь, 1984. – 255 с.
13. Корзун, М.С. Русская православная церковь, 1917–1945 гг. : Изм. социал.-полит. ориентации и науч. несостоятельность вероучения / М.С. Корзун. – Минск : Беларусь, 1987. – 111 с.
14. Короткая, Т.П. Старообрядчество в Белоруссии / Т.П. Короткая [и др.] – Минск : Наука и техника, 1992. – 117 с.
15. Костров, А.В. Старообрядчество и старообрядческая историческая мысль во второй половине XIX – начале XX вв. / А.В. Костров. – Иркутск : Оттиск, 2006. – 160 с.
16. Ксенос, И.Г. Окружное послание, составленное И.Г. Ксеносом и изданное старообрядческими епископами 24 февраля 1862 г., с приложением Устава и Омышления, составленных тем же автором. Изданное Н. Субботиным с предисловием, примечанием и портретом Ксеноса / И.Г. Ксенос. – М. : Тип. В.В. Исленьева, 1893. – 226 с.
17. Лабачэўская, В.А. Зберагаючы самабытнасць. 3 гісторыі народнага мастацтва і промыслаў Беларусі / В.А. Лабачэўская. – Минск : Беларуская навука, 1998. – 376 с.
18. Манаенкова, А.Ф. Язык Ветки : дис. ... д-ра. филол. наук / А.Ф. Манаенкова; БГУ им. В.И. Ленина. – Минск, 1974. – Т. 1. – 366 л.
19. Мельников, П.И. В лесах. Кн. 1 / П.И. Мельников. – М. : Художественная литература, 1989. – 639 с.
20. Мельников, П.И. В лесах. Кн. 2 / П.И. Мельников. – М. : Художественная литература, 1989. – 576 с.

21. Миловидов, В.Ф. Современное старообрядчество / В. Ф. Миловидов. – М. : Мысль, 1979. – 126 с.
22. Миловидов, В.Ф. Старообрядчество в прошлом и настоящем / В.Ф. Миловидов. – М. : Мысль, 1969. – 112 с.
23. Мордовцев, Д.Л. Собр. соч. Т. 6 / Д.Л. Мордовцев. – М. : ТЕРРА, 1996. – 544 с.
24. Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – М. : Л. : Моск. рабочий, 1931. – 400 с.
25. Платонов, С.Ф. Памятники истории старообрядчества XVII в. – Вып. 1. – Т. 1 / С.Ф. Платонов. – Ленинград : Изд. Акад. наук, 1927. – 959 с.
26. Подмазов, А. Старообрядчество в Латвии / А. Подмазов. – Рига : Лиесма, 1970. – 111 с.
27. Перекрестов, Р.И. Клинцовский летописец. Кн. 1 / Р.И. Перекрестов. – Клинцы : Клинцовская городская типография, 2007. – 501 с.
28. Старообрядчество. Лица, предметы, события и символы. Опыт энциклопедического словаря сост. : С.Г. Вургафт, И.А. Ушаков. – М. : Церковь, 1996. – 316 с.
29. Таранец, С. Старообрядчество Подолии / С. Таранец. – Киев : Киевская книжная фабрика, 2000. – 239 с.
30. Таранец, С. Старообрядчество города Киева и Киевской губернии / С. Таранец. – Киев : Полиграфкомбинат, 2004. – 352 с.

Garbatski A.A. The History of Old Believers: Results of Sources Study (1917- the beginning of the 21st century)

The author of the article analyzes the main sources of the history of the Old Believers published in the 20th and the beginning of the 21st centuries. This period had its peculiarities. The history of the Old Believers was approached from different positions. The first one illustrated the point of view of the official powers and those who were on the positions of Marxism-Leninism. Another one reflected the standpoint on the split of the Old Believers and Russian Orthodox Church. A third position concerned the authors who considered themselves independent from any influence. There was one more position, the position of the Old Believers themselves, but their works almost were not published before perestroika. Only since the end of the 20th century the works of the Old Believers have been published in great issues.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 25.01.08

УДК 94 (476) «1921/1939»

А.М. Вабішчэвіч

НАЦЫЯНАЛЬНА-КУЛЬТУРНАЯ ПРАБЛЕМАТЫКА Ё ГРАМАДСКА-ЦАРКОЎНЫМ ЖЫЦЦІ ПРАВАСЛАЎНАГА НАСЕЛЬНІЦТВА ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ (1921–1939 гг.)

У артыкуле прааналізавана пазіцыя праваслаўнага духавенства, грамадска-царкоўных арганізацый адносна культуры, мовы, традыцый беларускага насельніцтва на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў 20–30-я гг. ХХ ст. Прадметам дадзенага даследавання з’яўлялася дзейнасць розных заходнебеларускіх праваслаўных грамадскіх аб’яднанняў. У артыкуле падкрэсліваецца, што беларускі праваслаўны рух не атрымаў шырокага развіцця і абмяжоўваўся пераважна Вільняй і Віленскім ваяводствам. Сярод прычын слабасці беларускага праваслаўнага руху вылучаны ўстойлівая, традыцыйная прыхільнасць духавенства да выкарыстання ў рэлігійнай практыцы царкоўнаславянскай і рускай моў, ва ўзаемаадносінах з вернікамі – рускай мовы, другараднасць нацыянальнай праблемы для беларускага насельніцтва ў параўнанні з пытаннямі сацыяльна-эканамічнага характару, нешматлікасць беларускай інтэлігенцыі, адсутнасць беларускамоўнай рэлігійнай літаратуры. Зроблена выснова аб тым, што па меры ўзмацнення залежнасці ад польскіх улад праваслаўная царква ўсё больш актыўна ўцягвалася ў працэсы дэрусіфікацыі і паланізацыі, асабліва з сярэдзіны 1930-х гг.

Уводзіны

У айчыннай гістарыяграфіі канфесійная праблематыка Заходняй Беларусі 1921–1939 гг. з-за прыярытэту грамадска-палітычнай і сацыяльна-эканамічнай тэматыкі на працягу доўгага часу не была аб’ектам сур’ёзных даследаванняў. Толькі прадстаўнікі заходняй беларускай дыяспары займаліся гісторыяй праваслаўнай царквы ў Польшчы ў перыяд паміж Першай і Другой сусветнымі войнамі, аднак недаступнасць архіўных крыніц перашкаджала ім праводзіць грунтоўнае вывучэнне. У працы І. Касяка [1] назіралася пэўная ідэалізацыя беларускіх грамадска-царкоўных аб’яднанняў, адмоўна ацэньвалася стаўленне праваслаўнага духавенства да нацыянальных інтарэсаў беларускага насельніцтва. Дзяржаўна-царкоўныя адносіны разглядаліся таксама ў працах А. Мартаса, А. Світыча [2; 3]. У польскай гістарычнай навуцы праваслаўная праблематыка разглядалася ў кантэксце нацыянальнай палітыкі польскіх урадаў [4; 5], у тым ліку і ў манаграфіі М. Папяжынскай-Турак [6]. І толькі на сучасным этапе развіцця беларускай гістарычнай навуцы грунтоўна займаецца гісторыяй праваслаўнай царквы на Гродзеншчыне В. Чарапіца [7]. Асобныя аспекты згаданай праблематыкі закранаюць і некаторыя маладыя даследчыкі. Аднак пакуль існуюць некаторыя стэрэатыпы адносна нацыянальнай інтэрпрэтацыі праваслаўнай культурнай спадчыны і грамадска-царкоўнага жыцця. Менавіта таму мэтай дадзенага артыкула з’яўляецца комплексны аналіз дзейнасці розных праваслаўных грамадска-царкоўных арганізацый на тэрыторыі Заходняй Беларусі ў вызначаны храналагічны перыяд, іх адносіны да мовы, культуры, традыцый беларускага насельніцтва. З улікам распрацаванасці пытанняў па гісторыі таварыстваў рускай супольнасці іх дзейнасць у артыкуле не закраналася.

Беларускі праваслаўны грамадска-царкоўны рух

Ва ўмовах вызвалення праваслаўнай царквы ў Польшчы ад падпарадкавання маскоўскаму патрыярхату з пачатку 1920-х гг. назіралася тэндэнцыя пераадолення яе ранейшага дамінуючага рускага характару. У гэтым былі зацікаўлены найперш польскія ўлады. Дзеля дасягнення кампрамісу паміж дзяржаўнымі і царкоўнымі структурамі, для задавальнення інтарэсаў грамадскасці 14 снежня 1922 г. св. Сінод у

Варшаве зацвердзіў рашэнне мітрапаліта Дыянісія аб выкарыстанні розных моў у богаслужэннях пры дзвюх умовах: жаданні вернікаў і зацвярджэнні адпаведных тэктаў царкоўнымі ўладамі. У рэлігійна-адукацыйнай дзейнасці беларуская мова дапускалася ў пэўных мясцовасцях пры выкарыстанні яе ў паўсядзённых зносінах беларускім насельніцтвам [8, арк. 18]. У верасні 1924 г. св. Сінод у Варшаве дазволіў выкарыстанне беларускай, украінскай і іншых моў у час богаслужэнняў, малітваў, пры вывучэнні рэлігіі ў школах [9, с. 6]. Магчымая беларусізацыя праваслаўнага грамадска-царкоўнага жыцця разглядалася польскімі ўладамі ў якасці сродку дэрусіфікацыі праваслаўнай царквы. Такой пазіцыі прытрымліваліся і іх палітычныя апаненты. Т. Галуўка восенню 1924 г. заклікаў пераўтварыць праваслаўную царкву ў дзяржаўную, паслядоўна праводзячы на Валыні яе ўкраінізацыю, а ў Заходняй Беларусі – беларусізацыю, прапаноўваў у супрацьвагу старому духавенству выходзіць маладых святароў на каштоўнасцях польскай культуры [10, с. 76].

Паводле распараджэння Міністэрства веравызнання і грамадскай асветы ад 18 лютага 1927 г., рэлігію ў пачатковых школах можна было выкладаць на роднай мове вучняў па жаданню іх бацькоў [11, арк. 43]. Аналіз стану вывучэння рэлігіі ў Віленскай епархіі ў 1928 г. паказвае, што з 668 анкетаваных школ (33 826 дзяцей) у большасці гэта адбывалася па-беларуску. Толькі ў 38 школах выкладалі на рускай мове [12, с. 11–15]. Нягледзячы на выкарыстанне беларускай мовы ў якасці дапаможнай пры навучанні дзяцей у асобных мясцовасцях, да сярэдзіны 1930-х гг. у праваслаўным грамадска-царкоўным жыцці пануючыя пазіцыі займала руская мова. Беларусізацыя праваслаўнай царквы адмаўлялася як польскай адміністрацыяй, так і праваслаўным духавенствам [13, с. 329; 14, с. 90].

Выгадныя кан’юнктурныя абставіны ў культурна-моўнай сітуацыі выкарысталася нешматлікая беларуская інтэлігенцыя. Па ініцыятыве дэпутатаў Беларускага пасольскага клуба ў лютым – снежні 1925 г. у Варшаве выдаваўся беларускамоўны грамадска-царкоўны часопіс «Праваслаўны беларус», рэдактарам якога з’яўляўся Я. Пачопка. Беларускі праваслаўны рух пачаў арганізацыйнае афармленне з утварэння ў красавіку 1927 г. у Вільні Праваслаўнага беларускага дэмакратычнага аб’яднання (ПБДА), якое выступала за ўвядзенне беларускай мовы ў пропаведзях, пры вывучэнні рэлігіі, дамагалася ўладкавання царквы на прынцыпах саборнасці, прыцягнення да канфесійнага жыцця свецкай грамадскасці. Ідэйным лідэрам ПБДА з’яўляўся сенатар В. Багдановіч, лідэр «старацаркоўнікаў». Хоць за царквой прызнавалася адно з галоўных месцаў у жыцці грамадства, аднак хрысціянскія каштоўнасці разглядаліся ў цеснай сувязі з нацыянальна-культурнымі. ПБДА знаходзілася ў апазіцыі як да польскіх дзяржаўных улад, так і праваслаўных іерархаў. На старонках друкаванага органа – часопіса «Праваслаўная Беларусь», які выдаваўся на беларускай мове ў Вільні ў канцы 1927–1928 гг., – змяшчаліся дакументы аб станаўленні заходнебеларускіх партый і арганізацый да парламенцкай выбарчай кампаніі 1928 г. [15, с. 4–6] і іншыя матэрыялы. В. Багдановіч не супрацьпастаўляў рускую і беларускую мовы, якімі карысталіся вернікі ў грамадска-царкоўным жыцці і паўсядзённых узаемаадносінах, папярэджаў аб недапушчальнасці адмаўлення ад царкоўнаславянскай мовы, высока ацэньваючы яе значэнне і ролю ў лёсе ўсходнеславянскай культурнай спадчыны. Патрабаванні пераводу богаслужэння на рускую, украінскую, беларускую і іншыя «жывыя» славянскія мовы В. Багдановіч тлумачыў палітычнымі, а не царкоўнымі матывамі («адгароджванне ад рускіх»), ацэньваў іх як «антыкультурнае зло» [16, с. 45]. Паказваючы на канкрэтных гістарычных прыкладах культурныя запазычванні славянскіх народаў, В. Багдановіч раіў палякам праваслаўнага веравызнання дзеля «чыста культурнай карысці» не ўводзіць богаслужэнні на польскай мове, а захаваць царкоўнаславянскую мову [17, с. 192]. У адрозненне ад В. Багдановіча і яго

прыхільнікаў, нацыянальна-радыкальная група А. Каўша ў верасні 1928 г. – красавіку 1929 г. наладзіла ў Вільні выданне беларускамоўнага царкоўна-грамадскага часопіса «Беларуская зарніца», дзе дэкларавалася пераадоленне адчужэння праваслаўнай царквы ад грамадскіх, нацыянальна-культурных інтарэсаў.

На праведзеным у Вільні 14 сакавіка 1930 г. па ініцыятыве паланафільскага таварыства «Прасвета», з'ездзе праваслаўных беларусаў дзе прысутнічалі прадстаўнікі грамадскасці Віленскай і Гродзенскай епархій, інтэлігенцыя і студэнцкая моладзь, аб'яднаныя вакол групы А. Луцкевіча – Р. Астроўскага [18, арк. 6–7], быў утвораны Цэнтральны беларускі праваслаўны камітэт (ЦБПК). Друкаваным органам новага аб'яднання стаў часопіс «Светач Беларусі» (1931–1933 гг.). Аналіз персанальнага складу ЦБПК [19, арк. 10] сведчыць аб адсутнасці там згуртаванасці і адзінства: старшыня Т. Вернікоўскі быў адным з кіраўнікоў паланафільскага крыла, не карыстаўся грамадскім аўтарытэтам, А. Коўш абсалютызаваў нацыянальныя праблемы. Паводле патрабаванняў ЦБПК, беларуская мова павінна была прысутнічаць у пропаведзях для мясцовага насельніцтва і для беларусаў-вайскоўцаў, пры выкладанні рэлігіі, у зносінах з вернікамі, аднак мовай богаслужэнняў павінна заставацца царкоўнаславянская [19, арк. 13]. У сваёй дзейнасці ЦБПК схіляў да згодніцтва, супрацоўніцтва з польскімі ўладамі. Русафобская пазіцыя ЦБПК выклікала пратэсты з боку праваслаўнага духавенства [20, с. 552]. Хоць аб'яднанне ахапіла сваім уплывам тэрыторыю Віленскай, Гродзенскай і часткова Палескай епархій, яно, аднак, заставалася нешматлікім і да сярэдзіны 1930-х гг. прыйшло ў заняпад. Канфрантацыйная тактыка ў адносінах з царкоўнымі ўладамі была адкінута Беларускай нацыянальнай камітэтам, што было прадстаўлена ім у двух нумарах «Голаса праваслаўнага беларуса», які выдаваўся ў Вільні ў канцы 1931 г. пад рэдакцыяй А. Маркевіча. Друкаваны орган праваслаўнай фракцыі ў складзе Беларускай хрысціянскай дэмакратыі (БХД) – беларускамоўны часопіс «Царква і народ», два нумары якога выйшлі ў Вільні ў жніўні 1932 г. – лютым 1933 г., – настойліва абараняў інтарэсы праваслаўнага веравызнання, выступаў за беларусізацыю праваслаўнай царквы, супраць атэістычнага светапогляду.

Аднак беларускі праваслаўны грамадска-царкоўны рух не атрымаў шырокага развіцця, разгортваўся пераважна ў Вільні і на тэрыторыі Віленскага ваяводства. Сярод прычын такога становішча неабходна вылучыць наступныя: 1) другараднасць нацыянальных праблем для беларускага насельніцтва ў параўнанні з сацыяльна-эканамічнымі; 2) незацікаўленасць польскіх улад у існаванні небяспечных для яе беларускіх грамадскіх адзінак; 3) нешматлікасць беларускай інтэлігенцыі і адсутнасць нацыянальнаарыентаванага праваслаўнага духавенства; 4) маргінальны склад беларускіх групавак, якія мелі слабы ўплыў у заходнебеларускім грамадстве; 5) русафобскія погляды часткі актыву беларускіх аб'яднанняў; 6) уздзеянне шавіністычных польскіх выданняў, друку эмігрантаў-манархістаў; 7) перавага сярод старэйшага пакалення прыхільнікаў захавання рускага характару праваслаўнай царквы; 8) адсутнасць беларускамоўных рэлігійных перакладаў, вучэбнай літаратуры. На працягу ўсяго міжваеннага часу з 69 беларускамоўных рэлігійных выданняў кніг праваслаўнага характару было ўсяго 6, аўтарам ці рэдактарам якіх быў педагог С. Паўловіч. Руская мова і паводле традыцыі, і праз перавагу рускіх у складзе духавенства, выхаваных яшчэ ў дарэвалюцыйнай Расійскай імперыі, працягвала выкарыстоўвацца як ва ўзаемаадносінах праваслаўных, так і ў царкоўным жыцці. Хоць усе беларускія праваслаўныя аб'яднанні выступалі за пашырэнне выкарыстання беларускай мовы ў пропаведзях, царкоўным справаходстве, аднак дапускалі захаванне царкоўнаславянскай мовы ў якасці літургічнай.

Аналіз стану беларускага праваслаўнага грамадска-царкоўнага руху абвяргае перабольшаныя заключэнні польскіх улад аб рэальнай тэндэнцыі адносна надання

праваслаўнай царкве беларускага характару ў канцы 1930-х гг. [21, арк. 80]. У сваю чаргу, сцвярджэнні палескага ваяводы В. Костак-Бярнацкага аб большай схільнасці мясцовага насельніцтва да рускай культуры і традыцый у выніку дзейнасці праваслаўнай царквы на самай справе з'яўляюцца канстатацыяй тэндэнцыі да самазахавання культурна-моўных традыцый на нізавым узроўні. На афіцыйным узроўні на Палессі актыўна ажыццяўлялася дэрусіфікацыя грамадска-царкоўнага жыцця (уведзена забарона на выкарыстанне ў метрыках імёнаў рускай транскрыпцыі і інш.) [22]. Віленскі ваявода У. Яшчалд небяспеку бачыў не толькі ў рускім характары праваслаўнай царквы, але і ў дзеяннях беларускай інтэлігенцыі, якая імкнулася надаць праваслаўю нацыянальны характар [23, арк. 19, 21].

Узмацненне дэрусіфікацыі і паланізацыі праваслаўнай царквы

У супрацьвагу беларускаму грамадска-царкоўнаму руху польскія ўлады з сярэдзіны 1930-х гг. інспіравалі рух «праваслаўных палякаў». Фармальнай падставай для гэтага з'яўлялася наяўнасць у структуры насельніцтва праваслаўных польскай этнічнай прыналежнасці: паводле перапісу насельніцтва 1931 г. іх налічвалася ў Польшчы 516 тыс. чалавек, у пачатку 1935 г. – 500 тыс. чалавек [24, с. 81]. Частку актывістаў новага грамадскага руху складалі чыноўнікі праваслаўнага веравызнання. Арганізацыйныя дзеянні пачаліся толькі пасля прыходу новага кіраўніка Гродзенскай епархіі Савы (Саветава), перакананага прыхільніка паланізацыі праваслаўнай царквы. На надзвычайным пасяджэнні св. Сінода ў Варшаве былі зацверджаны польскамоўныя пераклады літургічных тэкстаў, дадзены дазвол на іх выкарыстанне [25, с. 82].

Адначасова стваралася арганізацыйная структура руху «праваслаўных палякаў». У 1935 г. у Беластоку ўзнікла таварыства «Праваслаўны дом» імя Ю. Пілсудскага. Аналагічныя таварыствы былі створаны ў Гродне, Вільні, Навагрудку, Валожыне, Слоніме, Баранавічах [26]. На іх арганізацыйных сходах рабіліся заклікі да барацьбы з «наступствамі царскай русіфікацыі» [27; 28]. Акрамя аб'яднання і салідарнасці, мэтай таварыства «Дом палякаў праваслаўнага веравызнання імя С. Баторыя» ў Гродне абвяшчалася таксама «прапаганда сярод членаў таварыства асноў выхавання дзяцей добрымі грамадзянамі Польскай Рэспублікі» [29, арк. 1]. Пачатак рэгулярнага друку руху «праваслаўных палякаў» паклаў зварот мітрапаліта Дыянісія 16 лістапада 1936 г. да Міністэрства веравызнанняў і грамадскай асветы з просьбай аб фінансавай падтрымцы для выдання польскамоўнай рэлігійнай літаратуры [30, с. 83].

У структуры Праваслаўнага навукова-выдавецкага інстытута, заснаванага ў Гродне па ініцыятыве галоўнага праваслаўнага капелана польскага войска Сімяона (Федаронькі) [31, с. 130], было створана 6 секцый – багаслоўская, гістарычная, архіўна-бібліяграфічная, тэрміналагічная, царкоўнага мастацтва і па падрыхтоўцы праваслаўнай энцыклапедыі. Супрацоўнікі ўстановы праводзілі лекцыі па багаслоўскіх праблемах і пытаннях царкоўнай гісторыі, друкавалі па-польску часопіс «Голас праваслаўя», брашуры. Выдавецкая, навукова-прапагандысцкая дзейнасць ажыццяўлялася выключна за кошт субсідый польскага ўрада і мясцовых органаў улады. У студзені 1939 г. Праваслаўны навукова-выдавецкі інстытут пачаў выдаваць на польскай мове штомесячны часопіс «Przegląd Prawosławny» («Праваслаўны агляд»). 3 мая 1939 г. у Вільні пачаў выдавацца польскамоўны «Праваслаўны двухтыднёвік». Навукова-тэарэтычны ўзровень усіх выданняў Праваслаўнага навукова-выдавецкага інстытута быў слабым.

Нягледзячы на пратэкцыянісцкія меры з боку дзяржаўных структур, рух «праваслаўных палякаў» не карыстаўся аўтарытэтам сярод беларускай праваслаўнай грамадскасці, не набыў масавага характару. Большасць праваслаўных свяшчэннікаў негатыўна ці стрымана рэагавала на планы паланізацыі праваслаўнай царквы. Дзеля

самазахавання духавенства вымушана было знешне захоўваць палітычную лаяльнасць адносна польскай дзяржавы [3, с. 252]. Праціўнікі паланізацыі з ліку праваслаўнага духавенства падвяргаліся адміністрацыйна-паліцэйскаму ўціску, арыштам, турэмнаму зняволенню [1, с. 67]. Ва ўмовах фактычнай адсутнасці арганізаваных беларускіх структур галоўную ролю ў супрацьдзеянні руху «праваслаўных палякаў» сыгралі русафільскія колы і мясцовыя аб'яднанні рускай супольнасці – Рускае дабрачыннае таварыства, Рускае народнае аб'яднанне, Руская арганізацыя моладзі [7, с. 41, 49].

З сярэдзіны 1930-х гг. у моўна-культурнай сферы грамадска-царкоўнага жыцця Заходняй Беларусі ўсё больш фарсіраваўся працэс выцяснення рускай мовы, узмацняліся пазіцыі польскай мовы, культуры. Школьныя ўлады ў многіх паветах настойвалі на польскамоўным выкладанні рэлігіі [32]. Для ўздзеяння на духавенства, што адмаўлялася выкарыстоўваць польскую мову ў грамадска-царкоўным жыцці, практыкаваліся затрымкі дзяржаўных датацый [33, арк. 31, 34; 34]. Паводле тэзісаў, распрацаваных у канцы 1935 г. міжведамасным Камітэтам нацыянальных спраў, праваслаўная царква павінна была стаць інструментам насаджэння польскай культуры ў заходнебеларускіх землях [4, с. 209]. Пашырэннем польскасці сярод беларускага насельніцтва пачалі займацца маладыя святары, выпускнікі Віленскай семінарыі і тэалагічнага факультэта Варшаўскага універсітэта. Першыя польскамоўныя богаслужэнні адбыліся 11 лістапада 1935 г. у кафедральным саборы ў Беластоку і гарнізоннай царкве ў Гродне. 1 сакавіка 1936 г. пры падтрымцы Міністэрства вайсковых спраў пачалося друкаванне па-польску выдання «Gazeta Prawosławna» («Праваслаўная газета»), якое павінна было спрыяць інтэграцыі праваслаўнай супольнасці з Польскай дзяржавай і польскай культурай [35].

Паводле «Унутранага статута» праваслаўнай царквы, які быў падпісаны 18 лістапада 1938 г. [36] замест «Часовых правілаў» 1922 г., і фактычна замацаваў яе поўнае падпарадкаванне польскай дзяржаве, афіцыйнай мовай царкоўнага жыцця стала польская. Дэрусіфікацыя, барацьба з беларускім і ўкраінскім рухамі, выдаленне рускай мовы з навучання рэлігіі ў школах, царкоўных пропаведзяў былі ўключаны ў ліку асноўных мер у дырэктыўны ліст ад 21 снежня 1938 г. «Рэлігійная палітыка са спецыяльным разглядам праваслаўнай праблемы» міністра веравызнанняў і грамадскай асветы В. Свентаслаўскага [37, арк. 12–16]. Паводле ацэнак польскіх уладаў, у 1939 г. у Палескім ваяводстве ўжо ва ўсіх школах навучанне рэлігіі фармальна адбывалася на польскай мове, пропаведзі ў цэрквах таксама праводзіліся па-польску (ці на ламанай польскай мове) [38, арк. 9–10]. У тых прыходах, дзе вернікі старэйшага ўзросту не ведалі польскай мовы, дапускалася мясцовая, палеская гаворка.

Заклучэнне

Праведзены аналіз праваслаўнага грамадска-царкоўнага жыцця на тэрыторыі Заходняй Беларусі на працягу 20–30-х гг. XX в. паказаў, што пад уплывам шэрагу фактараў у культурна-моўнай сферы назіраліся тэндэнцыі, розныя па сваёй значнасці і выніковасці. З боку польскіх дзяржаўных структур выразнай была тэндэнцыя на абмежаванне рускага характару праваслаўнай царквы, яе дэрусіфікацыю і паланізацыю, асабліва з сярэдзіны 1930-х гг., што з'яўлялася састаўной часткай планаў нацыянальна-культурнай асіміляцыі заходнебеларускага насельніцтва і ўмацавання пазіцый польскай культуры. Адбывалася не толькі ідэалагічнае абгрунтаванне, але і практычнае паўсядзённае выкарыстанне структур праваслаўнай царквы ў якасці інструмента паланізацыі беларускага насельніцтва. Разам з тым праваслаўнае духавенства да сярэдзіны 1930-х гг. прытрымлівалася традыцыяналісцкага падыходу ў рэлігійнай практыцы і зносінах з вернікамі. Рускае культурна-моўнае асяроддзе ў жыцці праваслаўнай супольнасці захоўвалася пад уплывам розных рэлігійна-кананічных,

культурна-гістарычных, ідэалагічна-палітычных, сацыяльна-псіхалагічных, дэмаграфічна-ўзроставых і іншых фактараў. У ходзе праведзенага даследавання ўдалося абвергнуць неабгрунтаваныя высновы асобных папярэдніх прац аб русіфікатарскім характары дзейнасці праваслаўнай царквы.

Неаднародныя па сваіх праграмных устаноўках беларускія праваслаўныя грамадска-царкоўныя таварыствы не змаглі пераўтварыцца ў масавыя і ўплывовыя грамадскія аб'яднанні, хоць яны і выступалі за спалучэнне рэлігійных і нацыянальных каштоўнасцей. Беларусізацыя не набыла масавага пашырэння, была абмежавана толькі асобнымі мясцовасцямі Заходняй Беларусі, не атрымала істотнай падтрымкі з боку заходнебеларускіх грамадска-палітычных сіл.

СПІС ЛІТАРАТУРЫ

1. Касяк, І. З гісторыі праваслаўнай царквы беларускага народу / І. Касяк. – Нью-Йорк : БЦР, 1956. – 191 с.
2. Мартос, А. Беларусь в исторической государственной и церковной жизни : в 3 ч. – Минск : Белорусский экзархат РПЦ, 1990. – 295 с. – Репринт. изд.
3. Свитич, А.К. Православная Церковь в Польше и её автокефалия / А.К. Свитич // Православная Церковь на Украине и в Польше в XX столетии. 1917–1950. – М. : Крутицкое патриаршее подворье, 1997. – С. 86–298.
4. Chojnowski, A. Koncepcje polityki narodowościowej rządów polskich w latach 1921–1939 / A. Chojnowski. – Wrocław-Warszawa-Kraków : Ossolineum, 1979. – 262 s.
5. Gomółka, K. Białorusini w II Rzeczypospolitej / K. Gomółka. – Gdańsk : Wydawnictwo Politechniki Gdańskiej, 1992. – 179 s.
6. Papierzyńska-Turek, M. Między tradycją a rzeczywistością : państwo wobec prawosławia 1918–1939 / M. Papierzyńska-Turek. – Warszawa : PWN, 1989. – 484 s.
7. Черепица, В.Н. Очерки истории православной церкви на Гродненщине (С древнейших времён до наших дней). В 2 ч. Ч. 2 / В.Н. Черепица. – Гродно : ГрГУ, 2005. – 440 с.
8. Дзяржаўны архіў Брэсцкай вобласці (ДАБВ). – Фонд 2059. – Воп. 1. – Спр. 33. Указы Сінода Польскай праваслаўнай мітраполіі і Палескай праваслаўнай кансісторыі (1924 г.).
9. Беларуская зарніца. – 1928. – № 1. – С. 6.
10. [Vox.] Церковная программа польской демократии // Воскресное чтение. – 1925. – 1 февраля. – С. 76.
11. ДАБВ. – Фонд 2059. – Воп. 1. – Спр. 4. Указы Палескай праваслаўнай кансісторыі (1927 г.).
12. Стан законавучыцельскай справы ў Віленскай епархіі ў 1928 г. // Беларуская зарніца. – 1928. – № 7–8. – С. 11–15.
13. Urbański, Z. Mniejszości narodowe w Polsce / Z. Urbański. – Warszawa : Mniejszości narodowe, 1932. – 380 s.
14. Mironowicz, A. Rewindykacja prawosławnych obiektów sakralnych w II Rzeczypospolitej / A. Mironowicz // Białoruskie zeszyty historyczne. – Białystok : Białoruskie towarzystwo historyczne, 2004. – № 21. – S. 83–103.
15. Платформа Беларускага Цэнтральнага Аб'яднанага выбарчага камітэту блоку нацыянальных меншасцей // Праваслаўная Беларусь. – 1927. – № 5. – С. 4–6.
16. Лабынцев, Ю.А. Литературное наследие В.В. Богдановича – белорусского сенатора II Речи Посполитой / Ю.А. Лабынцев // Славяноведение. – 1997. – № 3. – С. 39–49.

17. Лабынцев Ю. Западнобелорусское письменное наследие XVII–XX вв. / Ю. Лабынцев, Л. Щавинская ; РАН, Ин-т славяноведения, Нац. б-ка Беларуси. – Минск, 2004. – 328 с.

18. Беларускі дзяржаўны архіў-музей літаратуры і мастацтва (БДАМЛіМ). – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 22. Дакументы Беларускага культурна-асветніцкага таварыства «Прасвета» г. Вільня (1926–1930 гг.).

19. БДАМЛіМ. – Фонд 3. – Воп. 1. – Спр. 198. Дакументы Цэнтральнага беларускага праваслаўнага камітэта ў Вільні (1930 г.).

20. Хроника // Воскресное чтение. – 1930. – 31 августа. – С. 552.

21. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 10. – Спр. 2358. Справа аб правядзенні ў праваслаўнай царкве богаслужэння на польскай мове (1933–1938 гг.).

22. Аб забароне выкарыстання ў метрыках імён рускай транскрыпцыі (28 чэрвеня 1933 г.) // ДАБВ. – Фонд 2036. – Воп. 1. – Спр. 18. – Арк. 107–109.

23. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 10. – Спр. 2355. Справа аб выкарыстанні польскай мовы ў праваслаўных царкоўных канцылярыях (1930–1933 гг.).

24. Zabrodzki, B. Liczba i rozmieszczenie mieszkańc6w Polski według j6zyka i wyzna6n / B. Zabrodzki // Sprawy narodowo6ciowe. – 1937. – № 1–2. – S. 81.

25. Kalina, M. Polonizacja Cerkwi prawosławnej w wojew6dztwie białostockim (1918–1939) / M. Kalina // Białoruskie zeszyty historyczne. – Białystok : Białoruskie towarzystwo historyczne, 1995. – № 2 (4). – S. 74–105.

26. Archiwum Akt Nowych w Warszawie (AAN). – Zesp6ł 8. – Cz. VI. – Sygnatura 148–263. Komisja Naukowa Bada6n Ziemi Wschodnich. Нататка пра Саюз праваслаўных палякаў (1939 г.).

27. Дзяржаўны архіў Гродзенскай вобласці (ДАГВ). – Фонд 92. – Воп. 1. – Спр. 3. Агляды друку навукова-выдавецкага праваслаўнага інстытута г. Гродна (1938–1939 гг.).

28. ДАГВ. – Фонд 92. – Воп. 1. – Спр. 2. Даклады і выступленні святароў пры адкрыцці дома палякаў праваслаўнага веравызнання і на арганізаваных сходах (1938–1939 гг.).

29. ДАГВ. – Фонд 92. – Воп. 1. – Спр. 1. Статуты навукова-выдавецкага праваслаўнага інстытута г. Гродна і арганізацыі палякаў праваслаўнага веравызнання (1938 г.).

30. Лабынцев, Ю.А. Литературное наследие «православных поляков» / Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская // Славяноведение. – 2000. – № 3. – С. 81–89.

31. Черепица, В.Н. «Православные поляки» на Гродненщине (1934–1939 гг.) / В.Н. Черепица // 60-летие образования Гродненской области : материалы Междунар. науч. конф., Гродно, 3–4 марта 2004 г., / отв. ред. В.А. Белозорович. – Гродно : ГрГУ, 2004. – С. 123–133.

32. ДАГВ. – Фонд 87. – Воп. 1. – Спр. 90. Перапіска са школамі Гродзенскага павета аб выкладанні праваслаўнай рэлігіі на польскай мове (1933–1935 гг.).

33. Прапанова нясвіжскага павятовага старасты ... (май 1937 г.) // ДАГВ. – Фонд 541. – Воп. 1. – Спр. 1056. – Арк. 31, 34.

34. ДАГВ. – Фонд 551. – Воп. 1. – Спр. 1350. Ведамасці датацыі праваслаўнаму духавенству Навагрудскага ваяводства (1934–1936 гг.).

35. Gazeta Prawosławna. – 1936. – 1 marca.

36. Dekret Prezydenta Rzeczypospolitej Polskiej z dnia 18 listopada 1938 r. “O stosunku Państwa do Polskiego Autokefalicznego Kościoła Prawosławnego” // Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej. – 1938. – № 88. – Poz. 597.

37. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 10. – Спр. 2305. Справаздачи палескага і беластоцкага ваявод ... (1933–1939 гг.).

38. ДАБВ. – Фонд 1. – Воп. 10. – Спр. 2316. Звесткі аб мовах, якімі карыстаецца праваслаўнае духавенства (1933–1934 гг.).

Vabishchevich A.M. National-Cultural Problematics in Social-Church Life of Orthodox Population of Western Belarus (1921–1939)

The author of the article analyzes the position of orthodox clergy, social-church organization in relation to the culture, language, traditions of Belarusian population on the territory of Western Belarus in the 20–30's of XX century. The subject of the research has been the activity of different Western-Belarusian orthodox social unions. It is stressed in the article that Belarusian orthodox movement didn't develop widely and confined itself mostly to Vilno and Vilno province. Among the reasons for the weakness of Belarusian orthodox movement stable, traditional adherence of the clergy and most believers to use the Church Slavonic and Russian languages in religions practice, the Russian language in the relation between the clergy and laymen; national problem as minor item for Belarusian population in comparison with social-economic issues; not numerous Belarusian intelligentsia; the lack of religions literature in Belarusian all singled out. The author comes to the conclusion that the Orthodox Church was actively drawn into the process of derusification and polanization alongside with the strengthening of dependence on Polish authorities especially from the middle of the 1930's.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 21.10.08

УДК 947.6

Н.С. Моторова

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ОРГАНОВ ГОРОДСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена анализу работ (прежде всего отечественных исследователей), в которых были затронуты те или иные аспекты социальной политики органов городского самоуправления белорусских губерний в пореформенное время. Вначале уделено внимание исследованиям ученых, занимавшихся историей городов Беларуси второй половины XIX – начала XX вв., а также работам, в которых были проанализированы особенности проведения городской реформы, описана структура городских органов самоуправления, их функции и полномочия. При анализе историографии, посвященной социальной политике городских властей белорусских губерний, учитывая ее косвенный характер и фрагментарность, наиболее целесообразным представилось ее разделение на три блока: исследования, в которых затронуты проблемы развития народного образования в городах; исследования по истории организации городского здравоохранения; исследования по истории социальной работы, в которых были затронуты отдельные аспекты деятельности городских самоуправлений по оказанию помощи наименее защищенным слоям населения. В заключении подведены основные итоги и обозначены перспективы дальнейшего изучения различных аспектов социальной политики органов местного самоуправления белорусских городов.

Введение

Социальная политика – понятие, которое довольно давно вошло в политологию, социологию, теорию социальной работы и т. д. С недавнего времени в рамках социальной истории были предприняты попытки проанализировать истоки данного явления, процесс его становления.

На современном этапе под социальной политикой в прикладном контексте обычно понимают совокупность, систему конкретных мер и мероприятий, направленных на жизнеобеспечение населения. Наиболее полное определение этого понятия дала Е.Д. Холостова: «Социальная политика представляет собой проводимую государственными структурами, общественными организациями, органами местного самоуправления, а также производственными коллективами систему мер, направленных на достижение социальных целей и результатов, связанных с повышением общественного благосостояния, улучшением качества жизни народа и обеспечением социально-политической стабильности, социального партнерства в обществе» [33, с. 6].

Большинство политологов и социологов признают, что социальная политика всегда существует в государстве не только теоретически, но и практически, однако она может быть слабой или деформированной.

Необходимо отметить, что долгое время в историографии не уделялось внимания анализу деятельности органов городского самоуправления белорусских губерний в социальной сфере, хотя именно в их ведение после реформы 1875 г. перешли не только все вопросы городского хозяйства, но дела «собственно общественные». К числу последних относились меры по охране «народного здоровья», распространению образования в городах, обеспечению помощи населению в случае пожаров и других бедствий, то есть все то, что современные политологи и социологи включают в понятие «социальная политика». Отдельные аспекты социальной политики городских дум и управ были проанализированы в рамках

Научный руководитель – А.Г. Кохановский, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси нового и новейшего времени Белорусского государственного университета

исследований, посвященных проблемам истории Беларуси второй половины XIX – начала XX вв. В целом историография по данной проблеме носит преимущественно косвенный и фрагментарный характер, до сих пор отсутствуют работы, в которых была бы описана деятельность органов самоуправления белорусских городов в пореформенный период в различных сферах жизни общества. Таким образом, цель данной статьи – проанализировать имеющиеся работы (прежде всего отечественных исследователей), в которых были затронуты те или иные аспекты социальной политики городских властей Беларуси.

Исследования, посвященные истории белорусских городов и городского самоуправления

В целом изучением истории белорусских городов пореформенного времени занимались такие исследователи, как А.Т. Нетылькин [19], О.М. Кравцова [12], З.В. Шибeko [35]. Их диссертационные исследования были подготовлены еще в советское время и затрагивали преимущественно проблемы социально-экономического развития Минска и городов Могилевской губернии. Среди современных работ белорусских исследователей можно отметить монографию З.В. Шибeko «Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў)» [37], а также диссертацию Т.В. Воронич [3], посвященную истории Витебска на рубеже XIX–XX вв.

Изучение деятельности органов городского самоуправления в социальной сфере невозможно без предварительного анализа особенностей проведения городской реформы как на территории Российской империи в целом, так и белорусских губерний в частности. Данный вопрос затрагивали в своих работах еще российские историки и юристы дореволюционного времени, например, А. Михайловский [15], Д.Д. Семенов [25] и др. В советское время наиболее детально данная проблема была разработана В.А. Нардовой. В своих работах «Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в.: Правительственная политика» [16] и «Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX вв.» [17] она подробно описала подготовку и проведение городской реформы 1870 г. и контрреформы 1892 г., структуру органов городского самоуправления, а также их функции. Исследовательница указала на то, что она сознательно обошла своим вниманием вопросы, связанные с деятельностью городских властей в сфере народного образования, здравоохранения, т. к. данная проблематика может послужить темой для отдельного исследования ввиду обширности фактического материала. Довольно подробный анализ системы управления, функционирования государственных органов управления и органов местного самоуправления в контексте Российской империи в целом дан в пособии Н.П. Ерошкина [8]. Вопросы, связанные с особенностями проведения городской реформы, были затронуты и в работах современных российских исследователей: В.Д. Калинина [10], Л.Е. Лаптевой и А.Ю. Шутова [14]. Современные белорусские исследователи практически не уделяют внимания данной проблеме. В качестве исключения можно назвать лишь монографию В.П. Слобожанина «Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.)» [26], в которой автор при анализе земской реформы и в целом деятельности земств затронул вопросы, связанные с историей создания и функционирования городских дум и управ в Беларуси. Необходимо также указать на четвертый том современного шеститомного издания «Гісторыя Беларусі», в котором охватывается период с конца XVIII до начала XX вв. [5]. При изложении материала, связанного с проведением городской реформы на территории Беларуси, авторы уделили основное внимание изложению принципов организации самоуправления в городах, сделав основной акцент на особенностях проведения выборов в городские думы. В целом все перечисленные выше работы, за исключением монографий В.А. Нардовой, имеют преимущественно описательный характер и основываются на пересказе тех или иных статей Городского положения.

При анализе историографии, посвященной социальной политике органов самоуправления белорусских городов, учитывая ее косвенный характер, наиболее целесообразным представилось ее разделение на три блока:

- 1) исследования, в которых затронуты проблемы развития народного образования в городах;
- 2) исследования по истории организации здравоохранения;
- 3) исследования по истории социальной работы, в которых были затронуты отдельные аспекты деятельности городских властей по оказанию помощи наименее защищенным слоям городского населения.

Развитие системы образования в городах: обзор литературы

Деятельность органов городского самоуправления в сфере развития системы народного образования в белорусских городах была проанализирована в рамках комплексных исследований, посвященных либо проблемам истории образования в целом, либо истории отдельных учреждений. Первые попытки осмыслить состояние и тенденции развития народного образования в Российской империи были предприняты современниками. В этой связи можно отметить работы А. Гартвича [4], С.В. Рождественского [24] и др. В советское время было опубликовано значительное число обобщающих работ по истории педагогики, среди которых можно назвать следующие: «Из истории школы Белоруссии и Литвы» [9], «Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі» [18], «Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: са старажытных часоў да 1917 г.» [1], «Очерки по истории средней школы...» Н.А. Константинова [11], «Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР» И.М. Богданова [2] и т. д. Однако, несмотря на богатый фактический материал, в данных работах присутствовали идеологические стереотипы марксистской методологии, стремление сделать акцент на наиболее негативных чертах дореволюционной системы образования и игнорирование роли органов местного самоуправления в развитии сети учебных заведений в городах.

В 90-х гг. XX в. начался процесс переоценки исторического прошлого, появились исследования, в которых были переосмыслены проблемы развития системы народного просвещения в пореформенной Беларуси, правительственная образовательная политика и роль в ней местных органов самоуправления – городских дум и управ, земств. В этой связи необходимо назвать прежде всего работы С.В. Снапковской – «Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст.» [27] и «Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі ў Беларусі (60-я гг. XIX – пачатак XX стст.» [28]. В своих исследованиях С.В. Снапковская сделала основной акцент на изучении особенностей государственной политики в сфере народного образования, проанализировала роль общественного движения в реформировании школьного дела, рассмотрела особенности формирования национальной белорусской школы, т. е. уделила внимание проблемам, связанными с историей педагогики. Тем не менее в выше названных работах уделено внимание и описанию роли органов городского самоуправления в распространении народного образования, в частности, были проанализированы инициативы Витебской и Минской городских дум по открытию высшего учебного заведения на территории Беларуси (данный вопрос был также освещен в исследовании В.И. Пичеты [23], переизданном в 1991 г.). Однако, к сожалению, гораздо больше внимания было уделено деятельности земств. В целом современные исследования, посвященные проблемам развития системы народного образования в пореформенное время, обходят своим вниманием деятельность органов городского самоуправления в этой сфере.

Работы, посвященные изучению роли органов городского самоуправления в создании системы здравоохранения

Попытки проанализировать деятельность органов городского самоуправления в «деле обеспечения народного здоровья» впервые были предприняты советскими историками медицины в рамках комплексных исследований по истории здравоохранения, например, в «Очерках истории русской общественной медицины» под редакцией П.И. Калью [21], «Очерках по истории отечественной медицины середины XIX века» под редакцией М.П. Мультиановского [22] и др. Проблемы развития системы медицинского обслуживания населения на территории белорусских губерний были освещены в монографии Г.Р. Крючка «Очерки истории медицины Белоруссии» [13]. Однако в данной работе при анализе деятельности органов городского самоуправления Беларуси автор весьма отрицательно оценил их роль в развитии системы здравоохранения в пореформенное время, несмотря на то, что изложенные им факты зачастую свидетельствовали обратное. Г.Р. Крючок пришел к выводу об инертности городских дум и управ к медико-санитарному делу, недостаточном финансировании медицинских мероприятий, нежелании большинства городских властей расширять и совершенствовать сеть медицинских учреждений и т. д. По его мнению, деятельность органов земского самоуправления в этом отношении была более организованной и плодотворной.

В начале XXI в. появились новые работы белорусских исследователей, посвященные развитию системы медицинского обслуживания населения Беларуси в XIX – начале XX вв. Например, учебное пособие «Очерки истории здравоохранения в Гомельской области» [20], подготовленное коллективом преподавателей Гомельского государственного медицинского университета, монографии Е.М. Тищенко «Здравоохранение Беларуси в XIX – XX вв.» [29] и «История здравоохранения Беларуси в XX в.» [30], в которых авторы уделили основное внимание проблемам организации медицинского обслуживания населения в целом. При оценке деятельности городских властей в сфере здравоохранения Е.М. Тищенко пришел к следующему выводу: «...Городская медицина как система медицинской помощи населению городов за счет городского бюджета стала реализовываться в результате реформ городского самоуправления (1870, 1892, 1906). Городские управы субсидировали лечебные учреждения, относящиеся к другим формам содержания (приказы общественного призрения, земства, еврейские общины, благотворительные), а также открывали и финансировали собственные медицинские учреждения и персонал» [29, с. 16–17]. По мнению Е.М. Тищенко, именно с деятельностью городских властей было связано осуществление противовенерических мероприятий и открытие первых инфекционных больниц.

Участие городских властей в организации помощи социально незащищенным слоям населения: ключевые исследования

Городские думы и управы также участвовали в организации помощи социально незащищенным слоям населения белорусских городов через создание приютов, финансирование учреждений общественного призрения. Наиболее детально данные аспекты деятельности органов городского самоуправления начали анализироваться в рамках современных исследований по истории социальной работы. В этой связи можно назвать работы белорусского исследователя А.Д. Григорьева «Становление и развитие социальной работы на Беларуси (X–XX вв.)» [6] и «История отечественной социальной работы (X–начало XX вв.)» [7], в которых при анализе деятельности органов местного самоуправления в социальной сфере в пореформенное время основное внимание автор уделил земствам. А.Д. Григорьев отметил, что «городские власти были обязаны заботиться о недопущении и предотвращении нищенства и в необходимых случаях оказывать помощь благотворительным заведениям» [7, с. 108]. С.Ф. Шимукович в своей монографии «Благотворительность в Беларуси в конце XIX – начале XX вв.» [36] частично уделил внимание роли органов городского самоуправления в деле устройства школ-хуторов для глухонемых в Витебской губер-

нии, а также дома трудолюбия в Витебске. В целом автор исходит из того, что в Российской империи комплексная государственная политика в социальной сфере не проводилась, а правительство ограничивалось половинчатыми мерами, но «либеральные реформы Александра II дали сильный толчок развитию частной благотворительности и вопросам, связанным с социальной государственной политикой, которые уже нельзя было обойти вниманием и во все последующие царствования» [36, с. 14].

Современный российский исследователь М.В. Фирсов в своих работах «История социальной работы в России» [32] и «История социальной работы» [31] подчеркнул роль органов городского самоуправления в борьбе с различными социальными патологиями (профессиональным нищенством, детской безнадзорностью, проституцией и т. п.), порожденными урбанизационными процессами пореформенного времени. Кроме того, автор, уделяя внимание анализу источников финансирования программ общественного призрения, пришел к выводу, что городские власти в целом по Российской империи изначально находились в более выгодном положении, чем земства, а перманентная нехватка средств была связана с недостаточным использованием главного источника поступлений в городскую казну – оценочного сбора. По подсчетам М.В. Фирсова к 1892 г. из 801 города Российской империи лишь 42% смогли довести налогообложение до возможного максимума [31, с. 236]. Кроме того, исследователь отметил значение частной инициативы в распространении новых форм общественного призрения (например, организация домов трудолюбия) в городах, которая позже получала поддержку со стороны центральных органов власти. Е.И. Холостова [34] при анализе деятельности органов городского самоуправления в социальной сфере в целом по Российской империи подчеркнула, что значительное место в социальной деятельности городских властей занимали меры по развитию народного образования и оказанию медицинской помощи населению. Исследовательница указала на тот факт, что, «не располагая достаточными средствами для финансирования потребностей здравоохранения, городские думы и управы активно сотрудничали с благотворительными обществами и частными пожертвователями в целях увеличения сети медицинских учреждений» [34, с. 72]. По мнению Е.Д. Холостовой, именно с деятельностью местных органов самоуправления был связан такой значительный шаг вперед в организации здравоохранения, как введение страхования и патронажа больных, что способствовало улучшению качества медицинского обслуживания наименее состоятельных слоев населения. В целом исследовательница далека от идеализации социальной работы городских властей, однако, по ее мнению, существовавшие недостатки в их деятельности не могут служить основанием для недооценки или тотальной критики их работы в социальной сфере.

Заключение

Таким образом, в целом отсутствуют комплексные исследования деятельности органов городских самоуправлений белорусских губерний в социальной сфере, однако отдельные аспекты их социальной политики частично были проанализированы в монографиях и учебных пособиях по истории народного образования, социальной работы, здравоохранения как советскими, так и современными белорусскими исследователями. К сожалению, внимание большинства авторов было сконцентрировано на анализе деятельности земских органов самоуправления Беларуси, несмотря на то, что они были созданы намного позже городских дум и управ и существовали лишь в Витебской, Минской и Могилевской губерниях. Комплексные исследования по истории Беларуси в целом ограничились лишь констатацией факта проведения городской реформы 1875 г., описанием структуры городских властей и особенностей проведения выборов в органы городского самоуправления. Таким образом, перед историками открывается перспектива для дальнейшего изучения содержания и особенностей реализации социальной политики органов местного самоуправления белорусских городов. Необходимо не только изучить, но и проанализировать роль городских властей в разви-

тии социальной сферы городов Беларуси пореформенного времени, объективно оценить их заслуги и неудачи, выявить наиболее характерные тенденции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Асвета і педагагічная думка ў Беларусі: Са старажытных часоў да 1917 г. / М.А. Ткачоў [і інш.]; пад рэд. М.А. Лазарука [і інш.]. – Мінск : Нар. асвета, 1985. – 464 с.
2. Богданов, И.М. Грамотность и образование в дореволюционной России и в СССР / И.М. Богданов. – М. : АН СССР, 1964. – 206 с.
3. Воронич, Т.В. Губернский город Витебск на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т.В. Воронич. – Минск, 2005. – 172 л.
4. Гартвич, А. Школьная реформа снизу / А. Гартвич. – М. : б/и, 1908. – 211 с.
5. Гісторыя Беларусі : у 6 т. / рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Экаперспектыва, 2000 – 2006. – Т. 4: Беларусь у складзе Расійскай імперыі (канец XVIII–пачатак XX ст.) / М. Біч [і інш.]. – 2005. – 519 с.
6. Григорьев, А.Д. Становление и развитие социальной работы на Беларуси (X–XX вв.): монография / А.Д. Григорьев. – Минск : БГПУ им. М. Танка, 2000. – 218 с.
7. Григорьев, А.Д. История отечественной социальной работы (X – начало XX вв.): пособие / А.Д. Григорьев. – Минск : БГПУ, 2004. – 212 с.
8. Ерошкин, Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России : учебник для студентов высших учеб. заведений по спец. «История-архивоведение» / Н.П. Ерошкин. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Высшая школа, 1983. – 352 с.
9. Из истории школы Белоруссии и Литвы / В.З. Смирнов (отв. ред.). – М. : Просвещение, 1964. – 323 с.
10. Калинин, В.Д. Из истории городского самоуправления в России (XVII – начало XX вв.) / В.Д. Калинин. – М. : Ин-т эк-ки РАН, 1994. – 92 с.
11. Константинов, Н.А. Очерки по истории средней школы: гимназии и реальные училища с конца XIX в. до Февральской революции 1917 г. / Н.А. Константинов. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Мин-ва нар. просвещения РСФСР, 1956. – 247 с.
12. Кравцова, О.М. Социально-экономическое развитие городов Могилевской губернии во второй половине XIX в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / О.М. Кравцова ; Бел. гос. ун-т им. В.И. Ленина. – Минск, 1988. – 26 с.
13. Крючок, Г.Р. Очерки истории медицины Белоруссии / Г.Р. Крючок. – Минск : Беларусь, 1976. – 264 с.
14. Лаптева, Е.А. Из истории земского, городского и сословного самоуправления в России / Е.А. Лаптева, А.Ю. Шутов. – М. : Изд-во РАГС, 1999. – 174 с.
15. Михайловский, А. Как лучше устроить городскую жизнь / А. Михайловский. – М. : Труд и воля, 1906. – 32 с.
16. Нардова, В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х гг. XIX в.: Правительственная политика / В.А. Нардова. – Ленинград : Наука, 1984. – 260 с.
17. Нардова, В.А. Самодержавие и городские думы в России в конце XIX – начале XX вв. / В.А. Нардова. – СПб. : Наука, 1994. – 159 с.
18. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі / рэдкал.: С.А. Умрэйка (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : Нар. асвета, 1968. – 621 с.
19. Нетылькин, А.Т. Минск во второй половине XIX столетия : автореф. дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / А.Т. Нетылькин ; Бел. гос. ун-т. – Минск, 1953. – 14 с.
20. Очерки истории здравоохранения в Гомельской области : учеб. пособие / М.Е. Абраменко [и др.] ; под общ. ред. М.Е. Абраменко. – Гомель : Гом. гос. мед. ун-т, 2005. – 136 с.

21. Очерки истории русской общественной медицины (К столетию земской медицины) : сб. статей / под ред. П.И. Калью. – М. : Медицина, 1965 – 218 с.
22. Очерки по истории отечественной медицины середины XIX века / под ред. проф. М.П. Мультиановского. – М. : Издание 2-го МГПИ им. Н.И. Пирогова, 1958. – 178 с.
23. Пічэта, У.І. Пытаньне аб вышэйшай школе на Беларусі ў мінулым / У.І. Пічэта. – Мінск : Навука і тэхніка, 1991. – 48 с.
24. Рождественский, С.В. Исторический обзор деятельности Министерства Народного Просвещения. 1802–1902 гг. / С.В. Рождественский. – СПб. : Тип. А.В. Орлова, 1902. – 579 с.
25. Семенов, Д.Д. Городское самоуправление. Очерки и опыты / Д.Д. Семенов. – СПб. : Электро-типография Н.Я. Стойковой, 1901. – 392 с.
26. Слобожанин, В.П. Земское самоуправление в Беларуси (1905–1917 гг.) / В.П. Слобожанин. – Минск : ИООО Право и экономика, 2003. – 168 с.
27. Снапкоўская, С.В. Адукацыйная палітыка і школа на Беларусі ў канцы XIX – пачатку XX стст. / С.В. Снапкоўская. – Мінск : НІА, 1998. – 192 с.
28. Снапкоўская, С.В. Гісторыя адукацыі і педагагічнай думкі Беларусі (60-я гг. XIX – пачатак XX ст.): вучэб. дапаможнік для студэнтаў выш. навуч. устаноў / С.В. Снапкоўская. – Мінск : НІА, 2001. – 160 с.
29. Тищенко, Е.М. Здравоохранения Беларуси в XIX–XX вв. / Е.М. Тищенко. – Гродно : Изд-во Гродн. гос. мед. ун-та, 2003. – 269 с.
30. Тищенко, Е.М. История здравоохранения Беларуси в XX в. / Е.М. Тищенко. – Гродно: Изд-во Гродн. гос. мед. ун-та, 2001. – 154 с.
31. Фирсов, М.В. История социальной работы: учеб. пособие / М.В. Фирсов. – М. : Академический проект: Трикста, 2004. – 608 с.
32. Фирсов, М.В. История социальной работы в России : учеб. пособие / М.В. Фирсов. – М. : Гум. изд. центр ВЛАДОС: Моск. гос. соц. ун-т, 2001. – 256 с.
33. Холостова, Е.Д. Социальная политика и социальная работа / Е.Д. Холостова. – М. : Дашков и К, 2007. – 213 с.
34. Холостова, Е.И. Социальная работа : учеб. пособие / Е.И. Холостова. – 2-е изд. – М. : Дашков и К, 2004. – 692 с.
35. Шибeko, З.В. Социально-экономическое развитие Минска в конце XIX – начале XX в. (90-е гг. XIX в. – 1914 г.) : автореф. дис. ...канд. ист. наук : 07.00.02 / З.В. Шибeko ; Академия наук БССР, Ин-т истории. – Минск, 1977. – 24 с.
36. Шимукович, С.Ф. Благотворительность в Беларуси в конце XIX – начале XX века / С.Ф. Шимукович. – Минск : Аккад. управл. при Президенте Респ. Беларусь, 2006. – 188 с.
37. Шыбека, З.В. Гарады Беларусі (60-я гады XIX – пачатак XX стагоддзяў) / З.В. Шыбека. – Мінск : ЭўраФорум, 1997. – 316 с.

Motorova N.S. Social Policy of Municipal Government's Bodies in Belarusian Guberniyas: the Analysis of Historiography

This article analyses the historiography devoted to social policy of municipal government's bodies in Belarusian guberniyas. In the beginning the paper deals with a survey of the literature on the history of Belarusian towns in the XIXth – early XXth centuries and the urban reform, the structure of municipal government's bodies, their functions. Then there is analysis of investigations devoted to urban systems of education and public health care, activity of municipalities in helping unprotected population in crucial situations. The final part of the article summarizes the results obtained, suggests the possibility for further research of this problem.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.05.08

УДК 27-9(476)+37

Е.В. Морозько**ЦЕРКОВНЫЕ ШКОЛЫ НА ПИНЩИНЕ
(вторая половина XIX – начало XX вв.)**

В статье анализируется состояние церковных школ в обозначенный период. Во введении раскрывается необходимость изучения выбранной темы. Основное содержание статьи посвящено роли церковного образования в народном просвещении Пинщины. Выделяются ступени и особенности духовного образования в Пинском уезде. На основе архивных источников и опубликованных материалов освещены приоритетные, осуществлявшиеся в соответствии с политикой Российской империи вопросы воспитания местного населения, проведён анализ количественной динамики церковных школ, а также их материальной оснащённости. Дана характеристика преподавательского состава. В заключении сформулированы основные тенденции функционирования церковных школ на Пинщине.

Введение

Одной из важных форм культурно-просветительской деятельности православной Церкви во второй половине XIX – начале XX вв. было народное образование, которое одновременно являлось и средством для закрепления церковных позиций. Приоритетным направлением в белорусских школах выступало воспитание всех слушателей в христианском духе независимо от того, продолжают ли они за пределами школы пастырскую или светскую деятельность. Данное обстоятельство в значительной мере расширяло сферу влияния Православной Церкви на белорусских землях. Укрепление позиций православия в XIX в. привело к тому, что уже с 50-х гг. появляются церковные школы, которые развернули активную работу по организации образования. Обучение в Минской епархии в этот период находилось под контролем духовенства, а воспитание народа осуществлялось в соответствии с политикой Российской империи. Это во многом было связано, во-первых, с событиями 1863–1864 гг., во-вторых, для правительства актуальной оставалась задача активизации участия мирян в церковной жизни. В связи с этим необходимо обозначить цель нашего исследования – объективное изучение церковного образования в Пинском регионе во второй половине XIX – начале XX вв. Комплексного рассмотрения требуют следующие вопросы: состояние, характерные черты и особенности функционирования церковных школ, влияние политики царской администрации на данную сферу, взаимосвязь образовательных и политических процессов.

Народные школы на Пинщине □

После восстания 1863–1864 гг. в сфере образования на территории Минской епархии, в которую входило и Пинское благочиние, произошли значительные перемены. До этого неоднократно обсуждался проект народной школы. Противоборствующие польское и русское течения не могли найти общего решения, т. к. каждая из них выступала за сохранение чистоты своего народа. Местная шляхта в «Записке Минского губернского предводителя дворянства о реформе народного образования», поданной министру народного образования 19 мая 1862 г., следующим образом объясняла необходимость введения польского языка в школе: «Что касается языка, то можно твёрдо сказать, что язык, к которому дитя привыкло с малолетства, на котором произносит первые молитвы, независимо от вероисповедания, который исключительно используется

Научный руководитель – А.А. Горбацкий, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории славянских народов Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

дома и в обществе, именно этот язык должен быть языком для преподавания в училищах. Таким языком в наших губерниях является польский. Он был оставлен нам нашими предыдущими правителями, и хоть и был выведен из учебных заведений в 1834 г., но до этого времени остаётся живым в жизни нашей общественной» [11, с. 143–144].

Русское дворянство утверждало, что на белорусских землях народная школа должна быть русской. Для генерал-губернатора белорусских губерний М. Муравьёва всё было просто: вместе с чисто русским характером школе надо было придать православный характер. Великие надежды в этом плане возлагались на церковные школы, которые не были новым явлением в белорусских епархиях. В том или ином виде, особенно при монастырях, они существовали издавна. В более или менее значительном числе они стали утверждаться лишь после 40-х гг. XIX в., когда появилась потребность в утверждении новообращённого народа в истинах православной веры. В 1939 г. был издан царский указ о создании церковных школ православным духовенством, а также «Правила касательно первоначального обучения крестьянских детей» [11, с. 144]. Однако более точные сведения об этих школах в Минской епархии имеются лишь с 1848 г., когда, по данным Минской духовной консистории, в епархии было уже 32 школы с 562 учащимися [10, с. 2].

Затем число школ довольно быстро увеличивается и в 1861 г. достигает 580 с 8 702 учащимися [10, с. 2]. В Пинском благочинии в сентябре 1861 г. было 22 школы при церквях: две при Купятичской Николаевской, по одной при Лутникской Крестовоздвиженской, Мщенской Успенской, Пинковичской Покровской, Дубновичской Параскевской, Отолинской Покровской, Погостской Покровской, Ставокской Вознесенской, Бостыньской Параскевской и др. [2, л. 70]. Сведения о количестве учеников, посещающих эти школы, содержатся в рапортах пинских благочинных в Минскую духовную консисторию за 1863 г.: «...в них учится прихожанских детей мужского пола 346 душ, женского – 45» [3, л. 101]. Но с этого времени, главным образом по причине открытия на средства казны народных училищ, число церковных школ постепенно снижается. Кроме того, это объясняется реформами в Российской империи, одним из итогов которых было стремление придать народному образованию светский характер. Утверждённое 25 мая 1874 г. «Положение о народных училищах» послужило тому, что ведение духовенством школьного дела в прежнем русле оказалось почти невозможным, и церковные школы стали постепенно переходить в ведение Министерства народного просвещения под названием народных училищ или отделений при них.

Вследствие этого к началу 80-х гг. XIX в. в епархии сохранилось весьма незначительное число церковных школ. Так, по ведомости о церковно-приходских школах за 1881/82 учебный год, изданной Св. Синодом, в Минской епархии числилось 114 церковных школ с 1 965 учащимися. Впрочем, уже в следующем 1883 г., как видно из отчёта преосвященного Варлаама Священному Синоду о состоянии епархии за 1883 г., очевидно, под влиянием слухов о восстановлении прежних церковных школ, число последних выросло до 184 с 2 730 учащимися [10, с. 4].

Для дальнейшей активизации процесса учреждения церковных школ были разработаны «Правила о церковно-приходских школах» (13 июня 1884 г.), в которых подчёркивалась, что «задачей школ является закрепление в народе учения православной веры и моральности христианской и первоначальные знания» [11, с. 149]. Такая политика дала свои результаты. Уже в 1886 г. в Минской губернии насчитывалось 956 школ, в которых занимались 15 781 ученик (14 688 мальчиков и 1 093 девочки) [7, л. 27], а в 1904 г. только в Пинском уезде было 36 одноклассных школ [9, с. 106]; в 1906 – уже 41 с 3 213 учениками, что почти в два раза превышает их количество в 1860-е гг. [1, с. 2].

Высшее управление церковными школами Минской епархии, согласно «Правилам о церковно-приходских школах», осуществлял епископ Минский и Туровский.

Ближайшим органом по заведованию этими школами, согласно §22 «Правил», служил сначала епархиальный училищный совет, а с 9 мая 1888 г. – совет Свято-Николаевского братства. С 9 сентября 1884 г. Минской духовной консисторией из наиболее «благонадежных и способных» священников на местах назначались наблюдатели, которым давались указания относительно возложенных на них обязанностей. Однако особые наблюдатели существовали недолго. С 9 мая 1888 г., со времени передачи церковных школ в ведение совета Свято-Николаевского братства, их обязанности были возложены на благочинных епархии с целью меньшего отвлечения священников от исполнения прямых пастырских обязанностей, тем более что благочинные и ранее при обозрении церквей обязаны были наблюдать за состоянием церковных школ и ежегодно представлять епархиальному начальству отчеты об их состоянии. В это же время по уездным городам Минской губернии, в т. ч. и Пинске, были учреждены уездные отделения братства, которым с 28 мая 1888 г., т. е. со времени издания «Правил об уездных отделениях епархиальных училищных советов», и были присвоены права этих отделений.

Особенности церковного образования в Пинском регионе

Одной из особенностей церковного образования в белорусских губерниях является преобладание школ грамоты, которые, как правило, существовали в небольших деревнях, где при всей своей дешевизне церковно-приходские школы были недоступны для населения. Главным в таких школах было не столько учение грамоте, сколько воспитание богобоязненных подданных, что особенно хорошо вписывалось в условия существования белорусских губерний.

Рост школ грамоты на территории Беларуси объясняется тем, что царская администрация уделяла незначительное внимание вопросу народного образования. Самим крестьянам из-за своей бедности было тяжело содержать школы. Не хватало средств на это и у деревенских священников. Поэтому школы грамоты, которые не требовали от крестьян материальных средств, воспринимались ими лучше. Духовенство же руководствовалось тем, что при общей неграмотности белорусского крестьянства любая школа – уже прогрессивное движение.

В школах грамоты единственными учителями являлись сами священники с членами своего семейства или же причетники – под непосредственным руководством и надзором священников [4, л. 130–131]. Занимались они без оплаты, лишь иногда получая какой-нибудь незначительный подарок от родителей учащихся – курицу, десяток яиц и т. п. Помещений особых эти школы не имели, и т. к. белорусские крестьянские избы не были просторными, то эти училища находили приют в основном в доме священника или причетника. Так, в 1875 г. по одному благочинному округу Пинского уезда в 9 из 10 школ занятия проводились в доме священника или псаломщика и только при Дубойской Богородичной церкви – в народном училище [4, л. 131]. Позже это станет одной из причин закрытия школ грамоты. Так, в селе Червицы Пинского уезда на протяжении года не было школы из-за того, что священник Иосиф Проневич не желал проводить занятия в собственном доме [5, л. 1]. Лишь немногие учебные книги школы получали бесплатно – от комитета грамотности, дирекции народных училищ, частных лиц. Остальные необходимые для учеников книги и учебные материалы приобретались священнослужителями за собственные деньги [2, л. 62].

Кроме этих школ, в Пинском благочинии существовали и воскресные школы. Их было немного: воскресенье для приходского священника – день, полный занятий по требоисполнениям. Тем не менее эти школы были неплохо организованы и их посещали многие прихожане [6, л. 100].

В целом по данным на 1895 г. в 180 церковно-приходских школах Минской епархии законоучителями являлись: 1 преподаватель семинарии, 170 приходских свя-

щенников и протоиереев (6 священников учили в двух школах одновременно) и 3 диакона. Учителями были 24 священника, 3 диакона и 14 псаломщиков. В школах грамоты в качестве законоучителей занимались 95 священников и 1 диакон (в остальных Закон Божий преподавали под руководством священников сами учителя); учительствовали 9 священников, 15 псаломщиков, 16 человек, получивших образование в средних учебных заведениях или учительской семинарии, и 1 079, обучавшихся в народных училищах или церковно-приходских школах [10, с. 21–22].

Все священники как церковно-приходских, так и школ грамоты, за исключением двухклассных, где за преподавание полагалось вознаграждение от 60 до 75 руб. в год, и Кимбаровской одноклассной, в которой законоучителю выделялось 30 руб. в год, исполняли свои обязанности бесплатно. Светские лица и низшие члены клира получали за свой труд назначенное в школе содержание [10, с. 22].

Что касается вознаграждения преподавателей школ грамоты, то они постоянного пособия не получали. Единовременное денежное вспоможение выделялось им лишь в случае «усердия и ревности к исполнению своих обязанностей» [10, с. 23].

Кроме обучения в церковно-приходских школах Минской епархии, особое внимание обращено на воспитание учащихся. С этой целью ежедневно в учебное время читались утренние и вечерние молитвы, молитвы перед обедом и после него, в начале и по окончании урока. Утренние молитвы проговаривались обычно всеми учащимися в присутствии законоучителя, причём в некоторых школах законоучитель сам начинал чтение молитв возгласом: «Благословен Бог наш...», а учитель или чаще один из учеников говорил «Аминь» и затем читал по порядку положенные молитвы. Читали всегда старшие и лучшие ученики по установленной заранее священником очереди, а младшие, ещё не успевшие ознакомиться с молитвами, тихо повторяли за ними слова. В воскресные и праздничные дни учащиеся вместе со своими учителями присутствовали в церкви, принимая участие в чтении, пении и прислуживания у алтаря.

В обыденной жизни от учащихся требовалось, чтобы они соблюдали возможную чистоту и порядок во всём, не позволяли себе «грубых удовольствий» и развлечений, в отношении к окружающим были внимательны, к старшим – почтительны и послушны [10, с. 31]. Все эти знания и привычки от детей переходили к старшим, тем более что в большинстве школ были общие молитвы, на которых присутствовали не только учащиеся, но и дети, не посещавшие школы, и даже взрослые. Некоторые священники (например Логишинской церкви Пинского уезда) в этом отношении практиковали даже такую меру: обязывали учеников церковно-приходских школ по окончании курса научиться молитвам всех детей деревни, которые по какой-либо причине не посещали школу, и даже взрослых, например, перед венчанием [10, с. 40].

Однако, как свидетельствует в своём отчёте уездный исправник и мировой посредник Пинского уезда, крестьяне часто с непониманием относились к пользе образования в быту: «укоренившийся обычай их предков доставлять себе только материальные удовольствия привёл к тому, что взятие у хозяина хотя бы на короткое время обучения его сына – полурабочника в семье, уже составляет для него лишение» [6, л. 12]. Кроме того, многие крестьяне Пинского уезда жаловались на школьных наставников и утверждали, что посещение школы не приносит никакой пользы [6, л. 12]. Вероятнее всего, именно это является причиной незначительного посещения детьми школ в Пинском уезде. В 1875 г. при каждой церкви одного благочинного округа занимались от 3 (Лещинская Успенская церковь) до 20 учеников (Обровская Воздвиженская) [4, л. 130–131].

С 1870 г. при женских монастырях Минской епархии – Пинском и Вольнянском – действовали училища для девиц духовного звания (дочерей псаломщиков), где они под руководством монахинь и послушниц учились читать, писать, знать хотя бы первые четыре действия арифметики, рукодельничать. В 1876 г. связи с переводом этих

монастырей в Минск, училища упразднились, а вместо них создан приют на 12 вакансий для девочек-сирот из духовного звания.

Заключение

Несмотря на довольно быстрый рост в Пинском благочинии Минской епархии начальных учебных заведений во второй половине XIX–нач. XX вв., значительных перемен в образовании не произошло. Во-первых, церковно-приходские школы охватывали незначительное количество детей. Во-вторых, большинство из начальных учебных заведений не имели достаточной материальной базы для обучения, не говоря уже о распространённых школах грамоты, которые были очень бедными и не имели даже специальных зданий. Кроме того, многие из учителей не имели специального образования. Наконец, нельзя забывать и о том, что эти школы, распространяя письменность среди белорусского крестьянства, ставили основной задачей религиозно-духовные цели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ведомость Минского Епархиального училищного совета о церковных школах за 1905 гражданский год. – Минск : Типолит. С.А. Некрасова, 1906. – 10 с.
2. Дело об открытии сельских духовных училищ, их состоянии, укомплектованности учителями и наличии учеников по епархии за 1861 г. // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 29753.
3. Дело об открытии сельских духовных училищ, их состоянии, укомплектованности учителями и наличии учеников по епархии за 1863 г. // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 30048.
4. Дело об училищах за 1875 год // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 34899.
5. Дело об открытии и закрытии церковно-приходских школ, назначении и увольнении учителей, представлении сведений о деятельности школ по епархии за 1887 год // НИАБ. – Фонд 136. – Оп. 1. – Д. 36090.
6. Записка мирового посредника 2 участка Пинского уезда Минской губернии // НИАБ. – Фонд 242. – Оп. 1. – Д. 623.
7. Обзор Минской губернии за 1886 год // НИАБ. – Д. 2611.
8. Рункевич, С.Г. Краткий исторический очерк столетия Минской епархии (1793 – 13 апреля 1893) / С.Г. Рункевич. – Минск : Типолит. Б. И. Соломонова, 1893. – 132 с.
9. Товаров, А. Личный состав епархиального управления, епархиальных учреждений, духовно-учебных заведений, монастырей, духовенства и учащихся в церковно-приходских школах Минской епархии [на 1904 год] / А. Товаров. – Минск : Типогр. С.А. Некрасова, 1904. – 150 с.
10. Черницын, А. Краткий очерк состояния церковно-приходских школ и школ грамоты Минской епархии за первое десятилетие их существования / А. Черницын. – Минск : Типолит. Б. И. Соломонова, 1895. – 56 с.
11. Яноўская, В.В. Хрысціянская царква ў Беларусі 1863–1914 гг. / В.В. Яноўская. – Мінск : БДУ, 2002. – 199 с.

Morozko K.V. Church schools in Pinsk district in the 2nd half of the 19th – beginning of the 20th century

In the “Preface” the author substantiates urgency and necessity of the investigation of the problem chosen. The essential content of the article is dedicated to the role of the church education in the national enlightenment. The article puts forwards the main stages and peculiarities of the spiritual education in Pinsk deanery. On the ground of archival documents and researches of contemporary experts the author elucidates transformation into the church schools and the problems of orthodoxy education, analyzes the quantity dynamics of the church schools. Further, the author gives the characteristics of the teaching staff. The main tendencies of the church school function are emphasized and formulated in the “Conclusion”.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 21.04.08

ПЕДАГОГИКА

УДК 372.878

В.П. Рева

ФОРМИРОВАНИЕ ТЕЗАУРУСА МУЗЫКАЛЬНЫХ ВПЕЧАТЛЕНИЙ КАК ПРОБЛЕМА ПЕДАГОГИКИ ИСКУССТВА

Современная система общего музыкального образования не ставит целью подготовку музыкантов. Решение проблемы необходимо рассматривать в более широком духовном контексте как эстетическое воспитание человека, свободно ориентирующегося в мире искусства, испытывающего потребность в общении с ним.

Понятие «впечатление» обозначает буквально след, оставленный в эмоциональной памяти чем-то пережитым, глубоко затронувшем человека. Специфичным для эстетических впечатлений является то, что они могут быть вызваны воздействием только ярких объектов действительности и искусства, мыслей, чувств и поступков людей. Под музыкальным впечатлением понимается особое эмоциональное состояние слушателя, полученное в процессе общения с музыкальным искусством и воспринимаемое как явление, близкое его духовным установкам.

У слушателя, обладающего тезаурусом паттернов культуры, расширяются возможности для ориентации в мире художественных ценностей. При определенных условиях они могут трансформироваться в устойчивые эстетические представления личности.

Введение

Современная система общего музыкального образования не ставит целью подготовку музыкантов. Решение проблемы необходимо рассматривать в более широком духовном контексте как эстетическое воспитание человека, свободно ориентирующегося в мире искусства, испытывающего потребность в общении с ним, не боящегося испытаний красотой. Искусство, как ничто другое более, воздействует на процессы самоорганизации внутреннего мира человека, формирования фундаментальных жизненных установок. «При наложении на деформированные характеристики личности, на ценностную безвекторность мировоззрения, на определённые психические состояния, потрясение красотой может вызвать неадекватные реакции, стать причиной деструктивного поведения, спровоцировать раздражительные формы самопроявления» [1, с.198].

Подобными нравственно-эстетическими противоречиями наполнена жизнь многих людей, что наряду с другими факторами является следствием недостаточной музыкальной воспитанности человека, бедности тезауруса художественных впечатлений, полученных в детстве, неумения встраивать слуховые воздействия музыки в собственное духовное пространство. Как отмечает В.В. Медушевский; «в нашей жизни внимание ума концентрируется на видимом, а внимание сердца – на невоспринимаемом, на подпороговой информации. И если последняя блага, полна жизни и любви, то это тайное содержание распространяется и на явное, рождает очарование видимой красотой» [2, с.14].

Основная часть

Понятие «впечатление» обозначает буквально след, оставленный в эмоциональной памяти чем-то пережитым, глубоко затронувшем личность. Специфичным для эстетических впечатлений является то, что они могут быть вызваны воздействием только ярких объектов действительности и искусства, мыслей, оценок, чувств и поступков людей. Под музыкальным впечатлением мы понимаем особое эмоциональное состояние слушателя, полученное в процессе общения с музыкальным искусством и переживаемое

мое как явление, близкое его внутренним духовным установкам. Оно может проявляться в форме эстетической реакции как на целостные художественные произведения, так и на их отдельные элементы. Эти реакции восприятия прогнозируются авторами как своеобразные аттракционы уже на стадии замысла художественных произведений с целью инициации чувственного отклика. Такие приёмы широко используются в организации художественного содержания всех без исключения искусств. «Для каждого из органов можно выделить группу аттракционных ощущений, испытывающих человеческую чувствительность на пределе её возможностей: для обоняния – запахи благовонные (духи) и резкие, неприятные (нашатырь); для осязания очень горячие или очень холодные и т. д.», – пишет А.И. Липков [3, с.180]. Психологическое воздействие аттракциона основано на эффекте «ай-стопер», своеобразном «оглушении» воспринимающего событиями, особенно запоминающимися человеком.

Специфичными для восприятия музыки являются интонационно-образные аттракционы, выраженные в звуках. Звуковая интонация с наибольшей яркостью воплощает энергию человеческого духа, выступая уникальным средством порождения красоты в музыке. Яркие смыслообразующие интонации пронизывают всю образную палитру музыкального произведения. В наиболее же концентрированном виде они получают сосредоточение в его экспозиционных разделах. Их функциональное назначение состоит в том, чтобы вызвать осмысленную эмоциональную реакцию, активизировать внимание, ассоциативное мышление, оказать воздействие на психику слушателя. В ситуации подготовленного музыкального восприятия это происходит, как правило, автоматически. Привлекательная в интонационном отношении музыка приводит в действие механизмы самодистраивания интонационно-образного содержания, развёртывания его в сознании воспринимающего.

В силу специфики музыки как экспрессивного искусства начальная фаза вхождения в художественный мир произведения приобретает решающее значение, что следует учитывать в учебном процессе. «Тайные энергии звука жаждут обнаружения, прояснения, стремления пролить себя за его пределы, продолжиться в других звуках, наполнить собой фразы, мелодии, всё произведение. И в каждом жанре, стиле они качественно разные [2, с. 31]. «Развёртывание, демонстрация тематического материала является одной из важнейших функций экспозиции музыкальных произведений», – подчёркивает Е.В. Назайкинский [4, с.153]. Логика развития этих интонаций легче прослеживается в других разделах. Интонация и комплекс встроенных в неё аналитических средств взаимообусловлены друг другом. Особый же интерес для слушателя представляют яркие в эмоциональном отношении разделы музыкального произведения. Важное значение поэтому приобретает содержание музыкального материала, используемого в педагогическом процессе.

Исследование того, какие именно образцы музыки являются наиболее близкими и доступными интонационному опыту детей различных возрастных групп, явилось целью нашей экспериментальной работы. При отборе репертуара учитывалось жанровое и стилевое разнообразие музыкальных произведений, их интонационная «ёмкость» (о многом сказать кратко и малыми художественными средствами), синергичный потенциал (перспектива к саморазвёртыванию, побуждению к сотворческой деятельности). Мы руководствовались экспертными оценками известных музыкантов, рейтингами популярности (частота исполнения музыки по радио и телевидению), анализом художественных предпочтений детей, студентов, учителей музыки, преподавателей средних и высших учебных заведений музыкального профиля. Основными методами исследования явились анкетирование («звучащая анкета»), интервьюирование, создание экспериментальных педагогических ситуаций. Участие в исследовании приняли 750 учащихся 2–7-х классов общеобразовательных школ г. Могилёва (№№ 8, 37, 43, гимназии

№ 4); учителя музыки, слушатели курсов Могилёвского и Брестского институтов повышения квалификации учителей и руководящих кадров (78 человек).

Программа звучащей анкеты включала 40 музыкальных образцов, которые прослушивались попарно. В первую группу входили произведения из программы по слушанию музыки в общеобразовательной школе. Во вторую – сочинения, составляющие «золотой фонд» музыкальной культуры. Произведения прослушивались попарно. Установки, предваряющие слушание, варьировались в зависимости от возраста учащихся. Так, младшим школьникам предлагалось выбрать те сочинения, которые можно было бы «преподнести» родителям в качестве ценных подарков; учащимся 4–5 классов – сравнить звучание музыкальных образцов и выделить наиболее понравившееся; старшим подросткам (6–7 классы) – обозначить произведения более глубокие по содержанию; слушателям курсов – назвать те из произведений, которые, по их мнению, каждый человек обязан услышать хотя бы один раз в жизни.

Анализ результатов исследования

Результаты исследования подтвердили гипотезу об интонационно-бытовой направленности музыкального восприятия младших школьников. Дети охотнее слушают музыку с ярко выраженной программой, сюжетом, понятными и конкретизированными названиями. Опираясь на них, они выстраивают ряды ассоциативных представлений, главным образом, предметно-зрительного характера. Не случайно в первую десятку наиболее предпочитаемых произведений учащиеся включили «Утро в лесу» В.Салманова, «Зайчик дразнит медвежонка» Д. Кабалевского, «Музыкальную табакерку» А. Лядова, «Весёлую. Грустную» Л. Бетховена, «Попутную песню» М. Глинки. В восприятии младших школьников отмечаются признаки наивности и эгоцентризма, стремление найти в музыке зрительные аналогии. Они не ощущают условности художественных образов, их взаимосвязи с человеком, не могут выйти за рамки стереотипных форм общения с искусством, в содержании которого дети привыкли, скорее, видеть, чем слышать, волшебных героев, животных, персонажей сказочного мира по аналогии с восприятием других видов искусства (литературы, живописи, кино). Вместе с тем наблюдаются эффекты апперцепции восприятия, радости узнавания знакомых мелодий, звучавших уже на уроках музыки и находящихся «на слуху», попытки опереться в оценке услышанного на собственный интонационно-пластический опыт.

Обращает внимание то, что в числе наиболее предпочитаемых младшими школьниками произведений оказались и образцы так называемой «взрослой музыки» («Оратория» Г. Генделя, «Славянский танец» ми минор А. Дворжака, «К Элизе» Л. Бетховена), сочинения, наполненные глубокими человеческими переживаниями, мелодизмом, особой чувственностью интонаций, проникновенностью – чувствами, идущими от сердца одного человека – к сердцу другого. Эти произведения были названы привлекательными всеми участниками опроса, независимо от их возраста и образования. Данное наблюдение весьма показательно, так как позволяет преодолеть предубеждение о недоступности лирической музыки детям, что обедняет возможности их эстетического развития. Свидетельством сказанному может служить то, что в числе понравившихся младшим школьникам оказались такие шедевры лирической музыки, как «Адажио» Д. Альбини, «Рондо» из Маленькой ночной серенады В. Моцарта, «Концерт» для скрипки ми минор Ф. Мендельсона, «Кампанелла» Паганини-Листа, «Кукушка» Л. Дакена и др.

Аналогичные тенденции обнаруживаются и в содержании музыкальных предпочтений других слушателей. Так, в первую десятку понравившейся музыки учащимся 3–4 классов вошло только одно произведение школьной программы – «Весёлая. Грустная» Л. Бетховена, а во вторую – «Зайчик дразнит медвежонка» Д. Кабалевского.

У шести- и семиклассников в первой десятке не оказалось ни одного из сочинений, предписанных для обязательного прослушивания в школе, а во второй – «Вечер» В. Салманова и «Весёлая. Грустная» Л. Бетховена. Более того, сами педагоги, учителя музыки, имеющие большой опыт работы со школьниками, не включили в число предпочитаемых (два первых блока) ни одного из произведений школьной программы.

Эти особенности музыкального восприятия необходимо учитывать при выборе репертуара по слушанию музыки в общеобразовательной школе. При всём разнообразии мнений школьников можно сделать вывод о том, что их музыкальное восприятие нуждается в серьёзной коррекции, развитии художественно-аналитических способностей, умений оценивать музыкальное произведение эстетически, находить в нём красоту. Эстетически переосмысленное содержание музыки учит целостности мироощущения, пониманию взаимосвязи человеческого бытия с искусством. Восприятие музыкальных произведений на эстетическом уровне обретает творческий характер, предполагает умение оперировать образным материалом (эмоциональным, рациональным, интонационным, ассоциативно-звуковым). Такие умения могут формироваться только на близком эмоционально-образной сфере школьников материале, высоких образцах музыкального искусства, а не на обезличенных инструктивных экзерсисах.

Особое место в сокровищнице художественной культуры занимает музыка, специально написанная для детей. В её интонации запечатлены реминисценции детства самих авторов, что чрезвычайно важно для процесса эстетического воспитания, организации сотворческой деятельности. Такие произведения представляют собой, как правило, образцы лирической музыки, выражающей отдельные настроения и переживания человека. Содержанием её являются образы самих же эмоций и их моделей, своеобразных «портретов» человеческих чувств, выраженных в звуках. Благодаря небольшим масштабам их восприятие опирается на ассоциации с речью, разнообразные типы движений, жестов, пластики. Ассоциации подобного характера наиболее широко представлены в жизненном опыте школьников, что делает детскую музыку доступной для восприятия и осознанного эстетического анализа.

Яркие в интонационном отношении музыкальные произведения служат теми культурными образцами, которые, накапливаясь в эмоциональной памяти слушателей в виде ключевых элементов музыкального восприятия, обеспечивают его самодвижение, обогащение, дополнение, а в итоге – самообраствание индивидуальной музыкальной культуры воспринимающего до принятых в обществе эстетических норм. Чем шире набор культурных образцов, «впитанных» в детстве, чем богаче тезаурус эстетических впечатлений личности, тем выше возможность познания им окружающей действительности и искусства с позиций человека культуры.

В силу художественной привлекательности и обусловленной ею синергии реминисцирования в жизненном опыте слушателя (взаимодействие энергий композитора и слушателя), эстетически ёмкие интонационно-тематические структуры закрепляются в сознании в виде своеобразных эмоциональных формул – репрезентантов человеческих чувств и мыслей. Попадая в активную зону внимания воспринимающего, они приводят в действие его ассоциативную сферу, становятся побудителями сотворческой деятельности, проявляющейся в формах соинтонирования, подпевания, мысленного воспроизведения, мышечно-ритмических реакций и пр. Слушатель выделяет любимившиеся интонации из звучащего контекста, стремится получить более подробную информацию о композиторе, его творческой лаборатории, познакомиться с историей создания музыкального произведения, художественной эпохой, стилем. Жизнедеятельность слушателя как потребителя художественной культуры приходит в самодвижение, подготавливая условия для выхода на более высокий уровень общения с музыкальным искусством, иную траекторию художественного самопознания. Такой алгоритм само-

иницирования музыкального восприятия длится настолько долго, насколько продолжительно человек находится под влиянием осознаваемых и неосознаваемых влечений к конкретному музыкальному произведению, а через него и ко всей музыке в целом.

Выполняя функцию своеобразных репликаторов (от лат. *replicatio* – развёртывание) ключевые (генерализованные) интонации представляют собой уникальные смыслообразующие элементы художественного содержания, открытые к самодостраиванию. В качестве таких элементов в биологии выступают, например, гены, в кино – режиссерский замысел, в целом в искусстве – художественный вымысел и т. п. Как отмечает Б.Н. Пойзнер, назначение репликатора состоит в том, чтобы создавать похожие на себя копии (самоподобия, реплики), конкурирующие с другими репликаторами. Представляя собой единицу самовоспроизводящейся информации, репликатор позволяет выявить источник самоорганизации, понять его природу как культурного образца. «Культурный образец – объект любой природы в сфере действия культуры, с которыми люди координируют своё восприятие, мышление, воображение, поведение. И это помогает им выходить из стандартных проблемных ситуаций. ...Каждый из нас – уникальная интерференция репликаторов, задающих формы нашей активности. В том числе, художественной»[5, с. 36].

Заключение

1. Понятие «тезаурус», которым принято фиксировать количество информации, необходимой для успешной деятельности человека, как никакое другое лучше раскрывает сущность рассматриваемой проблемы. У слушателя, обладающего запасом культурных паттернов, значительно больше возможностей для ориентации в мире художественных ценностей, чем у того, у кого такой запас бесконечно мал или отсутствует. Неэффективность практики музыкального воспитания заключена в том, что она не формирует тезауруса эстетических впечатлений, полученных в процессе непосредственного живого общения детей с музыкой, а ограничивается только информацией о ней. Музыка изучается на уроке отстранённо от личности ребёнка, как некий фон для раскрытия учебных тем программы, как «ничейные» чувства. В результате процесс воспитания непосредственно самой музыкой подменяется её средствами, что далеко не одно и то же. Невозможно воспитывать музыкой, не переживая её образного содержания.

2. В основе музыкального восприятия, как и любой динамической системы, лежат механизмы отбора. Нами установлено, что тезаурус учащихся может формироваться под воздействием как внешних, так и внутренних факторов. Внешняя информация поступает к учащимся от педагога, из окружающей среды (радио, телевидения, интернета). Внутренняя информация – в форме ярких интонационных впечатлений, постепенно накапливается в жизненном опыте школьников. Именно она становится решающим фактором в выборе индивидуальных стратегий восприятия музыки. В этом заключено принципиальное отличие общения с искусством от познания научно-технической информации. Процесс восприятия музыки ничего сходного с ней не имеет. Это не отвлечённая от человека информационная структура, а утончённая и трепетная жизнь человеческой души, единение чувств и мыслей, интуиции и переживаний. Подготовленный к восприятию слушатель, соизмеряя содержание музыки с установками внутреннего плана, тезаурусом зафиксированных в памяти интонационных, а следовательно, эстетических, впечатлений, самостоятельно принимает решение выделять их из окружающей звуковой среды или нет. В других случаях восприятие приобретает предметно-понятийный, отстранённый от духовных целеустремлений человека, эгоцентрический характер. По свидетельствам многих выдающихся музыкантов прошлого и современности, в большую музыку они пришли под воздействием именно ярких музыкальных впечатлений, полученных в детстве.

3. Эстетические впечатления обладают свойством накапливаться до определённого предела – состояния неустойчивости, определяемого несоответствием прежних установок личности вновь сформировавшемуся тезаурусу музыкальной культуры – тезаурусу второго уровня. В таких случаях происходит переосмысление воспринятого, перевод его на другой качественный уровень. Процессы самодотраивания художественного содержания характерны для восприятия всех без исключения видов искусств.

4. Эстетические впечатления оказывают влияние на мотивацию творческой деятельности человека независимо от его индивидуально-типологических особенностей, способностей, образования, направленности профессиональных интересов. Воспитывающее воздействие музыки обусловлено эмоциональной составляющей содержания. Это, прежде всего, чувства, переживания и настроения самого человека, получающие непосредственный резонансный отклик в его жизненном опыте.

5. Непоследовательность современной теории и практики музыкального воспитания состоит в том, что она пытается организовать первоначальные воздействия музыки на образцах «переотражённого» материала (предметного мира, зрительных образов, звукоподражаний и пр.). Человек, его жизнь и непосредственное мироощущение оказываются не определяющими, а замыкающими образный ряд музыкального искусства, лишая тем самым школьников возможности сопереживания и сотворчества. В таком подходе не содержится перспективы саморазвития личности, он оторван от художественно-образных устремлений человека. «Искусство есть, скорее, организация нашего поведения на будущее, установка вперёд, требование, которое, может быть, никогда не будет осуществлено, но которое заставляет нас стремиться поверх нашей жизни к тому, что лежит за ней», - подчёркивал Л.С.Выготский [6, с. 286]. В этом процессе значение первоначальных художественных воздействий и обусловленных ими эстетических впечатлений трудно переоценить. При определённых условиях они получают возможность трансформироваться в устойчивые эстетические представления, становятся своеобразным материалом самостроительства музыкальной культуры личности на протяжении всей жизни. Не усвоив азбуки чувств, моделируемых в искусстве, невозможно понять высоких духовных смыслов человеческой жизни, быть причастным к ценностям художественной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Самохвалова, В.И. Достоевский и Мисима (о метафизике красоты) / В.И. Самохвалова // Вопросы философии. – № 11. – 2002. – С. 198–211.
2. Медушевский, В.В. Интонационная форма музыки: Исследование / В.В. Медушевский. – М. : Композитор, 1993. – 262 с.
3. Липков, А.И. Проблемы художественного воздействия: принцип аттракциона / А.И. Липков. – М. : Наука, 1990. - 236 с.
4. Назайкинский, Е.В. Логика музыкальной композиции /Е.В. Назайкинский. – М. : Музыка, 1982. – 319 с.
5. Пойзнер, Б.Н. Искусство под лупой синергетики / Б.Н. Пойзнер // Синергия культуры : тр. Всероссийской конф. – Саратов : Саратовский гос. техн. ун-т, 2002. – С. 33–37
6. Выготский, Л.С. Психология искусства / Л.С. Выготский. – Минск : Современное Слово, 1998. – 480 с.

Reva V.P. The formation of thesaurus of music impressions as a problem of arts pedagogy

The system of music education does not aim at the training of musicians. It is necessary to consider the solution of the problem in much wider spiritual context as aesthetic education of a person, who feels the in the world of art and wants to communicate with it.

The term "impression" means something that has been experienced by a person and left in the emotional memory. The specific side of the aesthetic impression is the fact of its being the result of very bright objects of art, feelings and activities. The music impression means specific emotional state of a listener during the communication with art of music.

The listener who has the cultural patterns of thesaurus holds the wide possibilities for orientation in the world of art values. They can transform into stable aesthetic vision at definite conditions of their existence.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 27.12.07

УДК 37.018.1

С.А. Сергейко

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ОТЦА И РЕБЕНКА В СЕМЬЕ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Родители любят своих детей тревожной и снисходительной любовью, которая портит их. Есть другая любовь, внимательная и спокойная, которая делает их честными. И такова настоящая любовь отца.

Д. Дидро

Статья посвящена исследованию проблемы взаимоотношений отца и ребенка в разных странах и в разные исторические эпохи. Рассмотрена классификация обществ, различающихся по положению отца в семье, по его участию в воспитании; проведен анализ воспитательного потенциала отца каждого типа общества; раскрыты преимущества разных типов взаимоотношений в диаде «отец – ребенок». Особое внимание в работе уделяется анализу воспитательных возможностей отца в современной семье.

Введение

Воспитание детей на рубеже XXI века в основном ложится на плечи матери. В наши дни происходит быстрое, неуклонное и чреватое опасными последствиями ослабление отцовского начала. Отчуждение мужчины от основного института общества – семьи приводит к самым серьезным социальным проблемам. Вместе с тем в отечественной психолого-педагогической литературе проблема воспитательных возможностей отца практически не исследована. Возникает необходимость изучения трансформации представлений о роли отца, степени его влияния на ребенка на протяжении истории человечества.

Историография проблемы воспитательных возможностей отца

Во все времена у различных народов роли отца в семье уделялось огромное значение. Так, в государствах Древнего Востока главенствующую роль в воспитании детей отводили отцу. В Древнем Египте безоговорочный и абсолютный авторитет отца, наставника был освящен многовековыми традициями. Приверженец таких традиций, автор «Поучения гераклеопольского царя» (XIII в. до н. э.) писал: «Всегда служи отцам и предкам своим». С этими традициями был тесно связан обычай передачи профессии по наследству. В Древнем Риме в VIII–VI вв. до н. э. отец выполнял роль жреца в религиозном воспитании своих детей. Отец был в семье неограниченным властелином. Мать пользовалась куда меньшими правами, но играла в воспитании почетную роль. Мальчики до 16-летнего возраста под наблюдением отца изучали домашнюю и полевую работы, осваивали искусство владения оружием. Отношения в семье часто были не идеалистическими. На глазах детей отцы творили расправу над рабами, участвовали в непристойных попойках. В Древней Греции философ Демокрит о семейном воспитании и роли в нем отца писал так: «Дети скупых родителей, если они выросли в невежестве, подобны танцующим между мечами. Они погибают, если при прыжке не попадают в то единственное место, где следует поставить ноги. Однако трудно попасть в то единственное место, так как оставляют (место только для ног) подошвы ног. Точно так же и эти дети: если они уклоняются от следования отцовскому примеру – от отцовской заботливости и бережливости, то обыкновенно гибнут» [12, с. 12]. Философ также отме-

чал, что «благоразумие отца есть самое действенное наставление для детей», что «привычки отцов, и дурные и хорошие, превращаются в пороки детей» [12].

Софокл, древнегреческий поэт-драматург, один из представителей этнической трагедии, в своем произведении «Антигона» затронул вопрос о важности отцовского воспитания и его доминирующей позиции [2, с. 127]:

Ты прав, мой милый. Пред отцовской волей
 Все остальное отступить должно.
 Затем и молим мы богов о детях,
 Чтоб супостатов наших отражали
 И другу честь имели воздавать.
 А в детях если не нашел опоры –
 Что скажем мы о нем? Не ясно ль всем,
 Что для себя он лишь причину создал
 И смех злорадный для врагов своих?

Взгляды Софокла разделял древнегреческий поэт-комедиограф, главный представитель новой аттической комедии Менандр. Он утверждал, что тот является отцом, кто воспитывает, а не тот, кто родит. Диоген Синопский – древнегреческий философ-киник, продолжал: «Отцы и дети не должны дожидаться просьбы друг от друга, а должны предупредительно давать нужное друг другу, причем первенство принадлежит отцу» [11, с. 43]. «Строгость отца – прекрасное лекарство: в нем больше сладкого, нежели горького», – отстаивал и римский философ-стоик Эпиктет [12, с. 46].

Выдающийся английский философ-материалист и педагог Джон Локк в трактате «Мысли о воспитании» писал: «Самый простой способ воспитания детей и формирования их внешнего поведения заключается в том, чтобы показать им на своих примерах, как им следует поступать и чего они должны избегать. Пример отца должен учить ребенка уважению к своему воспитателю, а воспитатель должен побуждать ребенка к тем действиям, которые требует отец» [12, с. 764]. Взгляды Дж. Локка разделял Жан-Жак Руссо. В романе «Эмил, или О воспитании» он отмечал: «Но что делает богач, этот отец семейства, столь занятый делами и принужденный, по его словам, кинуть детей своих на произвол судьбы? Он нанимает человека брать на себя заботы, которые ему в тягость. Продажная душа! Неужели ты думаешь за деньги дать своему сыну другого отца? Не обманывай себя; ты даже не учителя даешь ему, а лакея. Он скоро образует другого лакея» [12, с. 89].

Взгляды философов и педагогов эпохи Просвещения нашли свое продолжение в трудах итальянского философа В. Джоберти и немецкого педагога Ф. Гербарта. Первый высказал мысль о том, что отец должен быть для своих детей другом и наперсником, а не тираном, второй продолжал, что один отец значит больше, чем сто учителей [12].

Многие русские педагоги, философы, культурные и политические деятели поднимали вопрос о важности отцовской линии воспитания. В.Г. Белинский отмечал: «Как грубо ошибаются многие, даже лучшее из отцов, которые считают необходимым разделять себя детьми строгостью, суровостью, недоступной важностью! Они думают этим возбудить к себе уважение, и в самом деле возбуждают его, но уважение холодное, боязливое, трепетное, и тем отвращают от себя их и невольно приучают их к скрытости и лживости». Так же считал А.С. Макаренко. Он говорил: «...если дома вы грубы, или хвастливы, или пьянствуете, а еще хуже, если вы оскорбляете мать, вам уже не нужно думать о воспитании: вы уже воспитываете ваших детей, и воспитываете плохо, и никакие самые лучшие советы вам не помогут» [6, с. 234]. «Любого работника – от сторожа до министра – можно заменить таким же или еще более способным работником. Хорошего же отца заменить таким же хорошим отцом невозможно», – продолжал В.А. Сухомлинский.

Изучая взаимоотношения «мужчина – ребенок» у различных народов, в разных культурах, можно констатировать, что отношения эти бесконечно разнообразны: от самой тесной дружбы и постоянного ухода отца за сыном до полного отсутствия каких-либо контактов детей обоего пола с мужской частью племени.

Как отмечает Б.И. Кочубей, у народа Манус (Новая Гвинея), начиная с годовалого возраста, отец берет на себя практически всю заботу о ребенке, уход за ним, его питание и воспитание [3]. Отношения между мужем и женой в семье холодные, натянутые до враждебности, и отнятие ребенка у матери после окончания кормления грудью – большой праздник для отца, большая его победа. Он готов забрать у жены и сына, и дочь, но дочь он может (хотя и не обязательно) отдать на воспитание своей сестре (отношения брата с сестрой, в отличие от мужа с женой, теплые и эмоциональные). С сыном же непременно будет заниматься сам. Часы, проведенные с детьми, – лучшее время отдыха для мужчины этого племени. Он с удовольствием гладит ребенка, дует на него, щекочет его и играет с ним. По ночам ребенок спит только с отцом, а днем ездит с ним (на его спине) в мужской клуб, куда женщине вход категорически запрещен, но где может играть и баловаться пятилетняя девочка, находящаяся под покровительством любящего и все ей прощающего отца.

Совсем иначе у некоторых народов Южной Африки и Кавказа, где на протяжении первых лет жизни всякое общение ребенка с отцом находится под строгим запретом. Мужчина, проявивший ласку по отношению к сыну, тем самым опозорил себя на всю жизнь. У народности Тонга, например, на любой контакт отца с маленьким ребенком наложено табу, нарушение которого должно, по представлениям этих людей, быть причиной болезни и смерти. Лишь после определенного возраста (обычно после 7 лет) запрет снимается, и ребенок может хотя бы поговорить со своим отцом. Однако их отношения, как правило, лишены всяких эмоциональных компонентов. Отец строг и холоден, он начальник; от ребенка требуется беспрекословное подчинение [7].

Возможны и промежуточные варианты. У кочевых племен Северной Аравии, например, нет никаких запретов на общение отца с сыном, более того, сын весьма привязан к отцу. Но отношения их лишены тепла и строятся только по принципу авторитарного подчинения. У племени Квома (Новая Гвинея), как и у Манус, ребенка резко отрывают от матери и передают на воспитание отцу. Здесь это происходит позже – в три года, причем отделение от матери происходит сразу и полностью. В противоположность Манус это не только не ведет к сближению ребенка с отцом, но и формирует между ними враждебные отношения, которые смягчаются лишь значительно позже, после обряда инициации. У южноафриканских бушменов уход за детьми полностью возложен на женщин, однако отношения ребенка (особенно мальчика) с отцом теплые и дружеские. Отец с удовольствием играет с ребенком практически с самого момента рождения. Впоследствии он обучает сына охоте и правилам поведения среди других мужчин. Отношения же отца с дочерью становятся со временем более прохладными. О. Поняева утверждает, что у бушменов время общения ребенка с отцом составляет от 30% всего свободного времени ребенка (в США, для сравнения, – 9%). Пример бушменов особенно важен по следующей причине: они живут на плоскогорьях, покрытых степной и лесостепной растительностью, в условиях сухого и жаркого климата. Это условия, в которых прошло 98% всего времени существования человеческого рода. Может быть, и семейные отношения бушменов являются наиболее типичными для человечества? [8].

Разнообразие отношений «мужчина – ребенок» встречается даже в так называемых полиандрических культурах – таких, где одна женщина может быть женой многих мужчин. Встречаются они достаточно редко – менее 1% от всех известных сейчас народностей, находящихся на первобытном уровне развития. В одной из таких культур

(Маркизские острова в Тихом океане) главой семьи является старший сын женщины, который фактически заменяет отца своим братьям и сестрам. В племени Леле (Центральная Африка) некоторые женщины считаются официальными женами всех мужчин племени, и их дети, которые называются «детьми племени», образуют своего рода элиту, племенную аристократию, пользуясь авторитетом и уважением. У одной из полиандрических народностей Южной Индии существует понятие «социального отца» – того, кто помогает женщине в воспитании ребенка; «социальный отец» выбирается из числа мужей этой женщины фактически по жребью и не обязательно является биологическим отцом. В других полиандрических культурах отцовские функции принадлежат брату матери.

Американские этнопсихологи М. Вест и М. Каннер, проанализировав данные по 80 обществам примитивного типа из Африки, Азии, Южной Америки, Австралии и Океании, констатировали, что в половине случаев отец регулярно играет с ребенком уже в возрасте до 2 лет. В 69 обществах отец постоянно общается с ребенком 2–5 лет [11]. Можно утверждать, что постоянные контакты отцов с маленькими детьми среди примитивных народов – правило, а не исключение.

М. Вест и М. Каннер выделили три типа обществ, различающихся по положению отца в семье, по его участию в воспитании детей.

Первый – племена, где основным занятием является собирательство или садоводство. В таких культурах разделение труда между мужчиной и женщиной невелико; женщина участвует в добывании пищи, мужчина – в домашнем труде. Как правило, браки моногамные. Отцы, как и другие мужчины, очень близки к детям, играют с ними, балуют их. Такие народы не отличаются воинственностью, агрессивностью, предпочитают мирные отношения с окружающими племенами.

Культуры второго типа прямо противоположны. Контакты мужчины (особенно отца) с ребенком здесь сведены к минимуму, и дети растут под исключительным женским влиянием. Основной производственной деятельностью является охота или земледелие. В первом случае добывают пищу только мужчины, тогда как женщина является полновластной хозяйкой домашнего очага. Это ведет к строгому половому разделению труда, а следовательно, и к разделению общественного положения мужчины и женщины. Мужчины в таких обществах мужественны и агрессивны; войны, преступления и другие виды насилия встречаются значительно чаще, чем в обществах первого типа. Если основное занятие такого племени – земледелие, то разделение труда менее строгое, так как женщины тоже работают в поле; орудия труда примитивны. В обоих случаях семья в культурах второго типа полигамная. Агрессивные и воинственные мужчины часто гибнут, что ведет к изменению соотношения числа мужчин и женщин, и многоженство является естественным выходом из такой ситуации. Многоженство служит дополнительным фактором, отделяющим ребенка от отца.

Наконец, третий тип – это высокоразвитые земледельческие культуры, имеющие глубоко вспахивающий плуг и другие сельскохозяйственные орудия. Женщина работает там меньше, чем в племенах с преобладанием собирательства или примитивного земледелия, но больше, чем там, где основным делом мужчины является охота. Более совершенное политическое устройство уменьшает значение войн и насилия. Семьи чаще всего моногамные; многоженство если и встречается, то носит необязательный характер. Отношения «отец – ребенок» не так близки, как в обществах первого типа, но и не так холодны, как в племенах второго типа. Отец, как правило, много играет с ребенком, но мало участвует в повседневном уходе за ним. К матери ребенок привязан значительно больше. Эти культуры являются переходными к более развитым сельскохозяйственным обществам (таким, как европейское феодальное общество или русское крестьянское до «великого перелома»).

В отличие от примитивных культур в феодальном обществе имелись развитые формы общественной жизни: государство с регулярным войском, сословным делением, тюрьмами и чиновниками; религия, как правило, монотеистическая; искусство; технология и хотя бы зачатки науки и права. Такое общество часто называют докапиталистическим, крестьянским, феодальным (что неточно – феодальные отношения в нем имели место не всегда) или патриархальным. Последний термин употребляют наряду с другими, часто не задумываясь, что в нем в скрытом виде содержится указание на то, сколь важную роль играет фигура Отца.

Патриарх – глава рода, отец семейства, выполняющий по совместительству функции вождя. Слияние ролей Отца и Вождя (как и Отца и Учителя) – характернейшая черта патриархальной культуры. В примитивном, дописьменном обществе, где нет сильной государственной власти, отец может быть (а может и не быть) главой семьи не более. Государство, будь то монархия или тирания, делает главу семьи опорой власти, формируя в семье сколок общественных отношений.

Члены семьи повинуются отцу, как подданные монарху или диктатору и, далее, как все люди, – единому Богу, Отцу небесному. Триада «Отец – Правитель – Бог» – основа патриархальной идеологии. Отношения их взаимны. С одной стороны, на отца (реального отца семьи) возлагаются функции монарха в миниатюре, с другой – правителю, а далее и Богу приписываются отцовские качества: сочетание строгости и справедливости, умение разрешить все конфликты «по-семейному» [11].

До сих пор даже в такой «непатриархальной» стране, как США, дети склонны описывать обобщенный образ отца примерно в тех же словах, что и президента страны. Б.И. Кочубей утверждает: в протестантской культуре, где преобладал образ сурового Бога-отца, он вкладывался в головы реальных отцов, формируя идеал отношения к жене и детям. Подобно тому, как маленький обрывок голографического снимка содержит в себе все изображение, так и патриархальная семья несет свойства патриархального государства и космоса. Общество, семья и Вселенная взаимно моделируют друг друга [3].

В традиционной китайской семье почтение к отцу распространяется и на сына, особенно старшего; уже с четырехлетнего возраста он пользуется большим уважением женщин. Недаром в Китае выражение «старший брат» может служить в качестве почтительного обращения к любому мужчине.

В традиционной японской семье отец еще более отдален от детей. Он, как пишет Б.И. Кочубей, почетный гость в своей собственной семье. Через отца идет духовная нить, связывающая человека с Императором, носителем божественной сущности.

Контраст традиционной восточной семье, где преобладают почтительность и поклонение, представляет традиционная латиноамериканская семья, в которой доминирование властного, грубого, жестокого отца основано на специфическом культе мужественной силы (*machismo*) [4]. Отец с презрением относится к «возне с детьми», считая это занятие недостойным настоящего мужчины.

Отец в патриархальной немецкой семье проводит с детьми (особенно с сыновьями) много времени, отдыхает, играет с ними, постоянно заботится о них. Это не мешает ему не упускать из виду строгость и дисциплину. Даже в середине 70-х годов прошлого века, когда о патриархальной немецкой семье можно было говорить только в прошедшем времени, дети из ФРГ оценивали своих отцов как значительно более авторитарных (но зато и более заботливых), чем дети из США. Отношение к отцу в традиционной германской семье характеризуется словом *Ehrfurcht* – «честь и страх». Л.П. Тархова отмечает, что отец не может быть не прав, и его слово является законом («непогрешимость папы»). Мать также подчиняется ему беспрекословно, в его присут-

ствии одобряя его дисциплинарные меры, хотя в отсутствие отца она добра и ласкова с детьми [10].

По-разному относятся отцы к своим детям в этих семьях. А.С. Спиваковская отмечает, что роль наказания, особенно физического, значительно выше в западных патриархальных семьях, чем в восточных. Связь с детьми – от почти полного пренебрежения ими, как в традиционной мексиканской семье, до внимания и постоянной заботы в германской [9]. Однако во всех случаях есть одна общая черта: отец находится на недосягаемой высоте для ребенка, их отношения строго вертикальны, отец – прежде всего авторитет, прообраз и олицетворение той власти, которой ребенок беспрекословно будет подчиняться, когда вырастет и сам станет отцом.

Переход к капиталистическому способу производства ознаменовал собой первый удар по традиционной семье. Юридическое выражение это получило, в частности, в законодательстве Великой французской революции, которое освободило отца от всякой ответственности за содержание семьи (в этот период резко повысилась детская преступность). На раннекапиталистических фабриках и заводах женщины подвергались изнурительной эксплуатации наравне с мужчинами; широко использовался и детский труд. Это делало разделение семейных ролей на мужскую и женскую формальным и в какой-то мере приближало ребенка к отцу. Однако это своеобразное равенство положения мужа и жены в пролетарской семье было равенством в горе и нищете и вело, в конечном счете, к распаду семьи. Разложение родительско-детских отношений в условиях развивающегося буржуазного общества лучше всего, пожалуй, было показано великим Золя в его романах «Жерминаль», «Западня» [1].

По мере улучшения материальной стороны жизни рабочих индустриальных стран, развития законодательства, запрещающего детский и ограничивающего женский труд, положение отца и матери в отношении детей вновь стало асимметричным. По мнению Б.И. Кочубея, традиции патриархальности, подчеркивающие значение отца как главы семьи, кормильца и защитника, и матери как хранительницы очага и воспитательницы детей, за это время не были забыты. Они сохранялись в первую очередь в крестьянской среде и в какой-то степени могли быть восстановлены. При этом, с одной стороны, отец получил возможность общаться с детьми вне работы: играть с малышом, возиться с дочерью – тогда как раньше отец был главным образом воспитателем сына и то лишь с того момента, когда сын становился достаточно взрослым, чтобы продолжать отцовское дело. С другой стороны, именно эта функция отца в воспитании мальчика, функция, выражающаяся словами «делай, как я» (вспомним единство ролей Отца и Учителя в патриархальной культуре), – эта функция в развитых обществах XX века явно утеряна [4]. Отец уже не является наставником сына, бережно направляющим его еще нетвердые шаги по пути своего ремесла будь то охота (в примитивном обществе), крестьянское дело (в «классической» патриархальной культуре) или рабочая профессия (в обществе развивающейся индустрии). Сейчас отец (рабочий или служащий) отделен от ребенка. В школе ребенок учится совсем не тому, чем занимается его отец; классическая преемственность «сын – наследник моего дела» ушла в прошлое; разрыв между ролью Отца и ролью Учителя стал очевиден. В той же мере роль Отца полностью утратила и присущие ей ранее черты Вождя. Характерная для современных культур демократизация всех форм общественной жизни (в том числе и семейных отношений) сразу обесценивает дисциплинирующую функцию отца в семье, уменьшает значение наказания как специфически мужского средства воспитания.

Во многих штатах США разрабатываются программы привлечения мужчин к воспитанию детей, включающие создание курсов, где мужчины обучаются уходу за детьми, поощрение работы мужчин в качестве учителей школ и воспитателей детских садов. В странах Северной Европы (Швеция, Дания) развернуты последовательные

программы «эмансипации мужчин». В школе уроки труда одинаковы для обоих полов: девочки забивают гвозди, мальчики шьют и пеленают кукол. Во многих государственных учреждениях здесь зарплата женщин выше, чем мужчин: семья должна быть заинтересована в том, чтобы работала женщина, а мужчина ухаживал за детьми. С середины 50-х годов XX века на Западе стала постепенно распространяться практика присутствия мужей при родах жен. Мысль о том, что муж должен присутствовать при родах и оказывать жене моральную поддержку, возникла где-то в середине прошлого века. Первые такие опыты были проведены в Канаде и странах Северной Европы, а затем получили широкое распространение в США. В настоящее время присутствие (разумеется, добровольное) мужа роженицы при родах представляет собой обычное явление во многих странах. В нашей стране родовспомогательные службы зачастую отвергают такой опыт. Отказ открыть двери роддомов для мужей научно обоснован боязнью инфекции. Факты показывают, однако, что элементарная гигиеническая подготовка мужчин плюс элементарный контроль со стороны персонала представляют собой достаточную гарантию от инфекции [5]. Между тем польза, которую приносит участие мужа в родах, несомненна. Уменьшается тревога у роженицы, делаются менее интенсивными ее болевые ощущения. Подчиняясь мужу, она точнее выполняет все необходимые действия. Уменьшается количество наркотических веществ, требуемых для обезболивания родов, что положительно влияет как на мать, так и на ребенка. И главное, живой контакт отца с новорожденным производит на обоих неизгладимое впечатление, многократно усиливая их будущую привязанность друг к другу.

В настоящее время в России и Беларуси, как отмечает О. Поняева, роль мужчины во многих семьях сведена если не к нулю, то к минимуму. С одной стороны, он утратил прежний авторитет, с другой, лишившись патриархальной высоты и недоступности, он сплошь и рядом не стал ближе к детям. В нашем постсоветском обществе по ряду экономических и политических причин наметилась явная тенденция к подавлению функции отца. Это проявляется тремя независимыми процессами [8].

Во-первых, падает престиж мужчины-отца и, как следствие, падает число мужчин, способных и желающих быть полноценными отцами семейства, т. е. нести ответственность за конечный результат – адаптацию детей к успешной жизни. Как правило, многие мужчины решают свои физиологические и бытовые проблемы, удовлетворяя первую фазу инстинкта продления рода, а затем становятся равнодушными к его последующим фазам.

Во-вторых, сами женщины занимают по отношению к отцам совершенно губительную для детей и семьи позицию. Некоторые женщины фатально убеждены, что роль отца в семье – только как добытчика пищи, благ и средств, а воспитанием должна заниматься только мать.

В-третьих, в обществе процветают нездоровые тенденции, воспевающие мать-одиночку, прославляющие ее героизм, культивирующие пренебрежение к отцу, к отцовству в любом его проявлении.

Для современной России и Беларуси (в связи с ее особыми историческими условиями) специфична ситуация жесткого авторитарного доминирования властной жены и матери, что редко встречается в других культурах. При этом доминирование матери часто носит жесткий характер, проявляясь в физических наказаниях детей, в мелочном контроле, в гиперопеке. Нередко значительную роль в жизни современной городской семьи играет бабушка со стороны матери. При этом положение отца становится еще более тяжелым. Вялый и безвольный, он оттесняется двумя энергичными женщинами на периферию семьи, теряя уважение и привязанность детей.

Таким образом, процесс отчуждения от детей в значительной мере представляется общим и для нашего, и для западного общества. И в том и в другом случае в осно-

ве лежит распад патриархальной семьи с отцом-господином, послушной женой и беспрекословным подчинением младших старшим. И на Западе, и на Востоке действуют многочисленные факторы, ведущие к увеличению числа неполных семей, матерей-одиночек. Но есть и немалая разница. В США и Европе на смену патриархальным отношениям постепенно приходят отношения равноправия мужчины и женщины в семье, равенства прав и обязанностей отца и матери. Процесс сложен и противоречив. В частности, многие проблемы американской семьи могут быть связаны с тем, что старая форма отношений себя изжила, а новая еще только нащупывается. Проблема нашей республики в ином: равноправие мужа и жены, отца и матери в нашей стране провозгласили раньше, чем на Западе, но, как и многие другие прекрасные принципы, оно не было обеспечено реальным содержанием. Поскольку при этом основной удар пришелся на доминировавшую в старой семье фигуру отца, в результате возник уродливый тип семьи с мужем и отцом, формально присутствующим (и то не всегда), но на самом деле оттесненным на обочину жизни.

Заключение

На протяжении всей истории, в ходе смены исторических и политических эпох, изменений в национальном, политическом, общественном, социальном и индивидуальном сознании менялось и представление о роли отца, степени его влияния на ребенка. Так, в государствах Древнего мира и Средневековья главенствующую роль в воспитании детей отводили отцу. Переход к капиталистическому способу производства ознаменовал собой первый удар по традиционной семье. Семейные и социальные связи традиционного общества оказались разорванными. Отец уже не являлся наставником детей, он стал добытчиком материальных благ, полностью переложив ответственность за воспитание детей на материнские плечи. Характерная для современных культур демократизация всех форм общественной жизни (в том числе и семейных отношений) еще больше обесценила воспитательную функцию отца в семье. В современном обществе явно наметилась тенденция к подавлению возможностей отца. Это проявляется тремя независимыми процессами: падением престижа мужчины-отца; восприятием современного отца только как добытчика пищи, благ и средств (воспитанием должна заниматься мать); пренебрежением к отцу, к отцовству в любом его проявлении и воспеванием героизма матерей-одиночек. Как следствие, падает число мужчин, способных и желающих быть полноценными отцами семейства, нести ответственность за конечный результат воспитания, адаптацию детей к успешной жизни.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бодалев, А.А. Семья и формирование личности / А.А. Бодалев. – М. : Просвещение, 1989. – 206 с.
2. Жемчужины мысли / сост. А.А. Жадан. – Минск : Беларусь, 1991. – 477 с.
3. Кочубей, Б.И. Мужчина и ребенок / Б.И. Кочубей. – Минск : Знания, 1990. – 80 с.
4. Кочубей, Б.И. Осень патриарха / Б.И. Кочубей // Семья и школа. – 1990. – № 5. – С. 39–41.
5. Крылова, Н.Б. Культурология образования / Н.Б. Крылова. – М. : Народное образование, 2000. – 185 с.
6. Макаренко, А.С. Педагогическая поэма / А.С. Макаренко. – М. : Худож. лит., 1987. – 623 с.
7. Овчинникова, О. Мужская рука / О. Овчинникова // Воспитание школьников. – 1988. – № 1. – С. 56–60.

8. Поняева, О. Специфика отцовского взаимодействия с ребенком / О. Поняева // Воспитание школьников. – 2003. – № 3. – С. 46–47.
9. Спиваковская, А.С. Как быть родителями / А.С. Спиваковская. – М. : Педагогика, 1986. – 160 с.
10. Тархова, Л.П. Мальчик, мужчина, отец / Л.П. Тархова. – М. : Знание, 1992. – 128 с.
11. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл. – М. : Прогресс, 1990. – 205 с.
12. Хрестоматия по истории зарубежной педагогики / сост. А.И. Пискунов. – М. : Просвещение, 1971. – 452 с.

Sergeiko S. Father and Child: History and Modernity

The article is devoted to the research of the problem of interrelation of father and child in different countries and in different epochs. The classification of societies which are distinguished according to the position of father in family, to his participation in up-bringing, is considered; the analysis of father's up-bringing potential of every type of society is made; the advantages of different types of interrelation in the system "father-child" are revealed. Particular attention is paid to the analysis of father's up-bringing opportunities on modern family.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 12.06.08

УДК 373+373.3

Т.В. Александрович

МОДЕЛИРОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ РАЗВИТИЯ КРЕАТИВНОСТИ ДОШКОЛЬНИКОВ

В статье анализируются современные подходы к проблеме креативности и ее структурные компоненты, обосновывается необходимость развития творческих способностей на ранних этапах онтогенеза, представлена модель педагогической поддержки развития креативности дошкольников.

Предлагаемая модель включает целевой, содержательный, процессуальный и результативный компоненты. Развитие креативных способностей как основы творческого потенциала личности дошкольника является целью данной модели. Содержательный компонент модели представлен блоками: дивергентное и конвергентное мышление, воображение, восприятие, память, внимание, язык познания, – составляющими структуру креативных способностей. Процессуальный компонент включает методы, формы и условия, стимулирующие развитие универсальной творческой способности. Результативный компонент модели включает комплекс диагностических методик определения уровня развития креативности.

Введение

Социально-экономический и научно-технический прогресс общества ставят современного человека с самых ранних лет перед проблемой не только адаптации к условиям изменяющейся жизни, но и необходимостью активно и творчески познавать окружающий мир. «Личность не может развиваться в рамках потребления, – подчеркивает А.Н.Леонтьев. – Ее развитие необходимо предполагает смещение потребностей на созидание, которое одно не знает границ, как и всякое познание» [5, с. 94].

Одним из ведущих факторов успешности человека выступает креативность – универсальная творческая способность личности. «Наиболее необходимым и ценным товаром в нашем мире сегодня, – подчеркивает С. Смит, – являются творческие способности... В творческих способностях, и только в них одних лежат ответы на все проблемы всего человечества [цит. по 6, с. 13]. Креативность (или творчество) – есть «естественная тенденция к личностному балансу, психическому здоровью и самоактуализации» (М. Боден); это «способность не просто к высшему уровню деятельности, а к ее преобразованию» (Л.С. Выготский) [3, с. 35]; это «способность адаптивно реагировать на необходимость в новых подходах и новых продуктах, способность осознавать новое» (Ф. Баррон, Д. Харрингтон); это более чем адаптивная характеристика, больше чем сочетание личностных качеств, это «возможность предъявить себя миру, проявить собственную индивидуальность, открыть свои способности, значит – познать самого себя» [1, с. 197]. Успешное становление личности, профессиональное самоопределение, готовность и умение адаптироваться к изменяющейся действительности, социально и личностно значимые достижения невозможны без высоко развитой способности к творчеству.

Понятийный аппарат, объект предмет и цель исследования

В психологии можно выделить несколько подходов к пониманию и изучению креативности: креативность как творческий процесс (О. Зельц, Е. Спирмен, М. Вертгеймер, К. Дункер, А. Матейко), как интеллектуальная или творческая способность (Дж. Гилфорд, Д.Б. Богоявленская, Л.Б. Ермолаева-Томина), как творческий продукт (М. Ферсон, К. Тейлор), как личностная категория (К. Роджерс, А. Маслоу, Я.А. Пономарев) [1; 3; 6].

В качестве критериев креативности рассматривается комплекс определенных свойств интеллектуальной деятельности:

- беглость (количество идей, возникающих в единицу времени);
- оригинальность (способность производить «редкие» идеи, отличающиеся от общепринятых, типичных ответов);
- восприимчивость (чувствительность к необычным деталям, противоречиям и неопределенности, а также готовность гибко и быстро переключаться с одной идеи на другую);
- метафоричность (готовность работать в фантастическом, «невозможном» контексте, склонность использовать символические, ассоциативные средства для выражения своих мыслей, а также умение в простом видеть сложное и, напротив, в сложном – простое [10, с. 267]).

Таким образом, креативность – системное психологическое образование, представляющее собой как способность к творческой деятельности, так и наличие творческого потенциала личности; это интегральное качество, универсальная характеристика, обеспечивающая возможность успешной адаптации личности к меняющимся реалиям жизни, придания творческого характера труду, досугу, образованию и, в конечном счете, – самоосуществлению человека, развитию его как личности и неповторимой индивидуальности. Однако, по данным А. Маслоу, реализуют свой творческий потенциал только 1% человечества. Причина – люди не знают своего потенциала, «они боятся своих способностей как неизвестности...» [7, с. 495].

«Портрет» творческой личности многогранен, включает различные психологические сферы и качества:

- открытая, многополярная картина мира, креативное отношение к миру и себе, открытость новому опыту (сфера мировоззрения);
- разнообразие интересов, стремление к творчеству, увлеченность процессом творческой деятельности, творческая активность (творческая мотивация);
- способность к ассоциированию и импровизации, стремление к совершенству, чувство юмора, эмпатия (креативные свойства);
- способность к преобразованиям, вариативность, способность к прогнозированию (интеллектуально-творческие способности);
- способность к продуцированию образов, интеграции разрозненных элементов в единую систему-образ; одухотворенность реальных образов и реалистичность нереальных; выход за рамки обыденного (отлет от реальности); способность к символизации и зрительно-образному представлению идей – создание внутренних картин проблем (творческое воображение);
- способность к сотрудничеству в творческой деятельности (коммуникативно-творческие способности) [4, с. 310].

Личностная и социальная значимость умения мыслить и действовать творчески неоспорима, и начинать работу над выявлением и «пестованием» креативности надо на ранних этапах онтогенеза, так как в этот период имеются большие возможности влияния на личностное развитие ребенка, что создает необходимые предпосылки развития творческой личности. В исследованиях ученых доказано, что наиболее оптимальным (сензитивным) периодом развития креативности, овладения различными видами творческой деятельности является старший дошкольный возраст (Л.А. Венгер, Н.А. Ветлугина, Л.С. Выготский, А.В. Запорожец, Б.П. Никитин, Е.Л. Солдатова и др.); развитие креативности не определяется генетически, а зависит от культуры, в которой воспитывается ребенок; не существует прерывности в развитии креативности; спад в развитии креативности можно снять в любом возрасте путем специального обучения (В.Д. Дружинин, В.Т. Кудрявцев, Е. Торренс). Ведущая роль в процессе обучения твор-

честву и, соответственно, в самом процессе творчества принадлежит приобретенным качествам личности, в данном случае – творческой личности.

Современное дошкольное образование в качестве приоритетной ставит задачу воспитания творческой личности, имеющей нестандартный взгляд на проблемы, умеющей находить собственные решения, оригинальные ответы, открыто высказывать смелые идеи и гипотезы, способной быстро адаптироваться к изменяющимся условиям и т. д. Последние десятилетия характеризуются значительным ростом внимания к развитию креативности дошкольников, что, несомненно, сказалось на активизации педагогических поисков как в науке, так и в практике дошкольного образования. Вниманию педагогов дошкольных учреждений предлагаются программы развития творчества в различных видах деятельности: «Красота – Радость – Творчество» (Т.С. Комарова, А.В. Антонова, М.Б. Зацепина), «Радость творчества» (О.А. Соломенникова), «Театр – Творчество – Дети» (Н.Ф. Сорокина, Л.Г. Миланович). С конца 80-х годов в дошкольном образовании стала применяться ТРИЗ (теория решения изобретательских задач) и др.

Проблема также актуализируется имеющимися противоречиями в практике работы дошкольных учреждений:

- теоретическими подходами к природе творческих способностей, с одной стороны, и практикой их развития – с другой;
- объективной потребностью общества и личности в развитии творческого отношения к действительности, умения творчески решать различные задачи и недостаточным развитием способности к творчеству;
- задачами формирования и развития креативности дошкольников и слабым уровнем их решения в силу сохраняющихся стереотипов обучения;
- потребностью дошкольных учреждений в технологиях, развивающих творческий потенциал ребенка, и недостаточностью как самих технологий, так и специалистов, владеющих ими.

Следовательно, развитие творческого потенциала ребенка остается актуальной проблемой современности. Как показывает изучение практики работы дошкольных учреждений, основной акцент, как правило, делается не на развитие процессов продуктивного мышления и воображения, а на процессы памяти: запоминание, сохранение, воспроизведение. Сложившаяся система дошкольного образования фактически не содержит (или содержит в крайне недостаточной степени) специальных мер, направленных на последовательное и систематическое выявление и развитие у детей способности к творчеству, и как результат – оценка взрослыми не самого акта творчества, а итогового продукта. Анализ современной практики дошкольного образования позволяет говорить о том, что потенциальные возможности дошкольного детства для развития творческого потенциала используются не всегда.

Проблема творчества, особенно ее педагогические аспекты, остается одной из самых неразработанных. Перед современным дошкольным образованием встает проблема поиска нового теоретического осмысления и методического оснащения развития креативности детей дошкольного детства. Актуальность и недостаточная разработанность проблем креативного развития личности на ранних этапах онтогенеза обусловили выбор темы нашего исследования: «Педагогическая поддержка развития креативности дошкольника».

Объект исследования – образовательный процесс в дошкольном учреждении.

Предмет исследования – педагогическая поддержка развития креативности дошкольников в условиях развивающих игр и занятий.

Цель исследования: теоретическое обоснование и моделирование процесса педагогической поддержки развития креативности старших дошкольников в условиях развивающих игр и занятий с использованием эвристических методов и приемов.

Теоретико-методологической базой исследования явились:

– на философском уровне – концепция творчества и творческой личности (Платон, Аристотель, В.С. Соловьев и др.), системный подход к анализу психических явлений, основы которого даны в работах Б.Г. Ананьева, Б.Ф. Ломова, К.К. Платонова;

– на общенаучном уровне – антропология, идеи гуманистической педагогики и психологии (К. Роджерс, А. Маслоу и др.), деятельностный подход в развитии личности (С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев, Л.В. Занков, В.В. Давыдов); положения отечественной психологии о культурно-исторической обусловленности развития высших психических функций, ведущей роли обучения и воспитания в развитии способностей (Л.С. Выготский);

– на конкретно-научном уровне – теории психологии творчества, происхождения и диагностики творческих способностей (Я.А. Пономарев, А.В. Брушлинский, Д.Б. Богоявленская, Дж. Гилфорд, Б.М. Теплов); личностно-ориентированный подход к целостному развитию когнитивной, эмоциональной и регулятивной сфер личности (Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, А.Н. Леонтьев и др.); акмеологическая концепция воспитания, главная идея которой заключается в том, что человеку следует предоставить максимальную помощь и поддержку в раскрытии его индивидуальности, реализации потенциальных возможностей; концепция педагогической поддержки личности и процесса ее развития (О.С. Газман).

Модель педагогической поддержки развития творческих способностей дошкольников

Предлагаемая нами модель педагогической поддержки развития креативности дошкольника основана на структуре деятельности и включает в себя ряд взаимосвязанных компонентов: целевой, содержательный, процессуальный и результативный. Главной целью педагогической поддержки выступает развитие креативных способностей как основы творческого потенциала личности дошкольников.

Целевой компонент может быть представлен рядом конкретных задач: стимулирование положительной мотивации и потребности в творческой деятельности; воспитание у детей эмоциональной отзывчивости на объекты культуры, объекты природы; приобретение системы знаний; формирование у дошкольников начальных форм диалектического подхода к анализу предметов и явлений окружающего мира; формирование и развитие деятельности экспериментирования как ядра детского творчества, его основы и источника; формирование, совершенствование специальных умений и навыков организации творческой деятельности; развитие у дошкольников разнообразных форм и видов мышления в их тесном взаимодействии; развитие рефлексии, обеспечивающей оценку ее результатов; создание условий для проявления самостоятельности, инициативы, творчества, возможности содержательного общения как со взрослыми, так и между детьми.

Содержательный компонент модели включает важнейшие психические процессы, составляющие основу творческих способностей. С точки зрения содержания, данная модель не имеет жесткой предметной направленности. Она ориентирована не на то, чтобы дать ребенку какие-либо конкретные знания из области окружающей действительности или сформировать у него какие-либо специальные умения и навыки, ее задача – оптимизировать процесс развития умственных и творческих способностей.

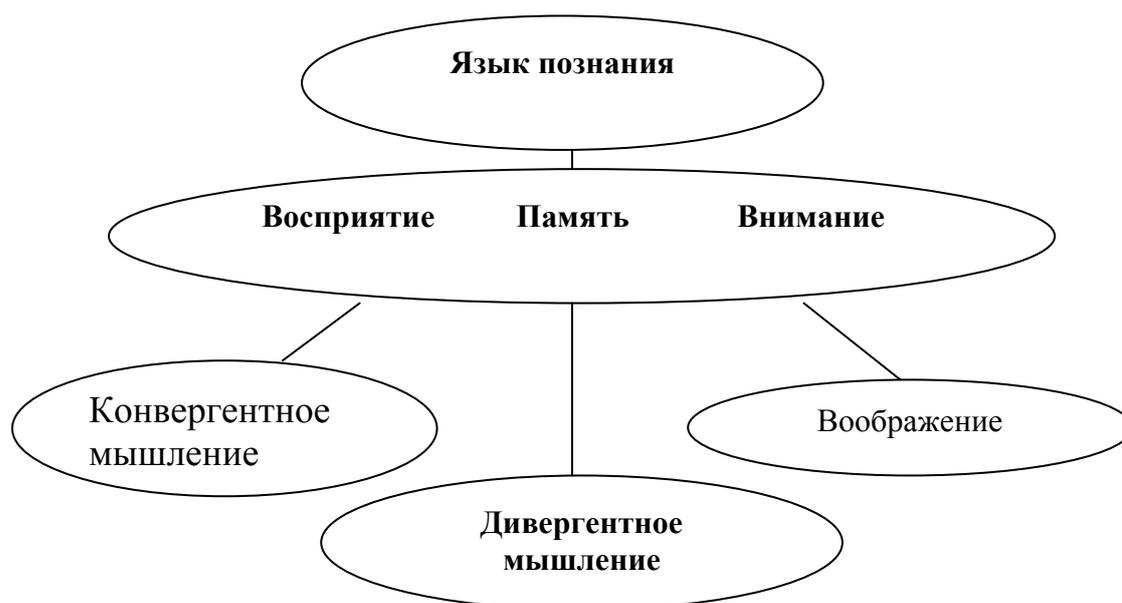
Модель педагогической поддержки развития креативности дошкольников интегрирована и построена на основе «спирально-концентрического принципа». Характерной особенностью содержательного компонента модели при данном принципе ее построения является то, что дети, постоянно используя и таким образом не теряя из поля зрения ранее сформированные методы и приемы мыслительной деятельности, по-

степенно расширяют и углубляют круг собственных возможностей в данной сфере. Периодически происходит возврат к ранее проработывавшимся сторонам данных способностей, но каждый раз это делается на более высоком, по сравнению с предыдущим этапом, уровне. Дошкольное учреждение выступает той развивающей средой, где происходит формирование творческого потенциала личности ребенка. Развитие творческих способностей детей в условиях детского сада предполагает деятельность в самых разных направлениях. Эта работа должна охватывать все сферы взаимной деятельности ребенка с педагогом, общение со сверстниками и взаимодействие с предметно-развивающей средой.

Структуру содержательного компонента представляют блоки, составляющие структуру творческого потенциала личности ребенка. В модели их выделено семь. Они не являются рядоположенными с точки зрения формальной логики, что и отражено на схеме, которая позволяет понять их взаимное соотношение и характер взаимодействия.

Рассмотрим более подробно каждый блок с точки зрения содержания и отдельные виды заданий, входящих в эти блоки.

Конвергентное мышление (логическое, последовательное, однонаправленное мышление). Оно проявляется и развивается при решении задач, имеющих единственный верный ответ, причем этот ответ, как правило, может быть логически выведен из самих условий. Задачи такого рода имеют жесткую структуру, их решение достигается путем использования определенных правил, алгоритмов.

Конвергентному мышлению уделяют серьезное внимание традиционные образовательные программы. Практически все учебные задачи, используемые в традиционных учебниках, – конвергентного типа. Мышление интуитивное, ассоциативное, которое, как считал Ж. Пиаже, наиболее естественно для ребенка-дошкольника и необходимо в творческой деятельности, может подавляться ранними интенсивными занятиями подобного рода. Имеются в виду прежде всего задания, построенные по типу традиционных учебных, с использованием строго организованных материалов. Однако в ходе исследований отечественных ученых еще раз была подтверждена мысль, высказанная Дж. Гилфордом о том, что логическим, последовательным, линейным мышлением не следует пренебрегать в погоне за целостным, интуитивным, релятивным мышлением. Необходим баланс в использовании заданий, направленных на оба вида мышления.

У детей необходимо развивать оба вида мышления и помогать находить удовлетворение в интеграции обоих параметров мыслительной деятельности. Только такой подход обеспечивает полноценное развитие творческого (продуктивного) мышления.

Выполнение заданий данного блока («Пифагор», «Волшебный круг», «Пентамино», «Танграм») должно привести к овладению детьми такими умениями, как умение анализировать, синтезировать, делать обобщения, устанавливать закономерности, классифицировать, давать определения понятиям. Задачи такого рода вполне могут быть использованы педагогами дошкольных учреждений при организации развивающих занятий с дошкольниками.

Дивергентное мышление (альтернативное, отступающее от логики). Согласно Дж. Гилфорду, дивергентное мышление характеризуют четыре основных качества: быстрота, гибкость, оригинальность и точность. Под быстротой в данном случае понимается способность высказывать максимальное количество идей; гибкость – это способность высказывать широкое многообразие идей; способность порождать новые нестандартные идеи называется оригинальностью; точность или законченность – это способность совершенствовать или придавать завершённый вид своему продукту [8].

Дивергентная задача – это задача, предполагающая, что на один поставленный в ней вопрос может быть несколько или даже множество верных ответов. Именно этот вид мышления квалифицируется как творческий. Данный вид мышления наиболее тесно связан с воображением и служит источником порождения большого количества оригинальных и разнообразных идей.

В ходе выполнения задач дивергентного типа (например, составить как можно больше изображений из простых геометрических фигур, нарисовать как можно больше сюжетов на одну тему или придумать заглавие к рассказу и т. п.) у детей развиваются такие качества, как оригинальность, гибкость, беглость (продуктивность) мышления, легкость ассоциирования, сверхчувствительность к обнаружению и решению проблем.

В оба вышеобозначенных блока могут и должны входить задания, ориентированные на развитие всех видов мышления (словесно-логического, наглядно-образного, наглядно-действенного) и форм мышления (теоретического и практического, произвольного и произвольного и др.).

Воображение рассматривается нами традиционно – как психический процесс создания образов, предметов, ситуаций путем комбинирования элементов прошлого опыта. «Создание творческой личности, устремленной в будущее, – как писал Л.С. Выготский, – подготавливается творческим воображением, воплощающимся в настоящем» [3, с. 5]. Подобранные и разработанные задания направлены на формирование и развитие как репродуктивного, так и творческого воображения. Объединенные в этом блоке задачи близки по содержанию к дивергентным, но отличаются тем, что ориентированы на более широкий круг проблем, связанных с эффективным осуществлением творческой деятельности в самых разных областях.

В процессе выполнения подобных заданий (например, что связывает слова; мысленно соединяя части различных животных, составь из них живое существо с необычными свойствами; нарисуй врача, президента и т. п. и расскажи о своем рисунке) формируются легкость к генерированию идей; способность к предвидению, свертыванию мыслительных операций; умение менять точку зрения (преодоление эгоцентризма); умение ассимилировать информацию, эмпатия и др.

Восприятие представляет собой отражение предметов и явлений в совокупности свойств и частей при непосредственном воздействии на органы чувств. Это не пассивное копирование мгновенного воздействия, а «живой», творческий процесс. Будучи необходимым этапом познания, восприятие тесно связано с мышлением, памятью и вниманием. Задания, объединенные в данном блоке, ориентированы на формирование и развитие

всех его видов: восприятие предметов в совокупности их свойств; восприятие движений, пространства, времени; восприятие людей и отношений. В ходе этих занятий должны быть сформированы и развиты такие умения, как умение выявлять взаимосвязь ощущений и восприятия, понимать соотношение объективного и субъективного в восприятии, а также такие его характеристики, как осмысленность и обобщенность, предметность и целостность, быстрота и правильность, избирательность, константность и т. п.

Память – это способность запоминать, сохранять и впоследствии воспроизводить ранее усвоенные знания, умения, навыки. При разработке заданий этого блока в качестве исходного было принято положение о том, что развитие способностей сохранения прошлого опыта, делающее возможным его использование в разнообразной, в том числе и творческой деятельности, – одна из важнейших задач интеллектуального и творческого развития. При этом, как отмечали многие исследователи (К. Дункер, Л. Секей), преимущество в творческой деятельности имеет не тот, у кого объем памяти больше, а тот, кто умеет оперативно, в определенный момент извлечь из памяти нужную информацию.

Объединенные в данный блок задания ориентированы на развитие произвольной и непроизвольной памяти, а также различных ее видов (словесно-логическая, образная, эмоциональная, моторная и др.) и форм (кратковременная, долговременная).

Внимание – психическое явление, характеризующее сосредоточенность деятельности субъекта в данный момент времени на каком-либо реальном или идеальном объекте (образе, предмете, событии, рассуждении). Задания блока предусматривают активизацию произвольного, непроизвольного и постпроизвольного внимания и направлены на совершенствование всех его характеристик: избирательности, объема, устойчивости, возможности распределения, переключаемости. В соответствии с этим в данный блок включены задания, способствующие формированию и развитию таких умений, как умение концентрировать внимание на одном объекте; удерживать в поле зрения несколько идей и действовать одновременно в каждом из направлений; быстро переключаться с одного вида деятельности на другой. Примерами заданий на развитие внимания служат задачи на определение несоответствия в рисунках, нахождение различий в двух похожих рисунках и др.

Язык познания. Этот блок интегрированный, объединяет задания, направленные на развитие когнитивной сферы ребенка. Включенные в него задания направлены, в первую очередь, на формирование таких умений, как:

- умение добывать информацию;
- проводить самостоятельное исследование;
- делать сравнения, давать оценки и определения понятиям;
- аргументировано и логично доказывать свою точку зрения;
- способности действовать в уме, в частности, составлять четкий внутренний

план умственных действий,

- умение формулировать и высказывать суждения, делать умозаключения.

Содержание данного блока составляют задания на отгадывание загадок, составление и разгадывание кроссвордов, выявление логической структуры текста, классификацию и систематизацию информации и др.

Процессуальный компонент модели включает методы, формы, средства, а также условия, обеспечивающие развитие творческого потенциала личности дошкольника. При выборе методов важно учесть, что, во-первых, креативность в детском возрасте следует понимать как механизм развития разнообразных видов деятельности ребенка, его опыта, его личности. Во-вторых, что основным в творчестве ребенка является воображение как процесс оперирования образами и их комбинирования. Кроме того, важ-

нейшим для творчества ребенка является интенсивно развивающееся в период дошкольного детства мышление. И, наконец, третий показатель креативности в детском возрасте, стремления ребенка к открытию нового – эмоционально положительный фон его деятельности. Следовательно, процессуальный компонент включает методы и приемы, активизирующие творческое мышление («мозговой штурм», морфологический анализ, синектика, метод каталога, контрольных вопросов и др.) и развивающие творческое воображение («бином фантазии», метод фантастических гипотез, увеличение-уменьшение, антропоморфизм, фантастическое объединение, метод фокальных объектов и др.).

Как уже отмечалось, креативность является свойством, которое актуализируется лишь тогда, когда это позволяет окружающая среда. На основании проведенного теоретического анализа нами выделены педагогические условия, обеспечивающие эффективность развития креативности детей старшего дошкольного возраста:

- диалогическое взаимодействие (сотворчество, субъект-субъектное взаимодействие, совместная деятельность взрослых и детей и т. п.);

- социальное подкрепление (положительное отношение педагогов к творческой деятельности и креативным проявлениям ребенка, создание благоприятной доброжелательной атмосферы, климата психологической свободы, атмосферы дозволенности, открытости, игры и спонтанности, поощрение оригинальных идей, одобрение проявления творческой инициативы, поддержание творческих идей, создание ситуаций успеха, умение дать мудрую педагогическую оценку и т. д.);

- наличие образца креативного поведения взрослого как организующего начала творческого взаимодействия с детьми, создающего творческую свободу, благоприятствующую их творческой активности;

- создание ситуаций эмоциональной включенности ребенка в творческий процесс, установление эмоционального контакта;

- отсутствие регламентации предметной активности, отсутствие преград в отношении спонтанности и инициативы, свобода выбора пространственных перемещений и т. д.;

- зависимость от способов организации педагогического процесса, применяемых методов обучения, разработка специальных обучающих программ развития, конструирование содержания с учетом проблемности, вариативности, личной значимости для ребенка [1; 4; 7].

В процессуальном компоненте педагогической технологии важное значение имеет личность педагога. В большей степени стимулируют творческое самовыражение воспитанников педагоги, имеющие в своем личностном арсенале четкие ориентации на поддержание в детях естественного творческого процесса. К таковым мы относим:

- обеспечение благоприятной атмосферы. Доброжелательность со стороны педагога, его отказ от высказывания оценок и критики в адрес ребенка способствуют свободному проявлению дивергентного мышления;

- обогащение окружающей ребенка среды самыми разнообразными для него предметами и стимулами с целью развития его любознательности;

- поощрение высказывания оригинальных идей;

- обеспечение возможностей для упражнения и практики. Широкое использование вопросов дивергентного типа применительно к самым разным областям;

- использование личного примера творческого подхода к решению проблем;

- предоставление детям возможности активно задавать вопросы.

Основной задачей *результативного компонента* модели является определение достигнутого уровня сформированности креативных свойств и качеств личности дошкольника. Для ее решения необходим подбор и использование диагностического пакета уровня развития способности к творчеству. В качестве исходного материала могут

служить переработанные в указанном направлении методики Г. Айзенка (как вербальные, так и невербальные), тесты дивергентного мышления Дж. Гилфорда, П. Торренса, метод «Креативное поле» Д.Б. Богоявленской, тест отдаленных ассоциаций С. Медника, проективные методики, в частности «Рисунок фантастического несуществующего животного», и другие. Это позволит осуществить мониторинг и коррекцию динамики развития универсальной творческой способности – креативности.

Заключение

Созданные в психолого-педагогической науке предпосылки для решения проблемы развития творческих способностей послужили основой моделирования процесса педагогической поддержки развития креативности дошкольников. Педагогическая поддержка креативности личности и процесса ее развития рассматривается нами, с одной стороны, как элемент педагогического взаимодействия и сотрудничества, а с другой – как «мягкая» педагогическая технология, направленная на содействие процессам самоопределения, самовыражения личности, развития её неповторимой индивидуальности, креативности, творчества. Педагогическая поддержка – это процесс совместного с ребенком определения его собственных интересов, внутренних возможностей и создание условий для развития способностей к творчеству [2].

Предложенная модель педагогической поддержки развития креативности дошкольников основана на структуре деятельности, личностно-ориентированном педагогическом взаимодействии, субъект-субъектных связях, сотрудничестве взрослого и ребенка в образовательном процессе. Средствами и методами, обеспечивающими педагогическую поддержку креативного развития личности, являются развивающие игры и занятия с использованием эвристических методов и приемов обучения.

Теоретическая разработка, научное обоснование модели педагогической поддержки развития креативности дошкольников позволит нам перейти к ее технологизации и опытно-экспериментальной проверке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Богоявленская, Д.Б. Психология творческих способностей / Д.Б. Богоявленская. – М. : Академический Проект, 2002. – 346 с.
2. Воспитание и педагогическая поддержка детей в образовании / О.С. Газман [и др.] ; под общ. ред. О.С. Газмана. – М. : Академия, 1996. – 178 с.
3. Выготский, Л.С. Воображение и творчество в детском возрасте / Л.С. Выготский. – М. : Просвещение, 1991. – 93 с.
4. Креативный ребенок: диагностика и развитие творческих способностей / Т.А. Барышева, В.А. Шекалов. – Ростов н/Д. : Феникс, 2004. – 416 с.
5. Леонтьев, А.Н. Формирование личности / А.Н. Леонтьев // Психология личности в трудах отечественных психологов. – СПб. : Питер, 2000. – 340 с.
6. Малахова, И.В. Развитие личности. Способность к творчеству, одаренность, талант / И.В. Малахова. – Минск : Бел. наука, 2002. – 158 с.
7. Морозов, А.В. Креативная педагогика и психология / А.В. Морозов, Д.В. Чернилевский. – М. : Академический Проект, 2004. – 560 с.
8. Муляр, О.И. От Гилфорда к Торренсу, или как измерить креативность, природа которой не вполне ясна теоретикам / О.И. Муляр // Психологическая газета. – 1998. – № 10.
9. Никитин, Б.П. Ступеньки творчества или развивающие игры / Б.П. Никитин. – М. : Педагогика, 1998. – 186 с.

10. Педагогика. Большая современная энциклопедия / сост. Е.С. Рапацевич. – Минск : Современное слово, 2005. – 718 с.
11. Страунинг, А.М. Методы активизации мышления / А.М. Страунинг. – Обнинск : Росток, 1997. – 340 с.
12. Харьков, В.Н. Импровизация...Импровизация? Импровизация! / В.Н. Харьков. – М. : Магистр, 1997. – 288 с.

Alexandrovich T.V. On Modeling the Process of Pedagogical Support of Creativity of Children under School Age

In the article modern approaches to the problem of creativity and its structural components are analyzed, the necessity of development of creative abilities on the early stages of ontogenesis is grounded, the model of pedagogical support of development of creativity of children under school age is presented.

The suggested model includes purposeful, substantial, processive and resultive components. The development of creative abilities, as a basis of creative potential of the personality of a child under school age, is the aim of this model. The substantial component of the model is presented by the following blocks – divergent and convergent thinking, imagination, perception, memory, attention, language of cognition – which compose the structure of creative abilities. The processive component includes methods, forms and conditions which stimulate the development of a universal creative ability. The resultive component of the model includes a complex of diagnostic methods of determining the level of development of creativity.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 19.02.08

УДК 159.9: 378

С.В. Бегеба

МОТИВАЦИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УЧАЩИХСЯ КОЛЛЕДЖА

Результаты, которых человек достигает в жизни, лишь на 20–30% зависят от его интеллекта, а на 70–80% – от мотивов, которые у этого человека есть и побуждают его определенным образом себя вести.

В.Н. Мясущев

Проблема адаптации учащихся колледжа к педагогической профессиональной деятельности – одна из актуальных социальных проблем. Важность и необходимость исследований процесса профессиональной адаптации учащихся к учебно-воспитательному процессу обусловлено тем, что именно на протяжении всего периода обучения в средних специальных и высших учебных заведениях начинается формирование будущего специалиста, закладываются основы его успешной профессиональной деятельности. Насколько успешно преодолеет он этот трудный жизненный этап, в значительной мере зависит его личностное развитие, профессиональный рост. Процесс профессиональной адаптации учащихся колледжа изучался путем выявления профессиональной мотивации как многокомпонентного образования.

Введение

Формирование профессиональной мотивации в условиях колледжа имеет свои особенности, которые необходимо учитывать в работе с учащимися. Нами было проведено эмпирическое исследование на базе Пинского колледжа УО «Брестский государственный университет имени А. С. Пушкина». Изучение особенностей профессиональной мотивации осуществлялось среди 103 учащихся I – IV курсов, обучавшихся по специальности «Начальное образование».

Деятельность человека объективно и субъективно обусловлена мотивацией, целеполаганием, волей и т. д., поэтому от того, какие цели ставят перед собой учащиеся, какие у них сформированы потребности и мотивы, во многом зависит эффективность учебного процесса. Установлено, что в условиях колледжа ведущей является учебно-профессиональная мотивация, представляющая собой систему целей, потребностей и мотивов, которые побуждают личность совершенствовать свои профессиональные знания и навыки, сознательно относиться к педагогическому труду и его результатам, быть активным в учебно-профессиональной деятельности [1, с. 222].

Удовлетворенность профессией является тем интегративным показателем, который отражает отношение субъекта к избранной профессии. Он необходим и чрезвычайно важен именно как обобщенная характеристика. Низкая удовлетворенность профессией в значительном числе случаев является причиной текучести кадров, а она, в свою очередь, приводит к отрицательным экономическим последствиям. Низкая удовлетворенность профессией в процессе профессионального обучения вероятнее всего приводит и к ее освоению на поверхностном уровне. А это, в свою очередь, вызывает психические перегрузки даже при умеренно напряженной профессиональной деятельности [2]. Кроме того, от удовлетворенности избранной профессией, уровня профессиона-

Научный руководитель – Ю.А. Иванов, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина

лизма в немалой степени зависит и психическое здоровье человека. Его сохранению способствует также высокий уровень профессионализма как один из решающих факторов преодоления психологического стресса.

Таким образом, изучение профессиональной мотивации, ее влияние на процесс профессионального обучения, выявление в этой области определенных закономерностей – являются актуальными задачами педагогики и психологии.

Основная часть

Удовлетворенность профессией была определена по методике, предложенной В.А. Ядовым, Н.В. Кузьминой [3, с. 237–238], и представлена количественно в виде индекса удовлетворенности профессией (ИУ), который задан так, что может меняться в пределах от -1 до +1, принимая в этих пределах любые значения. Причем значение, равное -1, свидетельствует о явной неудовлетворенности, а +1 – о полной удовлетворенности. Для определения коэффициента удовлетворенности использовалось несколько связанных между собой вопросов. Их помещают на разных страницах опросника, чтобы респондент не соотносил их друг с другом.

По результатам проведенного исследования максимальная удовлетворенность выбранной профессией выявлена на 1 курсе, а в дальнейшем имеет тенденцию к незначительному снижению. Интерпретация этого факта различна: указываются как объективные причины (уровень преподавания в учебном заведении), так и субъективные (по мере учебы выявляются теневые стороны будущей специальности). Вместе с тем не следует переоценивать максимальную удовлетворенность профессией на первом году обучения. Учащиеся-первокурсники опираются, как правило, на свои идеальные представления о будущей профессии, которые при столкновении с реалиями подвергаются болезненным изменениям. Однако важно другое. Ответы на вопрос «Что нравится в выбранной профессии?» свидетельствует, что ведущим основанием здесь выступает представление о творческом содержании будущей профессиональной деятельности. Например, учащиеся указывают такие факторы, как «возможность самосовершенствования», «работа требует творческого подхода» и «работа соответствует моим способностям». Несмотря на то, что удовлетворенность профессией на выпускном курсе ниже, чем на 1 курсе, величина индекса ИУ не принимает отрицательных значений. Анализируя данные, можно отметить, что свыше 60% выпускников удовлетворены профессией.

Вместе с тем определение общего уровня удовлетворенности профессией не указывает на причины удовлетворенности ею или неудовлетворенности. Чтобы выяснить эти причины, мы применили методику, направленную на изучение факторов привлекательности профессии педагога. По существу речь шла о мотивах выбора. Методика впервые была предложена В.А. Ядовым. Нами применялся ее измененный вариант (модификация Н.В. Кузьминой, А.А. Реана), который использовался во многих социально-педагогических и психолого-педагогических исследованиях [3, с. 68–70]. Для выявления ведущих мотивов рассчитывался коэффициент значимости (КЗ), величина которого может колебаться от +1 до -1.

Вычисление КЗ позволило определить иерархию мотивов, определяющих отношение к профессии педагога, и проанализировать изменения структуры мотивов, определяющих позитивное или негативное отношение к избранной профессии учащихся I – IV курсов колледжа (см. таблицу).

Таблица – Структура мотивов, определяющих отношение к профессии педагога

Курс	Ранг мотива				
	1-е место	2-е место	3-е место	4-е место	5-е место
1	Работа с людьми	Негативный фактор: небольшая зарплата	Работа требует творческого подхода	Возможность самосовершенствования	Возможность достичь социального признания, уважения
2	Работа с людьми	Работа требует творческого подхода; Возможность достичь социального признания и уважения	Работа соответствует моим способностям	Возможность самосовершенствования	Работа соответствует моему характеру
3	Работа с людьми	Негативный фактор: небольшая зарплата	Негативный фактор: работа вызывает переутомление	Работа требует творческого подхода	Работа соответствует моим способностям
4	Негативный фактор: небольшая зарплата	Работа с людьми	Работа требует творческого подхода	Работа соответствует моим способностям	Возможность достичь социального признания, уважения

Анализируя таблицу, можно сказать, что структура значимых мотивов, определяющих отношение учащихся к профессии, достаточно идентична на разных курсах, хотя имеет место и определённая специфика, связанная с индивидуально-психологическими особенностями учащихся. Так, установлено, что мотив «работа с людьми» входит в число наиболее важных. У учащихся колледжа 1-го курса этот мотив выявлен на I ранговом месте ($K3 = 1$), у 2-го курса – на I ранговом месте ($K3 = 1$), у 3-го курса – на I ранговом месте ($K3 = 0,63$) и у 4-го курса – на II ранговом месте ($K3 = 0,6$). Действительно, ведущим для данной группы учащихся фактором оказался мотив «работа с людьми», соответствующий профессии типа «человек – человек». Таким образом, установлено, что у подавляющего большинства учащихся профессиональные интересы лежат в сфере избранной и осваиваемой ими профессии. Возможно, это скажется не только на уровне профессионального обучения, но и впоследствии на эффективности профессиональной деятельности.

Устойчиво высокое значение имеет мотив творчества в будущей профессиональной деятельности, стремлением к творчеству и теми возможностями, которые представляет для этого работа по специальности. Этот мотив остается значимым для учащихся всех курсов. У учащихся колледжа 1-го курса мотив «работа требует постоянного творчества» занимает III ранговое место ($K3 = 0,83$), у 2-го курса этот мотив занимает II ранговое место ($K3 = 0,74$), у 3-го курса – IV ранговое место ($K3 = 0,4$) и у 4-го курса – III ранговое место ($K3 = 0,46$). Результаты исследования свидетельствуют о выраженной ориентации учащихся на творчество в будущей профессиональной дея-

тельности независимо от ее специфики и содержания. Ожидание творческих элементов в профессии, усмотрение творческих начал в ней обуславливают особое отношение к профессии и влияют на удовлетворенность ею. Большинство учащихся надеются на возможность проявить творчество в своей будущей профессиональной деятельности. При этом следует заметить, что от содержания профессиональной деятельности в этом плане многое зависит, а разные профессии и разные «трудовые посты» предоставляют неравные возможности для творчества. В связи с этим справедливо утверждение Б.Ф. Ломова, что творчество – это не исключительное состояние художественной, научной и изобретательской сфер деятельности. Любая деятельность включает момент творчества [4]. При этом особенно важно воспитывать в учащихся одинаковое уважение к разным видам профессионального труда. Недопустимо превозносить одни профессии как творческие, увлекательные за счет других, якобы лишенных этих качеств. Приобретет ли профессиональная деятельность оттенок творчества, во многом зависит от самой личности.

Другой важный мотив связан с возможностью достичь социального признания, уважения. Этот мотив у учащихся 1-го курса находится на V ранговом месте ($K3 = 0,66$), у 2-го курса занимает II ранговое место ($K3 = 0,74$), у учащихся 3-го курса отмечен на IX ранговом месте ($K3 = -0,033$) и у 4-го курса – V ранговом месте ($K3 = 0,32$).

Таким образом, объективное признание и субъективное понимание учащимися общественной значимости профессии существенным образом влияет на удовлетворенность выбором и в определенной мере способствует профессиональной адаптации учащихся.

К числу факторов, которые имеют отрицательное значение, т. е. названы учащимися колледжа в качестве непривлекательных аспектов профессии, относится мотив «небольшая заработная плата». У учащихся 1-го курса этот мотив занимает II ранговое место ($K3 = -0,93$), у 2-го курса этот мотив не имеет существенного веса, у 3-го курса – III ранговое место ($K3 = -0,5$) и у 4-го курса – I ранговое место ($K3 = -0,75$). Так, установлено, что интерес к педагогической профессии учащихся связан и с материальной стороной, ориентацией на заработок. У студентов средних специальных учебных заведений фактор зарплаты входит в число значимых. Этот фактор связывается прежде всего с отношением государства и общества к педагогам.

В числе других значимых факторов, выделенных студентами, можно назвать: соответствие (субъективная оценка) работы индивидуальным особенностям личности (способности, характер); негативный фактор: работа вызывает переутомление. Последний фактор «работа вызывает переутомление» отмечают учащиеся 3-го курса ($K3 = -0,5$), что свидетельствует об опасении физического и эмоционального переутомления в своей будущей профессиональной деятельности.

Важное значение представляет и выяснение соответствия характерологических особенностей личности требованиям профессии. С одной стороны, характерологические особенности в целом более устойчивы, чем интересы, но, с другой стороны, ярко выраженные профессиональные интересы, как элемент в общей структуре мотивации личности, существенным образом влияют на удовлетворенность профессией, а следовательно, на продуктивность обучения.

Заключение

Таким образом, отношение к профессии, мотивы ее выбора (отражающие потребности, интересы, убеждения, идеалы) являются чрезвычайно важными (а при некоторых условиях и определяющими) факторами в отношении успешности профессионального обучения. Поэтому принципиальное значение имеет замечание В.Д. Шадринкова о том, что «принятие профессии порождает желание выполнить ее определенным

образом, порождает определенную детерминирующую тенденцию и служит исходным моментом формирования психологической системы деятельности» [5]. Отсюда следует, что важной стороной приобретения педагогической профессии является то, что она побуждает учащихся к самосовершенствованию, что основывается на анализе и осмыслении обучения и деятельности, сознательного творчества.

В результате исследования была выявлена иерархия мотивов, определяющих отношение учащихся к профессиональной деятельности. Можно отметить, что не все факторы имеют одинаковую значимость. И все-таки, несмотря на это, уровень удовлетворенности профессией можно прогнозировать. Среди наиболее значимых мотивов привлекательности профессии педагога можно выделить такие, как «работа с людьми», «работа требует постоянного творчества». Основным и важным мотивом непривлекательности профессии является фактор заработной платы. Существенных различий в мотивах привлекательности и непривлекательности профессии педагога у учащихся I - IV курсов не наблюдается.

Формирование устойчивого положительного отношения к профессии педагога – один из актуальных вопросов современного образования. Здесь еще немало нерешенных задач. В условиях динамичного развития профессиональных знаний, в силу предъявляемых к личности требований о непрерывном профессиональном образовании и совершенствовании, дальнейшая разработка указанной проблемы приобретает все большую значимость.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Психология человека от рождения до смерти. Полный курс психологии развития / под ред. члена-корреспондента РАО А.А. Реана. – СПб. : прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 416 с.
2. Кудрявцев, Т.В. Влияние характерологических особенностей личности на динамику профессионального самоопределения / Т.В. Кудрявцев, А.В. Сухарев // Вопросы психологии. – 1985. – № 1. – С. 86–93.
3. Реан, А.А. Социальная педагогическая психология / А.А. Реан, Я.Л. Колосминский. – СПб. : Питер, 1999. – 416 с.
4. Ломов, Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии / Б.Ф. Ломов. – М. : Наука, 1984. – 445 с.
5. Шадриков, В.Д. Проблемы системогенеза профессиональной деятельности / В.Д. Шадриков. – М. : Логос, 1982. – 185 с.

Begeba S. V. The motivation of professional activity of college students

The article is devoted to one of the most actual problems of the professional adaptation to the pedagogical activity in the process of students' training. The factor of the professional adaptation - the professional motivation – is revealed with the help of some researches. The professional motivation consists of the hierarchy of the motives which is analyzed. On the basis of the received facts the motives of the attraction and unattraction of the pedagogic activity and the satisfaction of the chosen profession are analyzed.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 30.10.08

УДК 378.147

Т.С. Демчук

МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ ГОТОВНОСТИ БУДУЩИХ ПЕДАГОГОВ К ВАЛЕОЛОГИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ ШКОЛЬНИКОВ

В статье рассматривается проблема подготовки студентов педагогических специальностей к здоровьесбережению, в частности аспект формирования готовности будущих педагогов к валеологическому воспитанию школьников. Одним из путей решения данной проблемы может стать проектирование научно обоснованной модели исследуемого процесса.

Автором выделяются ведущие методологические и теоретические основания, на основе которых осуществлялось моделирование исследуемого процесса. Представлена модель, включающая целевой, содержательный, организационный и оценочный компоненты и раскрываются сущность каждого из них.

С учетом данных апробации модели в опытно-экспериментальной работе автора определены педагогические условия, способствующие эффективному формированию данного качества личности будущего педагога.

Введение

Появившаяся в последние годы тенденция ухудшения здоровья детей, обусловленная рядом неблагоприятных социальных и природных факторов, выражается в увеличении физических и психических расстройств подрастающего поколения. Так, в дошкольном возрасте 12–19% детей имеют выраженные формы психических расстройств, а 40% составляют группу риска по развитию психических нарушений; в начальном периоде школьного обучения и подростковом возрасте частота психических заболеваний достигает 20–25%, к моменту окончания школы этот процент увеличивается до 93%; 2/3 выпускников школы имеют медицинские ограничения при выборе профессии, более чем 50% допризывников противопоказана служба в армии, до 75% увеличилось количество девушек, имеющих хронические заболевания; до 1% всех подростков в возрасте 15–17 лет уже имеют диагнозы «алкоголизм», «токсикомания», «наркомания» [1].

В связи с ростом заболеваемости подрастающего поколения назрела необходимость в подготовке педагогических кадров, способных сохранять и укреплять здоровье детей, ориентировать учащихся на здоровый образ жизни.

По мнению многих авторов, к основным видам деятельности педагога следует отнести здоровьесберегающую деятельность: валеологическая деятельность (Н.П. Панова, Е.Н. Ермакова, З.С. Кунцевич), валеолого-педагогическая деятельность (Т.М. Пономаренко), деятельность по формированию здорового образа жизни (Н.П. Абаскалова, Л.И. Алешина, Н.В. Самусева), валеологическое воспитание (Н.М. Полетаева), валеологическая работа (И.Ю. Глинянова), валеологическое сопровождение образовательного процесса (Г.К. Зайцев, В.В. Колбанов) и т. д.

Целям нашего исследования соответствует определение Н.М. Полетаевой: валеологическое воспитание – «организация целостного образовательно-воспитательного процесса, направленная на формирование здорового образа жизни» [2, с. 39]. Как профессиональная деятельность педагога выражается в следующих функциях: *диагностическая, информационная, профилактическая и организаторская.*

Научный руководитель – Н.К. Степаненков, доктор педагогических наук, профессор, профессор Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, академик Международной академии технического образования

Диагностическая функция предполагает анализ состояния здоровья и условий жизнедеятельности субъектов учебно-воспитательного процесса. Информационная функция обеспечивает трансляцию опыта по здоровьесбережению. Профилактическая направлена на создание условий, обеспечивающих здоровье всех участников образовательного процесса и ориентирована на предупреждение различных заболеваний, нарушений функциональных состояний детей, устранение вредных привычек. Организаторская функция заключается в проведении различных форм учебной и внеклассной работы валеологической направленности.

Подготовку будущих педагогов к здоровьесберегающей деятельности необходимо осуществлять в стенах педагогических учебных заведений на основе научного осмысления содержательной и процессуальной сторон общепедагогической подготовки педагога. Суть подготовки, по мнению Л.Г. Татарниковой, заключается не только в получении будущими педагогами знаний о здоровье, формировании умений и навыков оздоровления, а прежде всего в воспитании у них потребности в здоровом образе жизни [3]. Поэтому результатом подготовки мы рассматриваем готовность студентов к валеологическому воспитанию школьников, которая определяется нами как интегративное качество специалиста, характеризующее его одновременно в двух качествах – как субъекта здоровьесбережения и как потенциального исполнителя педагогических функций, необходимых для валеологического воспитания школьников.

Формирование исследуемой готовности мы рассматриваем как целостный целенаправленный педагогический процесс, который характеризуется включением студентов в активную деятельность по сохранению и укреплению своего здоровья и здоровья подрастающего поколения, формированию ценностных ориентаций к личному и общественному здоровью, ведению здорового образа жизни, формированию положительного отношения к валеологическому воспитанию школьников.

Необходимость четкого представления о сущности, структуре и содержании процесса формирования готовности будущих педагогов к валеологическому воспитанию школьников требует обращения к процессу моделирования.

Моделирование – «метод исследования объектов на их моделях-аналогах определенного фрагмента природной или социальной реальности» или «построение и изучение моделей реально существующих предметов и явлений и конструируемых объектов» [4, с. 580]. Важный аспект моделирования отмечает И.П. Подласый: «Моделирование основывается на синтетическом подходе: вычленяет целые системы и исследует их функционирование» [5, с. 214], а созданная в его результате модель служит решению целей управления [6]. Таким образом, моделирование в нашем исследовании позволяет рассмотреть образовательный процесс в вузе как целостное явление, его элементарную структуру.

Методологические и теоретические основания моделирования готовности будущих педагогов к валеологическому воспитанию школьников

При создании модели формирования готовности будущих педагогов к валеологическому воспитанию школьников мы опирались на ряд методологических и теоретических оснований.

Во-первых, модель ориентируется на личность студента, его внутреннюю позицию, которая возникает, по мнению Л.И. Божович, «на основе своего предшествующего опыта, своих возможностей, ранее возникших потребностей и стремлений относиться к тому объективному положению, которое он занимает в жизни в настоящее время и какое положение он хочет занимать. Именно эта внутренняя позиция обуславливает определенную структуру его отношения к действительности, к окружающему миру и самому себе» [7, с. 174]. Поэтому личностный подход является одним из оснований мо-

дели, так как он учитывает то, что все внешние педагогические влияния всегда действуют опосредованно, преломляясь через внутренние условия личности. Таким образом, личность студента в одно и то же время выступают объектом воздействия и субъектом учебной педагогической деятельности.

При моделировании процесса формирования готовности будущих педагогов к валеологическому воспитанию школьников необходимо учитывать его циклический характер, т. е. поэтапность, которая основывается на теории функциональных систем П.К. Анохина [8] и позволяет выделить три основные этапа: *ориентировочный, деятельностьный и рефлексивный*.

Ориентировочный этап представляет собой осознание студентом необходимости и важности валеологического воспитания и самовоспитания, ретроспективный анализ собственного опыта здоровьесбережения, накопление знаний в образовательном процессе вуза и формирование на этой основе программы индивидуального маршрута валеологического образования.

Деятельностный этап. Происходит изучение и освоение учебного материала, имеющего валеологическую направленность (занятия по педагогике на тему «Валеологическое воспитание школьников», спецкурс «Основы педагогической валеологии», педагогическая практика в школе и в оздоровительных лагерях).

Рефлексивный этап характеризуется саморегуляцией студентом своей деятельности на основе осмысления практического опыта. Студент, обобщая изученный материал, на основе анализа собственного здоровья и готовности к валеологическому воспитанию школьников производит необходимую корректировку проделанной работы.

Деятельностный подход к построению модели исследуемого процесса предполагает, что качества личности студента проявляются и развиваются в деятельности. Поэтому данный процесс должен сопровождаться активной деятельностью субъектов педагогического процесса, направленных на оздоровление своего организма и окружающих.

Системный подход к изучению педагогических проблем позволяет рассмотреть формирование готовности как сложную систему, состоящую из элементов, находящихся в отношениях и связях между собой и образующих определенную целостность, единство (Ю.К. Бабанский, В.П. Беспалько, Т.А. Ильина, Б.Т. Лихачев, В.Д. Шадриков и др.).

Модель формирования готовности будущих педагогов к валеологическому воспитанию школьников

Учет указанных методологических положений дает возможность обосновать модель формирования готовности будущих педагогов к валеологическому воспитанию школьников, составляющими компонентами которой являются: *целевой, содержательный, организационный и оценочный* (рисунок).

Целевой компонент включает цель, которая определяет характер всего образовательного процесса в вузе и представляет собой готовность будущего педагога к валеологическому воспитанию школьников. Обозначенная цель конкретизирована в частные задачи в соответствии с ранее указанными этапами формирования исследуемой готовности.

Так, задачей ориентировочного этапа является актуализация «прежнего» опыта у студентов и мотивов валеологического образования, обеспечивающих потребность в приобретении знаний, умений и навыков, необходимых для валеологического воспитания школьников. Основной задачей деятельностьного этапа является формирование компетентности студента в области педагогической валеологии с дальнейшим переносом обобщенной информации на собственную жизнедеятельность и на валеологическое воспитание учащихся. И, наконец, задачей рефлексивного этапа является формирование у студентов умений соотносить процесс валеологической компетентности и результат деятельности по валеологическому воспитанию школьников с ранее на-

меченной программой и позволяет вносить в нее коррективы.

Рисунок 1 - Модель формирования готовности будущих педагогов к валеологическому воспитанию школьников

Содержательный компонент представлен в нашей модели как педагогически адаптированное и тем самым специально сконструированное содержание педагогической валеологии, организованное усвоение которого студентами обеспечивает их готовность к валеологическому воспитанию школьников. Оптимальное содержание педагогической валеологии определяется факторами, влияющими на здоровьесбережение участников учебно-

воспитательного процесса (наследственный, экологический, социально-экономический, санитарно-гигиенический, педагогический образ жизни), и структурировано в соответствии с педагогическими функциями, необходимыми для осуществления валеологического воспитания школьников: *диагностическая, информационная, профилактическая и организаторская*.

Организационный компонент характеризует «формы, способы, средства организации и осуществления взаимодействия педагогов и воспитуемых, направленного на реализацию целей и задач, освоение содержания педагогического процесса» [9, с. 249].

В нашей модели данный компонент представлен следующими педагогическими условиями, которые реализуются через комплекс обучающих средств, определенными в соответствии с этапами исследуемого процесса:

- валеологическая направленность педагогических дисциплин;
- внедрение спецкурса «Основы педагогической валеологии»;
- педагогическая практика валеологической направленности в школе и в оздоровительных лагерях.

Выделение первого педагогического условия связано с недостаточной проработанностью содержания образования по рассматриваемой проблеме. В связи с тем, что количество часов на изучение педагогических дисциплин не может бесконечно увеличиваться, основанием одного из путей профессиональной подготовки студентов к валеологическому воспитанию школьников служит наличие тем учебных курсов, помогающих подготовить специалиста в данном направлении.

Основанием для выделения спецкурса послужило то, что частичные и фрагментарные обращения к проблемам здоровьесбережения не способствуют развитию деятельностного познавательного интереса и потребности в осуществлении валеологического воспитания. Только при специально организованном и определенно направленном обучении можно вызвать у будущего учителя стремление, потребность, желание и возможность осуществлять валеологическое воспитание.

Третье педагогическое условие – внесение элементов валеологии в программу педагогической практики. Общеизвестно, что любая подготовка происходит в деятельности, следовательно, для осуществления валеологического воспитания в школе необходимо включить студентов в эту деятельность – педагогическую практику, позволяющую максимально развиваться личности будущего педагога и совершенствовать саму деятельность (Э.З. Бабаев, И.Г. Бердников, В.В. Буткевич, В.П. Тарантей и др.).

Важными в организации образовательного процесса в вузе являются принципы, предложенные Т.М. Пономаренко:

- комплексное, системно-целевое воздействие на формирование личности педагога;
- единство обучения и воспитания, целостность учебно-воспитательного процесса вуза, его связь с деятельностью образовательных учреждений;
- непрерывность, последовательность, преемственность процесса в течение всего периода формирования личности студента в вузе;
- учет специфики факультета, года обучения, уровня общекультурного и профессионального уровня развития студентов, дифференцированный подход к ним и единство формирующей работы – общеуниверситетской, факультетской, курсовой, групповой, индивидуальной;
- единство воспитания и самовоспитания, образования и самообразования на основе принципа саморазвития, всемерное развитие его творческой инициативы и самостоятельности через участие в различных видах совместной деятельности;
- взаимосвязь личной заинтересованности и общественной необходимости в воспитательной деятельности, утверждение в сознании каждого студента общественной значимости воспитания в себе необходимых качеств педагога [10].

Оценочный компонент предполагает анализ и оценку степени соответствия полученных результатов намеченным задачам. Выделенные нами критерии и показатели позволяют

определить уровень исследуемой готовности и оценить эффективность модели формирования готовности студентов к валеологическому воспитанию школьников.

Таблица – Показатели готовности студентов к валеологическому воспитанию школьников

Критерии готовности	Уровни готовности		
	высокий	средний	низкий
Мотивационный	испытывает потребность в получении и углублении валеологических знаний (70–100%)	испытывает потребность в получении и углублении валеологических знаний частично (40–70%)	не испытывает особой потребности в получении и углублении валеологических знаний (0–40%)
Информационный	валеологическая информированность (70–100%) полнота знаний	валеологическая информированность (40–70%), отсутствует полнота знаний	валеологическая информированность (0–40%), имеет смутные представления
Деятельностный	выполнение действий уверенно; профессионализм и осознанность совершаемых действий; самостоятельно выполняет задания, самостоятельно определяет и выбирает оптимальные способы оздоровления	не совсем четкие и уверенные действия; решает задания под руководством педагога; владеет самостоятельно отдельными формами и способами оздоровления	действия методом проб и ошибок; низкая саморегуляция деятельности; выбирает отдельные формы и способы оздоровления с оказанием помощи

Заключение

Апробация созданной нами модели была проведена на базе Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина.

Для оценки результатов исследования мы использовали ряд методов: тестирование, эксперт-оценка, педагогические наблюдения, анализ деятельности студентов на практических занятиях. Методом самооценки будущие педагоги определяли релевантность валеологической информации, полученной при изучении специальных и педагогических дисциплин. Для определения влияния этих дисциплин на информационный компонент готовности мы использовали метод – критерий знаков. Для исследования зависимости показателей информационной и мотивационной готовности применялся метод математической статистики. По результатам эксперимента составлялась матрица, и с помощью компьютерной обработки определялся коэффициент корреляции.

Качественный и количественный анализ результатов исследования подтверждает эффективность разработанной модели, что выразилось в определенном росте показателей валеологической информированности и развитии потребности студентов в дальнейшем углублении знаний в области педагогической валеологии.

Проведенная опытно-экспериментальная работа по формированию готовности студентов педагогических специальностей позволила сделать следующие выводы:

1. Подготовить будущих педагогов к здоровьесбережению участников учебно-воспитательного процесса возможно только в контексте его будущей профессиональной деятельности.

2. Эффективной формой валеологической подготовки студентов является спецкурс «Основы педагогической валеологии», способный технологически подготовить будущих педагогов к выполнению профессиональных функций, необходимых для осуществления валеологического воспитания школьников.

3. Осуществлять преемственность видов педагогической практики, включающих валеологический компонент, возможно на основе связи теории и практики.

Несомненно, активное участие студента в валеологически нацеленном образовательном процессе вуза является важным условием, от которого зависит формирование готовности к валеологическому воспитанию школьников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Селезнев, А.А. Здоровьесберегающие педагогические технологии взаимодействия / А.А. Селезнев // Народная асвета. – 2008. – № 6. – С. 35-40.
2. Полетаева, Н.М. Теоретические основы системы валеологического воспитания школьников : дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.01 / Н.М. Полетаева. – СПб., 2001. – 347 л.
3. Татарникова, Л.Г. Педагогическая валеология: генезис, тенденции развития / Л.Г. Татарникова. – СПб. : Петроградский и К, 1995. – 352 с.
4. Российская педагогическая энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. В.В. Давыдов. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1993. – Т. 1. – 608 с.
5. Подласый, И.П. Педагогика : учебник для студентов высших пед. учеб. заведений / И.П. Подласый. – М. : Просвещение: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 1996. – 432 с.
6. Психология и педагогика : учеб. пособие / под ред. А.А. Бадалева. – М. : Изд-во Института Психотерапии, 2002. – 585 с.
7. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л.И. Божович. – М. : Просвещение, 1967. – 464 с.
8. Анохин, П.К. Избранные труды: Философские аспекты теории функциональной системы / П.К. Анохин. – М. : Наука, 1978. – С. 156.
9. Смирнов, В.И. Общая педагогика : учебное пособие / В.И. Смирнов. – 2-е изд. – М. : Логос, 2003. – 304 с.
10. Пономаренко, Т.М. Подготовка студентов педагогического вуза к валеолого-педагогической деятельности в системе дошкольного образования : дис. ... канд. пед. наук : 13.00.01 / Т.М. Пономаренко. – Южно-Сахалинск, 2005. – 191 л.

Demchuk T.S. The model of the formation future teachers readiness to the valeological education of schoolchildren

The article concerns the problem of the training of the students of pedagogical departments to health-preservation, in particular the aspect of the formation of future teachers to the valeological education of schoolchildren. One of the ways to solve this problem can be the designing of a **scientifically grounded** model of the process under study.

The author states the leading methodological and theoretical grounds on the basis of which the designing of the given process has been held. The given model includes such components as aim, content, organization and evaluation and the essence of each is revealed.

On the base of the data of the approbation of the model the pedagogical conditions are stated in the experimental work of the author and they serve for the effective formation of the personality of future teachers.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 09.12.08

УДК 371

Д. Вайгерт**СУПРУЖЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И ИХ РОЛЬ В ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ**

Исследуется различие в сфере общественных компетенций детей, чьи родители удовлетворены (или неудовлетворены) своими супружескими отношениями. Обязательным при проведении исследований было участие родителей, а также одного из их детей. Подлежали исследованию только те семьи, которые характеризовались полной структурой и у которых было не менее двух детей, в том числе одна дочь в возрасте 16–17 лет. В ходе исследований применили два метода. Была использована шкала успеха супружества (ШУС) и вопросник общественных компетенций (ВОК). Проведенные исследования позволяют констатировать разницу в уровне усвоенных общественных компетенций детей, чьи родители удовлетворены или неудовлетворены своим супружеством. Дочери родителей, довольных супружеством, получили в шкале интимности, общественной экспозиции и асертивности больше всего средних и высоких результатов, зато дочери родителей, неудовлетворенных супружеством, – больше низких и средних результатов. Одним из главных выводов стало то, что супруги, ощущающие в своей семье взаимность, будучи партнерами и друзьями, образуют такие отношения, которые основываются на любви, уважении и доверии. Исследование проведено на материалах собранных и обработанных в Польше.

Введение

Общественные отношения формируются в семье, которая, как первая группа привязанности, в высшей степени устанавливает качество настоящего и будущего отношения ребенка к другим людям, формирует концепцию «я» – личность, её потребности и психологический опыт [10]. Очень важно знать, как качество супружеских связей соединяется с другими семейными подсистемами, влияет на них, а также как от них зависит [3]. Радиус воздействия супружества, выходя за пределы подсистемы, созданной мужем и женой, имеет немаловажное значение для функционирования ребёнка. Можно предполагать, что иначе будут формироваться черты детей, воспитанных родителями, довольными ролью супругов, чем родителями, которые не довольны своими супружескими отношениями [5]. Матери и отцы могут при помощи своего отношения к ребёнку либо помогать ему развивать способности, либо мешать становиться общественно компетентной личностью [9]. Цель этой работы – исследование разницы на уровне усвоенных общественных компетенций в сфере интимности, общественной экспозиции и асертивности детей, чьи родители удовлетворены или неудовлетворены супружеством.

Процедура собственных исследований

В ходе исследований были использованы два исследовательских метода. Для выделения групп, а также характеристики взаимоотношений между родителями была использована шкала успеха супружества (ШУС) по версии, разработанной Марией Браун-Галковской [3]. Чтобы узнать пределы общественных способностей, усвоенных детьми этих родителей, был использован вопросник общественных компетенций (ВОК), разработанный Анной Матчак.

Научный руководитель – А. Скречко, доктор гуманитарных наук, профессор Белостокского университета (Республика Польша)

Шкала успеха супружества (ШУС)

Численный показатель успеха супружества, полученный в результате использования ШУС, выражается степени, в которой исследуемая личность считает свои отношения с супругом удачными. Шкала успеха супружества состоит из двух частей, в каждой из которых содержится 46 идентичных положений, указывающих на важные черты удачного супружества. Обе части различаются между собой только инструкцией. В первой из них содержится просьба, чтобы исследуемые отметили те положения, которые характерны их супружеским отношениям. Во второй исследуемые должны были обозначить положения, которые они считают наиболее важными для успешной супружеской жизни. Тогда возникает картина реальной супружеской жизни в субъективном ощущении исследуемой личности и идеальный образ семейных отношений. Численный показатель успеха супружества показывает, насколько приближена реальная картина супружеских отношений данной личности к идеальному образу, а также указывает, насколько данная личность считает удачными супружеские отношения [3].

Вопросник общественных компетенций (ВОК)

Вопросник общественных компетенций показывает такой подход к термину «общественные компетенции», в котором утверждается, что справиться с определёнными ситуациями личность может при условии обладания специальными способностями, а не только одной, общей способностью. Вопросник общественных компетенций содержит инфинитивные предложения, определяющие различные действия и задачи, в которых роль исследуемого – это оценка своей деятельности, т. е. оценка эффективности решения этих задач по четырёхуровневой шкале, в которой указаны пункты: очень хорошо, неплохо, скорее плохо, очень плохо, соответственно с 4 до 1 балла. Среди 90 позиций 60 – это диагностические позиции, большинство из которых составляет 3 раздела: шкала И – интимные ситуации, шкала ОЭ – ситуации общественной экспозиции и шкала А – ситуации, требующие ассертивности [8].

Критерии подбора и описание исследованных семей

Для исследования различий в сфере общественных компетенций детей, чьи родители довольны или недовольны своим супружеством, необходимо было участие родителей, а также одного из их детей. Приняты во внимание были только те семьи, которые характеризуются полной структурой и у которых не менее двух детей, в том числе одна дочь в возрасте 16–17 лет. Эти критерии продиктованы предположением, что круг общественных компетенций у девочек может быть другой, чем у мальчиков, что подтверждают исследования правильности вопросника общественных компетенций [8], а также у людей, которые воспитывались в структурально различных семьях, вместе с братьями и сёстрами или как единственные дочери и сыновья. Семьи для исследования были отобраны на основании результатов, полученных родителями в шкале успеха супружества. Подобно тому, как в исследованиях, произведённых А. Галковской [5], к группе людей, оценивающих супружеские отношения позитивно, были включены те пары, которые по шкале получили результат 60 и более баллов. А супругами, недовольными своими взаимоотношениями, были признаны те пары, у которых хотя бы один из супругов получил результат 39 или менее баллов. Такой низкий результат у одного из супругов, даже при очень высоком результате второго, квалифицировал пару как недовольную супружескими отношениями на основании предположения, что трудно считать семью счастливой, если хотя бы один человек из этой семьи недоволен [2]. А все получившие результаты от 40 до 59 баллов были включены в группу непосредственно довольную своими супружескими отношениями, и они не были приняты во внимание в ходе дальнейших исследований. Использование вышеуказанных критериев по-

зволило исследовать две группы, различающиеся степенью удовлетворения супружескими отношениями, но в то же время похожие друг на друга в соответствии с другими факторами.

Необходимо ввести следующие обозначения: супруги Д (довольные) и супруги НД (недовольные), жены Д и НД, дочери Д (дети родителей, довольных своими супружескими отношениями) и дочери НД. Результаты, полученные по шкале успеха супружества, были представлены следующим образом: средний показатель удовлетворения для супругов Д составил 87,40 для жен и 82,83 для мужей, зато для супругов НД – 34,96 для жен и 39,19 для мужей. Супруги НД получили в среднем менее половины значений по сравнению с супругами Д. Жены Д отличаются от жен из второй группы тем, что их чувство удовлетворения браком немного выше, чем их мужей. Однако в группе супругов НД мужья считают свой брак более удачным, чем их жены.

Способ проведения исследований. Сначала супруги работали со шкалой успеха супружества, для того чтобы на основании полученных результатов их можно было отнести к соответствующей группе. Затем дочь давала ответы по вопроснику общественных компетенций в самоописательной версии ККС–А (М). В том случае, если родители получили результат от 40 до 59 баллов, выполнение ими шкалы успеха супружества было последним этапом исследований данной семьи.

Результаты исследований

Использование шкалы (ШУС) позволило разделить исследуемые семьи на две группы. Результаты (ВОК) показывают, в какой степени исследуемые усвоили общественные компетенции в области интимных отношений, общественной экспозиции, а также в ситуациях, требующих ассертивности. Анализ результатов был произведён с помощью компьютерной программы SPSS 12.0 PL for Windows.

Сравнение средних результатов было проведено с помощью T–Student для независимых проверок. Анализ результатов, полученных в частной шкале ВОК, показал существенные различия в средних результатах исследованных групп.

Характеристика исследуемых детей, чьи родители довольны или недовольны своим браком

Для того чтобы охарактеризовать детей, чьи родители довольны или недовольны своим браком, эти дети должны были обозначить ответы по шкале интимности, общественной экспозиции и ассертивности вопросника общественных компетенций. Интересно, что исследуемые из обеих групп дали себе оценки выше средних.

Характеристика исследуемых групп дочерей Д и дочерей НД была сделана по итогам низких, средних и высоких общих результатов, а также по итогам результатов по шкале вопросника общественных компетенций.

Общественные компетенции дочерей, чьи родители довольны браком

В шкале интимности дочери Д решительно хорошо или удовлетворительно справились бы (по своей оценке) с ситуациями, требующими утешить кого-либо или получить поддержку. Они также хорошо оценивают свои возможности по вопросам трудных разговоров с близкими, касающимся взаимоотношений. Среди ситуаций, в которых исследуемые оценивали себя наиболее высоко, были такие, в которых необходимо было просить извинения у людей за причиненное им зло.

Дети родителей, довольных супружеством, на многие положения в шкале общественной экспозиции отвечали «очень хорошо» и «неплохо», считая, что хорошо справились бы в ситуациях, когда за нами наблюдает большое количество людей, т. е. если им нужно было бы выступить перед большой аудиторией, или быть хозяином большого

приёма, или рассказать интересную историю в обществе. Они справились бы также в присутствии знаменитых, почитаемых людей. Выше всего оценивают свои возможности в официальных ситуациях, таких, как выступление с речью, официальные поздравления и вручение цветов официальным лицам.

В пределах ассертивности дочери Д считают, что смогли бы защитить свою территорию, отказывая в приёме агитаторам или дистрибьюторам, а также запрещая внести изменения в свою жизнь без их согласия. Они могли бы сделать замечание мешающим соседям, указать на свою собственность. Они также хорошо справились бы в ситуациях, требующих контакта с большим или мало известным кругом людей.

Дочери Д получили в шкале ВОК, а также в пределах общего результата самое большое количество средних результатов и ни одна из них не получила низких результатов в шкале интимности и ассертивности. Ответы дочерей Д которые в данной ситуации справились бы «решительно хорошо» составляют в каждой шкале почти половину всех их ответов.

Общественные компетенции дочерей, чьи родители недовольны браком

К наиболее часто названным ситуациям, в которых дочери НД (по своей оценке) справились бы «решительно хорошо» или «неплохо», относятся те, в которых они оказывают кому-либо поддержку или сами получают её; договариваются с людьми, даже решают трудные вопросы, касающиеся взаимоотношений. Дочери НД в этом отношении похожи на детей, чьи родители довольны браком, хотя они реже употребляли ответы «решительно хорошо» для оценки своих возможностей, касающихся интимных отношений.

В ситуациях общественной экспозиции дочери НД высоко оценивают свои возможности в официальных встречах со знаменитыми людьми, необязательно знакомыми. Хорошо, хотя немного хуже, чем дочери Д, справились бы как хозяйева приёма, на котором не все гости были бы знакомыми. Среди наиболее высоко оцениваемых умений находятся верные ответы, касающиеся взаимоотношений с небольшим количеством людей.

В сфере ассертивного поведения проще всего было бы дочерям НД справиться в ситуации, когда им нужно было бы отказаться принять агитаторов и торговых агентов. Они хорошо справились бы в ситуации, когда им надо было бы отказаться дать денег в займы и попросить вернуть свои вещи. Дочери НД считают, что неплохо справились бы в ситуациях, когда им надо было бы войти в помещение, в котором находятся люди, им мало известные.

Дочери НД получили более $\frac{1}{4}$ низких результатов в шкале интимных отношений, более чем половину в шкале общественной экспозиции и почти половину в шкале ассертивности, не получая при этом ни одного самого высокого результата в сфере общего результата. Самые высокие ответы, данные дочерьми НД, составляют не более $\frac{1}{4}$ ответов в шкале интимных отношений. Данные, касающиеся общих результатов, показывают, что дочери НД в четыре раза чаще, чем дочери Д, давали ответ «решительно плохо».

Успешное супружество – основа семейной системы

Супружество – это союз мужчины и женщины, которые создают сообщество с мыслью о его продолжении и планируют реализацию обоюдного блага [2]. Контракт между супругами определяет права и обязанности, касающиеся взаимоотношений между ними и их детьми [2]. Эта работа представляет супружество и семью с точки зрения системной теории и опирается на утверждение, что качество взаимоотношений в каждой из семейных подсистем влияет на функционирование всех членов семьи [5]. Чрезвычайно важной для семьи является крепкая база, которую составляет супружество. Субъективное чувство сатисфакции и исполнения супружеской пары способствует раз-

виту членов семьи таким образом, что может противодействовать возникновению коалиций между поколениями, недосмотрам, а также неправильным отношением родителей к ребенку [10]. М. Браун-Галковска [2] употребляет термин удачного супружества в таком значении, где, кроме его постоянства, выступает субъективная, позитивная его оценка обоими супругами. На этом основании в своих работах она употребляет следующие термины, считая их равноценными: удачное, счастливое и удовлетворительное супружество.

Удовлетворение браком родителей как один из элементов формирования общественных компетенций ребенка

Общественная компетенция состоит из умений, которые позволяют быть инициативными и поддерживать отношения с другими [9]. Количество общественных умений может быть различным в зависимости от пола, возраста, социального положения, определенных черт личности, а также в зависимости от опыта благодаря которому эти умения формируются, например в семье, [1]. Получение и выработка общественных умений возможны, если ребёнок воспитывается в атмосфере, которая не мешает проявлению его инициативы и спонтанности [1].

Одними из самых важных компетенций, имеющих значение для качества общественного функционирования является откровенность и умение действовать в интимных отношениях. Некоторые называют интимностью близкие связи, например супружеские, другие употребляют этот термин для определения качества отношений или отождествляют с самовыражением [7]. Для формирования умений быть открытыми и ответственными в интимных отношениях требуется, чтобы у ребёнка была удовлетворена потребность в уважении в пределах семьи [10].

Важным элементом общественного функционирования является точность действий в ситуациях общественной экспозиции. Это довольно трудно, особенно для людей, которым характерна несмелость, иначе говоря, общественная боязнь. Несмелый человек может скрывать свои трудности, производя впечатление, что он уверен в себе, заносчив, даже агрессивен, однако обычно он боится негативной общественной оценки и тем самым воздерживается от действий или межличностных контактов [6]. Существует взаимосвязь боязни с различными факторами, такими, как копирование несмелости родителей, темперамент ребенка, воспитание.

Подобно тому, как были описаны выше общественные умения, так и уровень асертивности может зависеть от позитивной или негативной самооценки в «я» – концепции. Конструктивное, асертивное поведение может быть заблокированным, когда интерпретация ситуации связана со страхом [9]. Перечислим черты ребенка, который использует асертивность [10]. Это ребенок быстрый, уверенный в себе, открытый и дружелюбно настроенный по отношению к другим, при этом добросовестный и настойчивый; он способен оказать влияние на ровесников или руководить группой, благодаря чему умеет защищать свои права и проявлять инициативу [9, с. 172].

Подводя итог, можно перечислить несколько неблагоприятных для развития ребёнка семейных отношений, вызванных нарушением отношений между супругами. Результатом отсутствия связи между супругами может быть чрезмерная эмоциональная дистанция в отношении ребёнка или, наоборот, чрезмерная концентрация на нем своего внимания. Второй результат отсутствия связи родителей – недостаточное внимание к потребностям ребёнка и пренебрежение им. Возможно также, что родители высказывают ребёнку претензии к супругу, который не выполняет требований, или втягивают ребёнка в супружеские споры [10], что вызывает постоянную озлобленность [3]. Особенно негативным в процессе развития личности ребенка и его общественных умений, необходимых для формирования правильного отношения к обществу, может являться

неправильное отношение родителей к ребенку. Это случается, когда отцы и матери недовольны своим браком [4].

Заклучение

Проведенные исследования позволяют показать разницу в уровне усвоенных общественных компетенций между детьми, чьи родители довольны или недовольны браком. Дочери родителей, довольных браком, получили в шкале интимности, общественной экспозиции и асертивности больше средних и высоких результатов, а дочери, чьи родители недовольны браком, – больше низких и средних результатов. В пределах общих результатов, полученных в вопроснике общественных компетенций, дети из первой группы получили только средние и высокие результаты, а дети из второй группы – только низкие и средние результаты. Дети из обеих групп в похожих ситуациях высоко оценивают свои возможности, вместе с тем дети родителей НД гораздо чаще употребляют высочайшие отметки для описания своих действий.

Родители, довольные своими супружескими отношениями, считают, что в их браке присутствует взаимная любовь, верность, чувство безопасности и доверия. Эти супруги являются и родителями, и партнёрами, и друзьями, поддерживающими друг друга, заботящимися друг о друге. Мужья, неудовлетворенные браком, не чувствуют взаимной любви, они совместно не принимают решения, не чувствуют проявления снисходительности, им не помогают в трудный момент, супруги не дают им позитивной оценки. Жёнам, неудовлетворённым браком, не хватает самообладания, незлоупотребления алкоголем, удачного сексуального общения, схожих взглядов. Хотя уровень общественных компетенций в большей или меньшей степени обусловлен врожденными качествами, тем не менее, для их развития также имеет значение воспитание. В благоприятной обстановке, позволяющей проявить инициативу и спонтанность, родители могут помочь своим детям. Однако в том случае, если брак родителей является неудачным, если потребности мужа и жены, касающиеся их супружеских отношений, не удовлетворены, у них появляется непрерывная злоба, и она влияет на исполнение супругами общественных и семейных обязанностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Argyle, M. *Psychologia stosunków międzyludzkich* / M. Argyle. – Warszawa : PWN, 2001.
2. Braun-Gałkowska, M. *Miłość aktywna. Psychiczne uwarunkowania powodzenia w małżeństwie* / M. Braun-Gałkowska. – Warszawa : PAX, 1985.
3. Braun-Gałkowska, M. *Psychologiczna analiza systemów rodzinnych osób zadowolonych i niezadowolonych z małżeństwa* / M. Braun-Gałkowska. – Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 1992.
4. Dakowicz, A. *Postawy rodzicielskie małżonków zadowolonych i niezadowolonych ze swojego związku*. W: B. Lachowska, M. Grygielski (red.), *W świecie dziecka* / A. Dakowicz. – Lublin : Redakcja Wydawnictw KUL, 1999. – S. 73–87.
5. Gałkowska, A. *Percepcja powodzenia małżeństwa rodziców a społeczny obraz siebie ich dorosłych dzieci* / A. Gałkowska. – Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL., 1999.
6. Harwas-Napierała, B. *Nieśmiałość dorosłych. Geneza – diagnostyka – terapia* / B. Harwas-Napierała. – Poznań : Wydawnictwo Fundacji Humaniora, 1995.
7. Kosińska-Dec, K. *Intymność jako cecha relacji interpersonalnej*. W: A. Pohorecka (red.), *Rodzina w terapii* / K. Kosińska-Dec. – Warszawa : Instytut Psychiatrii i Neurologii, 1992. – S. 31–43.

8. Matczak, A. Kwestionariusz kompetencji społecznych KKS / A. Matczak. – Warszawa : Pracownia Testów Psychologicznych Polskiego Towarzystwa Psychologicznego, 2001.
9. Oleś, M. Asertywność u dzieci w okresie wczesnej adolescencji / M. Oleś. – Lublin : Towarzystwo Naukowe KUL, 1998.
10. Plopa, M. Psychologia rodziny: teoria i badania / M. Plopa. – Elbląg : Wydawnictwo Elbląskiej Uczelni Humanistyczno-Ekonomicznej, 2004.

Vaigert D. The matrimonial relations and their role in children upbringing

Spouses who experience mutual love in their relationship, being partners and friends for each other are able to secure safety for each other and for their children. Subsystem husband-wife is basic for the family and at the same time is essential to normal children's development. However, spouses who are not satisfied with their marriage and experience frustration usually have limited resources required for normal social development of their children. That's why, spouses should be provided with psychological support to realize their potentials as parents. Then we can be sure that the development of their children follows in the right direction. Another thing concerning development of social competences is spreading knowledge in the form of counseling, psychological support and even therapy especially among members of the family who suffer from fears and inhibitions which restricted their normal existence in the society. Necessity of supporting development of social competences is confirmed in researches, where relationship between social competences (KKS) and position pupils in the class is positive.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.02.09

УДК 37.01

И.Н. Воронович

ГУМАНИТАРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ЕГО РОЛЬ В САМОАКТУАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ

В статье акцентируется внимание на необходимости и важности гуманитарного образования, основывающегося на методологических принципах гуманистического и антропологического направления. Рассматриваются и предлагаются возможные пути преодоления (развитие и саморазвитие, самореализация и самоактуализация гуманистического потенциала личности) проблем образования в техногенном обществе.

Выделяются тенденции развития современного гуманитарного образования в условиях усиленных технологических факторов образовательной деятельности. С одной стороны, подчеркивается ведущая роль образования как основного компонента культурного, социального, экономического, экологического развития человека в процессе культуругенеза техногенного мира. С другой – кризисность ценностей личности современного общества, выходом из которой видится актуализация внутреннего мира индивида через нравственность и духовность. Вопросы образования, таким образом, не являются сугубо педагогическими, а охватывают различные предметные области наук – философию, культурологию, социологию, психологию и другие.

Введение

Образование занимало и продолжает занимать ведущую позицию в формировании и развитии личности, трансляции и сохранении социально-культурного опыта. Постнеклассическая парадигма в науке и цивилизации диктует новую модель образования. Это в свою очередь требует «создания» личности нового типа, обладающей следующими характеристиками: мобильностью, гибкостью мышления, коммуникабельностью, устойчивостью к стрессам, креативностью, а также стремящейся к самореализации и самоактуализации (А. Маслоу [1], К. Роджерс [2], Р. Мэй [3], В. Франкл [4], и др.). Однако в условиях наращивания потребительского инстинкта массовой культуры различные качества трансформируются в негативное поле желаний. Поэтому действительно важным оказывается обязательность гуманитарной составляющей системы образования современного мира.

В данной статье феномен образования рассматривается в философско-культурологическом ракурсе, что делает незаменимым отсылку к философско-антропологическим идеям Н.А. Бердяева [5], С.Н. Булгакова [6], И.А. Ильина [7] и др. Образование рассматривается как процесс, неотъемлемый от инкультурации и социализации личности, их факторов и способов. Образование не сводимо к технологии научения знаниям, умениям, навыкам, а рассматривается в аспекте историко-культурной актуальности образа личности, которая бы соответствовала велениям времени и в тоже время обладала некой духовной универсальностью. Теоретико-методологическое осмысление роли образования в формировании самоактуализации личности основывается в данной работе на принципах и подходах, выраженных в работах: В.С. Библера [8], М.М. Бахтина [9], А.Ф. Лосева [10], М.К. Мамардашвили [11], В.М. Межуева [12], В.Ф. Мартынова [13] и др.

Научный руководитель – В.Ф. Мартынов, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств

Гуманитарное образование рассматривается как важнейшая предпосылка духовной безопасности человека и общества. Основу теории данной статьи составляет гуманистический подход и концепция гуманитарного образования (А. Запесоцкий [14], А.И. Новиков [15]), предполагающая теоретическое осмысление сущности и функций гуманитарной культуры, ее образовательные ресурсы, проблемы и перспективы реформирования гуманитарного образования.

Социально-исторические и этнокультурные предпосылки гуманитарного образования XX века

Период второй половины XX века вошел в историю как феномен динамичного поиска новых путей развития цивилизации, трагизма научных открытий и неиссякаемого оптимизма. Время, обозначившее окончание двух жесточайших мировых войн, ускорило исторический процесс благодаря открытиям в области инженерии, медицины, физики и др. Стремление человечества к справедливому общественному устройству вылилось в различного рода революции, в радикальное преобразование природной среды, привело еще к более интенсивному научному поиску. Формирование глобального информационного пространства открыло возможности для постоянного самообразования.

Социально-культурные, историко-политические сдвиги на рубеже XX–XXI столетия продемонстрировали важность и роль национально-культурных основ формирования, развития личности. Яркие выраженные тенденции национального самоопределения и самоидентификации привели к пониманию роли этнокультурных факторов к формированию или возрождению государств и наций. Сегодня актуализируются «проблемы гуманитарного измерения социального устройства, власти и правления, защиты человека и общества от жестких технологий властвования, формирования возможностей самореализации личности и неэлитных групп в социально-политических процессах. Культурные ориентиры человека должны стать ядром современной парадигмы социальной динамики, основанной на плюралистическом понимании окружающего мира и социальных изменений, осуществляемых элитными и неэлитными группами» [16].

Необходимость гуманитарного образования выявляет одну из ведущих тенденций, направленную на решение основных противоречий между развивающейся постсовременной культурой и традиционным способом образования человека, формирует основы техногенного общества и может рассматриваться как синтез наиболее актуальных форм образования. Система современного гуманитарного образования должна включать философско-гуманитарное, научно-педагогическое, культурологическое, экономическое и технологическое направления. Актуальность гуманитарного образования связана с изменившимися представлениями о современной научной картине мира и способах познания, направленных на изучение самоорганизующихся и саморазвивающихся систем. А. Запесоцкий отмечает, что «гуманитарное образование – «основа основ» духовной жизни человека, оно определяет суть любого таланта в любой сфере профессиональной деятельности» [14, с. 303].

Представление о феномене современного образования базируется на основе единства классических педагогических теорий, психологии и интегративных системах знания – философско-антропологическом и культурологическом. В свою очередь последние формируют идеал человека, представляющий собой единство духовного, социального и физического. В процессе образования субъект является формирующейся личностью, а в каком направлении он получает свое развитие, зависит от общественных идеалов, которые требуют от образования наличия условий личностного становления, саморазвития.

Антропологическая модель образования, оформившаяся в русской религиозно-философской традиции, включает в себя единство рационального и морального. Рус-

ские философы акцентируют внимание на духовном и «нерассудочном» восприятии мира. Например, С. Булгаков, Н. Бердяев, С. Франк на первый план выводили понятие веры как основного компонента личности, занимающейся любой деятельностью (физической либо умственной). Вера пронизывает все сферы духовной деятельности, составляет основу нравственности и смысл человеческой жизни. В случае лишения человека веры происходят катастрофические процессы в его сознании, да и в жизни в целом. Таким образом, антропологический принцип является необходимым условием развития человека как личности и индивидуальности, а также подразумевает процессы социализации и индивидуализации.

Следует отметить, что образование зависит от системы научного знания конкретной цивилизации и культуры, определяемой доминирующим методом познания, который репрезентируется в виде определенной философской системы и модели мира. В таком случае образование выступает как способ воспроизводства и развития существующего мировоззрения. Поэтому личность в той или иной степени является плодом той или иной культуры и ее доминирующим мировоззрением. Становление и развитие личности в педагогическом аспекте – это многоэтапный процесс включения человека в социум и культуру, в котором главная роль отводится инкультурации. Возможно, важным компонентом процесса инкультурации является гуманитарное образование, влияющее на процветание экономики страны, а прежде всего на духовную безопасность и комфортность человека.

Особенности современной образовательной парадигмы

В процессе развития техногенного общества происходит интенсивное становление новой образовательной парадигмы, идущей на смену классической. В основе новой образовательной парадигмы находится изменение фундаментальных представлений о человеке и его развитии через образование. В 1998 году в Париже была принята Всемирная декларация о высшем образовании XXI века, в которой подчеркивалась важность и необходимость его радикального преобразования и обновления. Заместитель Министра образования Российской Федерации А.М. Кондаков на Всемирной конференции о высшем образовании для XXI века (октябрь 1999 г.) отмечал: «...Прежние подходы к образованию, основанные на простой передаче знаний, не работают в нашем быстро изменяющемся мире. Только всевозрастное непрерывное образование, проходящее через все его ступени, совмещающее знания и умения, поощряющее междисциплинарность, воспитывающее социальную толерантность, увеличивающее доступность и широко использующее новые телекоммуникационные средства и дистанционные методы, ... способно адаптировать человека к современному миру» [17].

Новая образовательная система невозможна без включения в нее гуманистического способа конструирования техногенного общества, который основывается на устойчивом и безопасном развитии и сменяет кризисный, неустойчивый тип в развитии. Образовательная цель включает в себя не только и не столько профессиональную подготовку в области конкретного знания, но концентрируется на обеспечении условий для самоопределения, самореализации и самоактуализации личности. Подобная парадигма определяет отношение к человеку как сложной структуре и знанию, ориентированному на будущее, а не на прошлое. Новая образовательная модель отрицает понимание человека как объекта педагогических воздействий.

Таким образом, реализация творческого потенциала личности в любой сфере деятельности возможна только при постоянном росте, предусматривающем непрерывный процесс самообразования, образования. В таком случае люди, умеющие самостоятельно работать с постоянно возрастающим потоком информации, могут рассчитывать на успех реализации своих врожденных задатков и способностей. Новое понимание це-

лей и задач образования, основанное на гуманистическом подходе, снимает рассмотрение образования как технологию передачи готового знания.

Гуманистический подход в системе нового образования выводит на первые позиции создание условий для развития творческой индивидуальности, приближает образование к глубинным запросам личности, ее психологическим и нравственным установкам. Гуманизация образования, а именно введение в курс обучения гуманитарных наук, помогает личности адаптироваться в социокультурном пространстве. Гуманитарные установки помогают формировать основы целостного и масштабного мировоззрения, инновационное мышление нацеливает на процесс самоактуализации, самореализации и самоопределения, а также формирует мировоззренческие, общекультурные, духовные и интеллектуальные характеристики развития личности. Следует также отметить, что социальная система техногенного общества требует как компетентного специалиста, так и человека, умеющего самостоятельно решать профессиональные проблемы, а также способного к непрерывному образованию в процессе своей деятельности.

Следующим важным моментом является интеграция гуманитарного и естественнонаучного образования, гармонизация вербального и невербального способов восприятия духовных ценностей, эмоционального и рационального отношения к культуре. Потребность в гармонизации человеческого бытия, формирование целостного образа жизни в ситуации неопределенного, быстро меняющегося мира, воспитании культуры чувства свидетельствуют о потребности человека в эстетизации мира повседневности. Отсюда становится понятным, что эстетическое воспитание и образование занимает одно из ведущих положений в структуре гуманитарного образования. Эстетическое начало в человеке закладывает толерантное отношение к «Другому», синтезирует индивидуальное и универсальное, общее и особенное, что позволяет включаться и быть частью современной культуры и техногенного мира.

Таким образом, гуманитаризация образования включает в себя два основных направления: профессиональную подготовку в области гуманитарных наук (культурологи, философы, социологи, филологи, историки, экономисты, психологи, искусствоведы и др.); включение гуманитарных наук в процесс обучения техническим и другим негуманитарным направлениям. Так, ряд представителей точных и естественных наук (К. Циолковский, В. Вернадский, Н. Вавилов, А. Ухтомский, А. Туполев и др.) отмечали важность гуманитарной науки для расширения кругозора, формирования морально-этического сознания, духовных свойств и качеств личности, возвращения духовности.

Угрозой сужения гуманитарной составляющей образования может стать ограничение человеческого потенциала, невозможность раскрытия многогранной человеческой экзистенции. Новая образовательная парадигма направлена на формирование специалиста в единстве личностных и профессиональных качеств. В этой связи реформа образования в Республике Беларусь неотъемлема от кардинального изменения в подходах воспитания и обучения, целью которых является формирование, развитие личности с четкими гуманистическими принципами и ценностями.

Условием успешной реализации формирующейся образовательной парадигмы является создание устойчивого мотивационного ядра, установки на постоянное совершенствование личности ее этических, эстетических, физических, гражданско-патриотических качеств. В подобном случае творение самого себя становится внутренней человеческой потребностью. Творческая, креативная, всесторонняя самореализация есть условие самоактуализации личности. Самоактуализация делает акцент на человеке как целостной фигуре, для которой достижение высших целей Я-концепции тесно связано с образованием и самообразованием. Именно поэтому образование, самоактуализация, творчество, активная жизненная позиция и свобода представляют единую цепь в системе формирования, развития личности.

Выводы

1. Развитие гуманитарного образования как ведущего социального института, целью которого является всестороннее развитие личности и вовлечение человека в мировую и национальную культуру, предполагает появление новой образовательной парадигмы, которая предусматривает преподавание базовых гуманитарных дисциплин (философию, культурологию, эстетику, этику, религиоведение, социологию и другие). Гуманитарное образование способно обеспечить духовную преемственность в обществе, стать условием успешного развития человека. А также оно является фактором развития интеллектуального потенциала социума, выступает как необходимое условие осуществления человеком своих гражданских, политических, экономических и культурных прав. Образование, ориентированное на максимальную передачу знаний и избегающее духовно-нравственного воспитания, неизбежно приведет к кризису социально-культурной и личностной самоидентичности. Гуманитарное образование представляет ресурс возрождения и развития духовной культуры Беларуси.

2. Философско-антропологический, культурологический подходы существенно дополняют концепции педагогики и психологии, актуализируя процесс формирования личности в единстве ее физических и духовных основ. Индивид рассматривается как субъект культуры, формирующийся в аспекте исторически обусловленной ценностной парадигмы. Процесс воспроизводства знаний, умений, навыков заменяется моделью креативного их продуцирования и переосмысления, рождения нового знания.

3. Новое понимание человека как саморазвивающегося, самоактуализирующегося индивида требует ликвидации утилитарного, прагматического подхода к обучению и воспитанию. Парадигма современного образования направлена на актуализацию личности как целостной системы, полагающей синтез ее нравственных, эстетических, физических и иных качеств и сторон. Цель современного обучения и воспитания кристаллизация и развитие устойчивой мотивации и потребности на самоактуализацию. Такой подход открывает возможность для рассмотрения человека как субъекта вечного обновления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. 3-е изд. – СПб. : Питер, 2003. – 352 с.
2. Роджерс, К. Взгляд на психотерапию: становление человека / К. Роджерс. – М. : Прогресс : Универс, 1994. – 480 с.
3. Мэй, Р. Любовь и воля / Р. Мэй. – М. : Релф-бук; Киев : Ваклер, 1997. – 384 с.
4. Франкл, В. Воля к смыслу / В. Франкл; пер с англ. – М. : Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. – 368 с.
5. Бердяев, Н.А. Новое религиозное и общественность / Н.А. Бердяев ; сост. и коммент. В.В. Сапова. – М. : Канон+, 1999. – 464 с.
6. Булгаков, С.Н. Труды по социологии и теологии : в 2-х т. / С.Н. Булгаков ; Ин-т социологии РАН. – М. : Наука, 1997. – Т.2 : Статьи и работы разных лет. 1902 по 1942 – 826 с.
7. Ильин, И.А. О сопротивлении злу силой / И.А. Ильин. – М. : Даръ, 2006. – 480 с.
8. Библер, В.С. От наукоучения – к логике культуры : Два философских введения в двадцать первый век / В.С. Библер. – М. : Политиздат, 1991. – 413 с.
9. Бахтин, М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 424 с.
10. Лосев, А.Ф. Из ранних произведений / А.Ф. Лосев. – М. : Правда, 1990. – 655 с.

11. Мамардашвили, М.К. Необходимость себя / М.К. Мамардашвили. – М. : Лабиринт, 1996. – 432 с.
12. Межуев, В.М. Идея культуры / В.М. Межуев. – М. : Прогресс-Традиция, 2005. – 544 с.
13. Мартынов, В.Ф. Общечеловеческие ценности по выбору? / В.Ф. Мартынов // *Беларуская думка*. – 2008. – № 2. – С. 52–53.
14. Запесоцкий, А. Образование: Философия, культурология, политика / А. Запесоцкий. – М. : Наука, 2003. – 456 с.
15. Новиков, А.И. Русская философия и духовный мир человека постиндустриального общества // *День науки в Санктпетербургском Гуманитарном университете профсоюзов : Материалы конф. / А.И. Новиков*. – СПб., 1996. – С. 145–148.
16. Плосконосова, В.П. Роль правящей элиты в реконструкции социальной реальности / В.П. Плосконосова // *Философские науки*. – 2005. – № 12. – С. 54.
17. Всемирная декларация о высшем образовании для XXI века: подходы и практические меры // Публикуется по изданию: *Высшее образование в XXI веке: подходы и практические меры / СГУ [Электронный ресурс]*. – 1999. – Режим доступа : http://www.e-joe.ru/sod/99/4_99/st180.html. – Дата доступа : 20.03.2008.

Voronovich I.N. Humanitarian education and its role in the self-actualization of a personality

The article places an emphasis on the necessity and importance of humanitarian education, based on methodological principles of the humanistic and antropologic directions. The possible ways of overcoming educational problems in the techogenetic society (e.g. development and self-development, self-realisation and self-actualisation of humanistic individual potential) are considered and proposed.

The author points out the development trends in modern humanitarian education, considering intense technological factors of the educational process. On the one hand, the leading role of education is being emphasized, as the main component of cultural, social, economic, ecological human development in the modern world. On the other hand – the crisis of individual values in the modern society, which can be overcome with the help of individual self-actualization and moral values. So, the educational issues are not merely pedagogical, but embrace various sciences like philosophy, culturology, sociology, psychology etc.

A new conception in which a person becomes a self-developing and self-actualizing individual, requires liquidation of utilitarian, pragmatic approach to the education. The paradigm of the modern education is directed towards actualization of a person as an integral system, which means the synthesis of its physical, moral, aesthetic and other qualities. The aim of modern education is crystallisation and development of the strong motivation and need for self-actualization. This approach gives an opportunity to view a person as a subject of eternal renovation.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 24.09.08

УДК 008

А.Э. Саликов

СПОСОБЫ ИДЕНТИФИКАЦИЙ В КУЛЬТУРЕ

Статья посвящена теоретическому анализу характерных особенностей процессов идентификаций в культуре. Предпринята попытка комплексного разбора этого явления, лежащего в основе таких ключевых понятий культурологи, как национально-культурная идентичность и самобытность национальной культуры. Выясняется сущность понятия «идентификация», анализируются механизмы идентификации, выявляются факторы, влияющие на её динамику, описываются результаты этих процессов. В статье подчёркивается, что в культуре, как динамической структуре, непрерывно протекают идентификационные процессы. Автор рассматривает их на уровне субъекта культуры и культурного типа как целостности. Процессы идентификации в культуре типологизируются по признаку пространственных границ культуры. В заключение рассматриваются основные идентификационные модели.

Введение

В культуре постоянно протекают процессы идентификаций. Их характер и скорость делают культуру динамичной системой, изменяя равновесие в пользу тех или иных идентичностей. Результатом процессов идентификаций является индивидуальная и групповая идентичность субъектов культуры и национальнокультурного типа как целого. Культура находится в состоянии пограничности по отношению к внешнему социо-культурному пространству. Как писал Д.С. Лихачёв, «на границах культур воспитывается их самосознание. Если граница сохраняется как зона общения, она обычно и зона творчества, зона формирования культур. Если граница – зона разобщения, она консервирует культуру, омертвляет её, придает ей жесткие и упрощенные формы» [4, с. 104]. Культура также состоит из множества субкультур, которые в свою очередь, граничат и взаимодействуют друг с другом. Это создает условия для её дальнейшего развития.

Постановка проблемы

«Пограничность» культуры стимулирует процессы идентификаций. Предпосылкой к их ускорению и, как следствие, быстрой смене идентичностей, становится стремительное развертывание глобальных процессов на планете и вовлечение большинства культур в процесс глобализации. Это является следствием того, что культурные границы стали намного подвижней и динамичней. «Культура формируются в комплексном диалоге и взаимодействии с другими культурами, а разделительные линии между культурами подвижны, проницаемы и могут быть оспорены» [2, с. 200]. Формируются новые культурные регионы, появляются мифы, обновляются и меняются стереотипы культуры. Формирование мультикультурных типов в современном мире способствует возникновению новых моделей идентификаций и разнообразных вариантов идентичностей. Под идентичностью понимается психологическое представление человека о своем Я, характеризующееся субъективным чувством своей индивидуальной самотождественности и целостности; отождествление человеком самого себя (частично осознаваемое, частично неосознаваемое) с теми или иными типологическими категориями (социальным статусом, полом, возрастом, ролью, образцом, нормой, группой, культурой и т. п.) [5, с. 238–239]. Проблема идентичности достаточно подробно освещена в отечественной и зарубежной научной литературе. Вместе с тем особенности процессов

Научный руководитель – В.В. Позняков, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры молодежной политики Республиканского института высшей школы

идентификаций в культуре часто выпадают из поля зрения исследователей. Как подчеркивает З. Бауман, «вместо разговора об идентичностях, унаследованных или обретенных, более уместным и соответствующим реальностям глобализирующегося мира выглядело бы исследование идентификации, никогда не заканчивающейся, всегда незавершенной, неоконченной, открытой в будущую деятельность, в которую все мы по необходимости либо сознательно вовлечены» [1, с. 192]. Это актуализирует вопросы, связанные с выяснением особенностей процессов идентификаций в культуре, которые в числе прочих формируют социокультурное изменение.

Проблемное поле темы, связанной с выявлением механизмов идентификации в различных социокультурных условиях, особенностей и закономерностей этого процесса в культуре, включает в себя ряд ключевых вопросов. Таковые могут быть обобщенно сформулированы следующим образом: а) что является импульсом, побудительной силой процесса идентификации на уровне субъектов культуры? б) какие факторы влияют на динамику идентификаций в культуре? в) на каком этапе идентификации оформляются в идентичности? г) как локальные, групповые и индивидуальные идентификации взаимодействуют в среде различных субкультур? г) какое влияние оказывает семиотическое пространство данного социокультурного типа на процессы идентификации?

Идентификации протекают в разных сферах жизнедеятельности социума, формируя те или иные идентичности. Например, они могут быть частью формирования *национальной идентичности* как индивидуальной, групповой или этнической принадлежности к определенной стране. Национальная идентичность может включать все те общности, которыми наделяется народ при характеристике его национальной культуры, национального менталитета, традиций и т. п. [6, с. 16]. Эффективными методами регулирования процессов идентификаций на этом уровне может выступать система патриотического воспитания и идеологическая работа.

В *социальной* сфере идентификация переходит в плоскость соотнесения индивида с общностью, социальной группой, семьей и т. д. Это выражается в определении принадлежности индивида к той или иной социальной группе. Согласно исследованиям В.А. Ядова, социально-идентификационные процессы лежат в основе формирования более или менее устойчивых социальных интересов и являются механизмами формирования гражданского общества [7, с. 161].

В *сфере культуры* идентификация связана с позиционированием субъекта в мультикультурном, перенасыщенном разнообразными культурными артефактами пространстве.

Процесс идентификации в культуре

Идентификации в культуре следует рассматривать в двух плоскостях или уровнях:

а) *в области индивидуального или группового субъекта культуры*. Здесь мы исходим из того, что субъект культуры постоянно самоидентифицируется в рамках социокультурного типа. Поэтому внимание исследователя будет сфокусировано на идентификации индивида в данном социокультурном пространстве. Процесс идентификации на этом уровне может иметь свое выражение во внешних, семиотических формах (стиль одежды, дизайн жилища и интерьера, манера поведения и общения и т. д.); психологических структурах (образ мышления). Это наполняет понятие идентификации конкретным эмпирическим содержанием;

б) *на уровне национально-культурного типа как целостности*. Национально-культурный тип идентифицирует себя во внешнем социокультурном пространстве. В данном контексте идентификация может быть представлена как формирование границ данного культурного типа. По своей сути этот процесс представляет собой дейст-

вие, в результате которого устанавливаются качественные границы между различными типами культуры. Следовательно, мы можем классифицировать идентификацию по типобразующему признаку пространственных границ. Это позволяет выделить три вида идентификационных процессов: 1) процессы, воспроизводящие заданную культурную идентичность. Они характерны для локализованных культур традиционного типа, которые на протяжении длительного времени практически в неизменном виде воспроизводят аутентичные формы (традиции, обычаи, обряды, ритуалы и т. д.); 2) процессы, выходящие за границы культурных типов, но не оказывающих на семантическое ядро культуры сильного влияния; 3) процессы, оказывающие сильное влияние на самобытные тексты типа культуры, что приводит к изменениям в предметной, семиотической, аксиологической и трансляционной сферах типа культуры.

Идентификация субъекта культуры

Процессы идентификаций на уровне субъектов культуры представляют собой отождествление с тем или иным типом культуры на институциональном уровне. Первоначально в рамках института семьи и образования. В дальнейшем на индивидуальном уровне доминирующее значение могут оказывать институт средств массовой коммуникации социально или правовые институты. Здесь идентификация может рассматриваться, как процесс отождествления с теми или иными образцами и нормами культуры.

Культура потенциально заключает в себе ряд механизмов идентификаций, а субъект культуры получает спектр возможных путей и способов идентифицировать себя. Субъекты культуры и их идентификации могут быть адекватно поняты в динамике их индивидуальных идентичностей. Индивидуальная идентичность, в свою очередь, может быть представлена как процесс идентификации субъекта культуры в социокультурном пространстве. Динамика идентификации непосредственно зависит от степени личностного восприятия субъектом культуры тех или иных процессов культуры и готовности принять те или иные образцы культуры. Строго говоря, быть вовлеченным в те или иные процессы культуры означает идентифицироваться в них. В этом контексте идентификация связана с постоянным пересмотром взглядов на культуру и своего места в ней субъектов-носителей.

Важным параметром процессов идентификации субъекта культуры в социокультурном пространстве можно считать их устойчивость. Она может выражаться в той или иной степени погружения субъекта в социокультурную среду. В этих условиях возникает позиционирование субъекта в культурном пространстве. Субъект живет в мире материальной и духовной культуры. Поэтому идентификации осуществляются при помощи её артефактов (одежда, стиль, мода, интерьер жилых помещений). Степень актуальности тех или иных образцов материальной и духовной культуры тесно связана с особенностями производства, воспроизводства и потребления в культуре. Поэтому важное значение имеет творческий потенциал культуры, её мобильность и открытость, а также способность вести взаимообогащающий диалог. В этой ситуации решающее значение приобретает механизм саморегуляции культуры. Представляя собой важную систему, он выполняет одну из важных функций: через систему морально-этических императивов сдерживает либо нейтрализует разрушительный потенциал негативных проявлений в культуре (криминальных, маргинальных, нигилистических и др.).

Пространство культуры диверсифицировано. Следовательно, содержание идентификации определяется степенью усвоения её семиотических систем (языков культуры). Субъекты находятся в постоянном взаимодействии с семиотико-символическими текстами культуры. Их динамическое взаимодействие в этом контексте является центральным. Культурные тексты, имея в своих основаниях семантические различия, находятся в постоянном, часто противоречивом и даже конфликтном взаимодействии. Ре-

зультатом усвоения этих текстов, в процессе идентификации является принятие тех или иных форм идентичности. Тексты культуры (иконические, символические) являются структурами, в которых зафиксирована идентичность. Они могут быть представлены как питательная среда для конструирования идентичности культуры, поскольку могут быть по-разному интерпретированы.

Идентификационные процессы в сфере культуры имеют ситуативный характер. Субъект культуры вынужден пребывать в разных социокультурных ситуациях, которые требуют того или иного способа идентификации. Погруженный в конкретное социокультурное пространство он действует в соответствии с теми требованиями, которые оно предъявляет. Соответственно процессы идентификаций находятся в прямой зависимости от динамики культуры в отдельно взятом социокультурном типе. Здесь важно отметить, что потенциально имеется возможность моделировать, конструировать, оказывать воздействие на эти процессы. Те или иные способы идентификации можно рекламировать и даже манипулировать ими. Вследствие этого конечный результат идентификации – идентичность культуры, часто формируется принудительно.

Сфера культуры в контексте нашего анализа может быть стратифицирована на субъекта идентификации (общность, социальная группа, индивид) и культурное пространство идентификации. Пространство культурного типа подразделено на множество разнообразных субпространств цивилизационного, национально-самобытного, узко-профессионального, даже деструктивного плана. Сложность заключается в том, что субъект культуры идентифицируется как носитель культуры в разных культурных пространствах. Как подчеркивают специалисты ООН, в современном взаимозависимом мире, для которого характерно многообразие, идентичность людей становится множественной и взаимодополняемой. Субъекты культуры чувствуют себя частью не только местной общины и своей страны, но и всего человечества [3, с. 106–107].

Пространства культуры могут по-разному влиять на скорость и степень тех или иных идентификационных процессов. Решающую роль здесь играют *факторы*, непосредственно влияющие на процесс *идентификации*. Это наличие образцов культуры, признанных в качестве эталонных, репрезентативных, модных, обязательных для усвоения. Необходимость освоения таких образцов является важным стимулом процессов идентификации в культуре.

Результатом процессов идентификации могут стать: а) постоянное воспроизводство устоявшихся форм идентичности; б) прежняя идентичность может быть дополнена новыми чертами и качествами; в) ослабление прежней индивидуальной идентичности субъекта, это, в свою очередь, может вызвать сопротивление или отказ от определенных способов идентификации; г) приспособление и последующее полное или частичное усвоение новых форм идентичностей. Это может быть и полная смена идентичности на диаметрально противоположную. В этом случае процессы идентификации могут иметь разрушительные последствия для субъектов культуры. В результате частичного или полного отказа от прежних форм идентичности в пользу новых моделей прежние формы идентичности могут быть полностью нейтрализованы. Например, к полной смене идентичности у подростков может привести зависимость от компьютерных игр; д) в процессе идентификации новые способы идентичности могут быть отвергнуты, а предшествующие укрепиться в сознании индивида.

Завершающим этапом идентификации является преодоление пограничного состояния культуры. Процесс оформляется как устойчивое качество – идентичность. Она выражается в таком состоянии, когда субъект-носитель культурного типа окончательно идентифицирует или позиционирует себя в социокультурном пространстве.

Заключение

Сформулируем основные выводы проведённого анализа.

1.) Идентификации развиваются как специфический способ самоопределения в диверсифицированном мире культуры. Динамика идентификаций связана с появлением и исчезновением способов позиционирования в культуре. Способы идентификаций пересекаются друг с другом и могут объединяться или доминировать в различных социокультурных контекстах.

2.) В сравнении с идентичностью, которая имеет определённые рамки и объективно может быть зафиксирована и описана, процесс идентификации имеет субъективный характер. Начинаясь с индивидуально личного уровня как процесс поиска самого себя в диверсифицированном мире культуры, идентификация выводит субъект на уровень определенных обобщений, принимая устойчивые черты культурной идентичности.

3.) Скорость, формы и способы идентификаций в культуре находятся в прямой зависимости от особенностей динамики социокультурного пространства и качественных изменений в подсистемах культуры. Именно проблемный характер культуротворческого процесса является стимулом для процессов идентификации. Важную роль играет степень включённости субъекта культуры в данное социокультурное пространство.

4.) Идентификация национально-культурного типа находится в обратной зависимости от особенностей идентификационных процессов субъектов данной культуры. Например, если большинство индивидов и социальных групп культурного типа идентифицирует себя с образцами или текстами народной культуры и фольклора, то национальнокультурный тип идентифицируется во внешнем социокультурном пространстве как традиционный тип культуры. Если субъекты культуры идентифицируются в рамках цивилизационной, технократической модели культуры, то такой тип культуры идентифицируется в культурном пространстве как инновационный.

Таким образом, идеальная модель идентификации культуры включает в себе ряд условий. По отношению к индивидуальному или групповому субъекту-носителю культуры важнейшим требованием является опора на национально-культурные основания аутентичной культуры. По отношению к национально-культурному типу процесс идентификации должен способствовать укреплению самобытного семиотико-семантического ядра культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бауман, З. Индивидуализированное общество / З. Бауман. – М. : Логос, 2002. – 324 с.
2. Бенхабиб, С. Притязания культуры: Равенство и разнообразие и глобальную эру / С. Бенхабиб ; пер. с англ. ; под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Логос, 2003. – 289 с.
3. Доклад о развитии человека 2004. Культурная свобода в современном многообразном мире /авт. и дир. С. Фукуда-Парр. – М. : Весь мир, 2004. – 328 с.
4. Лихачев, Д.С. Очерки по философии художественного творчества / Д.С. Лихачев. – СПб. : Русско-Балтийский информационный центр БЛИЦ, 1999. – 191 с.
5. Николаев, В.Г. Идентичность / В.Г. Николаев // Культурология. XX век : энцикл. в 2 т. – СПб. : ООО «Алетейя», 1998. – Т. 1. – С. 238–239.
6. Титаренко, Л.Г. Национальная идентичность и социокультурные ценности населения в современном белорусском обществе / Л.Г. Титаренко. – Минск : РИВШ, 2006. – 145 с.
7. Ядов, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В.А. Ядов // Мир России. – 1995. – № 3–4. – С. 158–181.

Salikau A. E. Ways of identifications in culture

The article is devoted to the analysis of typical peculiarities of the process of identification in culture. The attempt to fully analyze this phenomenon, lying at the foundation of such key notions of cultural study as national-cultural identification and singularity of national culture is made. The essence of the notion identification is considered, the mechanism of identification are analyzed, the factors influencing its dynamics are revealed and the results of this process are described. The process of identification in culture are typologized according to special borders of culture main identification models are considered at the of the article.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 14.12.07

УДК 331.108

С.В. Решетников, Т.С. Решетникова

ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Методология анализа политических процессов имеет глубокие корни в области политической науки. Чтобы понять этот подход, часто называемый исследованием процесса публичной политики, мы обращаем внимание на процесс публичной политики с точки зрения того, почему этот процесс рассматривается именно как политический. В наиболее общем виде эта исследовательская концепция публичной политики и политического процесса состоит из пяти главных стадий. Чтобы проанализировать политический процесс, необходимо рассмотреть пять последовательных стадий: формирование проблем, выход проблем на политическую повестку, принятие политических решений, реализация политики и политическая оценка. В целом рассмотрение этих стадий дает представление о том, как политические проблемы возникают и какие политические действия нужно предпринять, что бы эти проблемы нашли свое решение.

Введение

В статье выявляются доминирующие теоретические модели принятия политических решений, проанализированы источники формирования и средства формулирования политических проблем, определены структуры принятия политических решений и динамика взаимодействия этих структур, охарактеризованы пути реализации политических решений административными службами, сформулированы критерии оценки политических решений.

Актуальность

Республика Беларусь вступила в период глубоких общественных преобразований. В условиях перемен всегда существует элемент непредвиденности. Прежний опыт не всегда обеспечивает реально-практическую и интеллектуальную подготовку к изменившимся условиям. В связи с этим возрастает потребность в научных исследованиях, объясняющих теоретические аспекты функционирования демократической государственной системы.

В последние годы в Беларуси происходит усиление роли правительства в управлении такими важными сферами жизни, как здравоохранение, образование, инновационная, инвестиционная, научная. Это, в свою очередь, ведет к повышению ответственности и компетентности лиц, задействованных в сфере принятия управленческих решений на всех уровнях. Слагаемые процесса принятия решений предполагают: установление общественных стандартов, например, в сфере здравоохранения, образования, градостроения и т. д.; определение стоимости общественных программ и распределение финансов; планирование перспективных программ для развития разнообразных сфер общественной жизни.

В соответствии со сложившимися ранее традициями важнейшие решения принимались государственной бюрократией, которая обладала высоким уровнем технической компетенции и не подвергалась прямому воздействию со стороны граждан. Правительство страны пытается генерировать новый порядок, который бы инкорпорировал в процесс принятия решений как граждан, так и экспертов на всех фазах этого процесса, включая формирование проблем, выдвижение их на повестку дня, их реализацию, оценку и контроль за исполнением. Как видим, управленческие решения, являясь видом человеческой деятельности, составляют суть государственного управления. Ис-

ходной предпосылкой разработки темы исследования является тезис о том, что процесс принятия управленческих решений является ядром государственной политики, а государственная политика является ядром государственного управления.

К анализу политического процесса можно подходить с различных сторон: будет ли это анализ внешней, бюджетной, налоговой политики, реформы местного самоуправления – все это виды политики в различном ракурсе. Политический процесс может рассматриваться как взаимодействие субъектов политики на центральном и региональном уровнях, на уровне законодательных, исполнительных, судебных органов и административных служб. И, конечно, механизмы формирования политического процесса имеют существенные отличия в различных странах, будь то США, Польша, Беларусь, Китай или Латвия.

Существуют два основных направления анализа политического процесса. Первое сосредоточивает внимание на самом центре политического процесса, рассматривая его как относительно самостоятельную систему, приводящуюся в движение ради достижения поставленных целей. Другое направление рассматривает процессы управления в совокупности их взаимодействия с внешней средой центров принятия решений. Второй подход несколько претенциозен, т. к. растворяет политические процессы в системе политических отношений и тем самым затрудняет их теоретическую обработку. Представляется более плодотворным первый подход, т. к. позволяет абстрагироваться от анализа факторов (несомненно, существенных), влияющих на центры принятия решений, а именно: экономических, социально-культурных, религиозных, демографических и т. д.

Наиболее общей теоретической базой исследования политических процессов является теория систем. Суть ее состоит в том, что политическая система может рассматриваться как реакция системы на требования, возникающие в ее внешней среде. Система, по определению Дэвида Истона, является компонентом, соединяющим взаимосвязанные по характеру деятельности институты, которые занимаются принятием властных решений или распределением ценностей, структурирующих общество [2, с. 110]. Импульсы, поступающие в политическую систему из внешней среды, состоят из «требований» и «поддержек». Внешняя среда включает социальную действительность за рамками политической системы. «Требования» включают запросы индивидов и организованных групп, направленные на удовлетворение их интересов. «Поддержка» выражается в том, что индивиды и группы в результате электорального процесса «уважают» законы, выполняют решения властей, являющиеся реакцией на их требования.

Осуществляемое таким образом властное распределение общественных ценностей и создает общественное управление. Наличие «обратной связи» между требованиями внешней среды и реакциями политической системы показывает, что общественное управление (реакция системы) может существенно влиять не только на изменения внешней среды и требования, генерирующиеся в ней, но и может трансформировать характер самой политической системы. Реакция политической системы чаще всего выражается в политических решениях и действиях властных структур, направленных на их реализацию.

Политические решения вызывают реакцию внешней среды в виде новых требований, что побуждает власти к принятию новых решений. Таким образом, политический процесс носит перманентный характер, обеспечивая непрерывное воспроизводство политического процесса. Применимость системной теории для изучения политического процесса ограничена слишком общим подходом. Она не касается, например, того, как принимаются решения внутри «черного ящика», называемого системой. Тем не менее эта теория полезна с точки зрения проникновения в суть процессов формирования политики.

Важнейшей методологической предпосылкой анализа политических процессов является выделение ключевых стадий политического цикла.

Формулирование политических проблем

Первой стадией политического процесса является стадия определения сущности политических проблем (короче говоря, «формирование и формулирование политических проблем»).

При рассмотрении сущности общественных проблем изучению формирования политики обычно не уделяется достаточно внимания, в то время как именно отсюда должен начинаться политический анализ. Некоторые ученые считают, что основания, детерминанты политических проблем лежат вне сферы политической науки. Однако именно политический анализ помогает определить размер и объем проблемы, направления действий правительства для реализации поставленных целей. Именно выявление сущности проблемы, ее правильное определение и формулировка позволяют точнее обозначить сущность политического процесса.

Для целей управления «сущность проблемы» можно определить как условия или ситуацию, в которой проявились неудовлетворенные потребности части общества, требующей направленных усилий для изменения ситуации. Эти усилия могут быть приняты как со стороны непосредственно заинтересованных в проблеме лиц, так и со стороны лиц, действующих в интересах первых. Такие житейские проблемы, как невысокие доходы, загрязненный воздух, нездоровая пища, длительные судебные процедуры, могут порождать причины общественного неудовлетворения, требующие своего решения. Но только те проблемы, которые приводят в движение, побуждают к действию людей, становятся политическими проблемами. Например, когда группа, имеющая низкий доход, приспосабливается к ситуации и не предпринимает никаких действий, чтобы изменить ситуацию, то в соответствии с приведенной дефиницией политической проблемы не существует. Проблема не «становится» таковой, если она не «выплескивается» наружу.

В связи с этим возникает вопрос: какие свойства либо качества придают проблеме общественный характер, что отличает частную проблему от общественной? Можно сказать, что общественно-государственными являются те проблемы, которые обладают широким полем охвата сфер жизни и значительным резонансом, включая последствия для людей, не включенных в конфликт непосредственно. Проблемы, которые имеют незначительный эффект и радиусом своего действия охватывают одного или нескольких человек, вовлеченных в конфликт непосредственно либо неудовлетворенных состоянием своих дел, могут считаться частными проблемами.

Во всех странах существует множество проблем, которые можно квалифицировать разнообразными способами. Одной из таких градаций является деление проблем на «процедурные» и «сущностные» [5, с. 211]. Процедурные проблемы связаны с вопросами организации деятельности правительства. Сущностные проблемы взаимосвязаны с актуальными последствиями человеческой деятельности, касаются ли они вопросов транспорта, торговли, загрязнения окружающей среды. Другая градация может быть связана с происхождением проблем и делением на внутренние и внешние по отношению к политической системе.

Существенно заметить, что определение сути общественной проблемы как таковой зависит не только от объективных обстоятельств, но, что не менее важно, от того, в какой мере проблема находит понимание среди народа, отражается в общественном сознании. Это ведет нас к следующему фрагменту рассуждений: почему одни проблемы выдвигаются на передний план и требуют действий и реакции со стороны властей, а

другие – нет? Для этого необходимо рассмотреть вопрос о политических приоритетах, а точнее, проблему авансены политики.

Повестка для политического процесса

Второй стадией политического процесса является выдвижение политических проблем на «авансцену политики».

В повседневной жизни каждый человек либо группа сталкиваются с проблемами, требующими вмешательства должностных лиц, управленцев, правительства. Часть людей постоянно выдвигает требования к властям по поводу роста цен на сельхозпродукты, жилье, монопольного положения на рынке целых отраслей отдельных производителей и т. д. И лишь часть этих требований может найти отклик со стороны властей. Именно эти требования, которые субъекты власти принимают в расчет и предпринимают конкретные действия по их реализации, создают феномен «авансены», или «повестки дня», политики. Таким образом, «повестка» политики отличается от политических требований в целом. Термин «повестка» должен быть также отделен от термина «политические приоритеты», который обычно обозначает ранжировку вопросов, выдвигаемых на повестку дня в порядке их значимости.

В политической системе одновременно существует целый ряд «повесток дня». Среди ученых есть мнение о наличии двух базисных типов «повесток» – перманентная авансена и институциональная, или правительственная, авансена [6, с. 76]. Перманентная повестка состоит из ряда обычных проблем, которые осознаются гражданами как заслуживающие общественного внимания и находятся в юрисдикции существующей государственной власти. Перманентная авансена имеет место в каждой нации, государстве, на местном уровне, в каждой локальной управленческой системе. К числу перманентной повестки дня во многих странах мира относится рост преступности, безопасность на транспорте, экологические проблемы.

Институциональные вопросы авансены можно разделить на старые и новые пункты повестки. Старые пункты – это те, которые с регулярной периодичностью выдвигаются на авансцену, например, увеличение заработной платы работников, парламентские реформы, увеличение пособий малообеспеченным слоям. Эти проблемы хорошо известны должностным лицам, и поэтому альтернативные варианты возможных решений у них имеются. Новые пункты «повестки» возникают в зависимости от обстоятельств и конкретных ситуаций.

Лица, полномочные принимать решения, предполагают, что старые проблемы заслуживают больше внимания, потому как они имеют долговременный характер, лучше известны имеющим с ними дело должностным лицам.

Отдельные проблемы привлекают внимание общественности и политиков благодаря усилиям средств массовой информации. Некоторые злободневные репортажи вполне способны взорвать общественное мнение и вынудить политиков реагировать конкретными действиями.

Каковы же пути, благодаря которым проблемы достигают статуса повестки? Существуют различные способы, благодаря которым проблемы могут выйти на уровень систематической или институциональной повестки.

Многие политические предложения и программы разрабатываются официальными лицами как профессионалами по должности, так и назначаемыми для этих целей людьми в административных службах и организациях. В этих службах разрабатываются правительственные программы в области сельского хозяйства, здравоохранения, торговли и других сферах, которые получили статус общественных проблем, и готовятся предложения по их реализации. Иногда создаются специальные аналитические

группы, консультативные комиссии из официальных лиц и специалистов для разработки и контроля управленческих решений.

Законодатели также вовлечены в формулирование проблем политики. Получая информацию и предложения для действий во время слушания дел в Парламенте или в процессе парламентских расследований через контакты с различными официальными лицами, представителями групп интересов, а также на основе собственных интересов и потребностей, они формулируют предложения по предлагаемому курсу действий. В некоторых сферах политики депутаты сделали весьма много для формирования политических программ.

Формулирование проблем политики может рассматриваться как процесс, включающий два типа деятельности. Первый из них предполагает вопрос о том, что нужно делать в конкретной ситуации? Вопрос может быть таким: какого рода программы иностранных инвестиций необходимо иметь стране? Каков должен быть минимум заработной платы и какие слои населения должны быть им охвачены? Ответы на подобные вопросы приобретают форму общих принципов. Это то, что касается первого типа. Второй тип деятельности включает проектирование законодательства или подготовку административных правил, которые при их принятии будут проводить эти принципы в действие. Это, скорее, технический и обыденный, но, тем не менее, очень важный вопрос. Написанный таким образом законопроект может иметь существенное воздействие на его администрирование и реальное содержание общественно-государственного управления.

Определение правительственного курса и принятие политических решений

Третьей стадией политического процесса является принятие политических решений.

Анализ структуры процесса принятия политических решений предполагает изучение круга субъектов – участников политического процесса. Субъектность в политике обусловлена соотношением между объективными возможностями деятельности и достигнутым де-факто уровнем зрелости субъекта, а также способностями субъекта, мотивацией, возможностями и знаниями, последовательностью в действиях и т. д.

Субъектами политического процесса чаще всего выступают официальные должностные лица, законодательные органы власти, исполнительная власть, административные службы. Субъектами могут считаться также неофициальные участники политического процесса, такие, как группы интересов, политические партии, отдельные граждане. Официальными лицами считаются те, которые наделены властными полномочиями заниматься формированием политики. Представители законодательной и исполнительной власти, администраторы и судьи выполняют важные функции в политическом процессе.

Субъекты политики отличаются друг от друга по уровню и масштабам деятельности. Так, выделяют политиков высшего эшелона власти и ординарных политических деятелей. Первые обладают прямыми конституционными полномочиями для своей деятельности, вторые должны получать властные полномочия от звеньев высшего эшелона. К высшему эшелону относятся члены парламента, члены правительства, верховного суда и т. д. Ординарными политиками считаются работники административных служб.

Органы законодательной власти как субъекты политики занимаются решением важнейших проблем законотворчества и формирования политики. Законодательные органы Республики Беларусь обладают в полной мере независимыми властными полномочиями [1, с. 26–35]. Постоянные комиссии Парламента обладают полномочиями высшей инстанции по отношению к другим законодателям. Такие сферы политики, как права человека, социальная и другие, в значительной мере формируются Парламентом.

Что касается роли исполнительной власти в Республике Беларусь, то она существенно зависит от лидерства президентской власти в области формирования политики и в сфере исполнения решений.

Административные службы во всем мире характеризуются некоторыми постоянными характеристиками, такими, как наличие многочисленного аппарата и его размеры, сложность в управлении, иерархичность организации, уровень автономии. Общим положением политических наук является тезис о том, что административные службы являются более или менее автоматическими проводниками политических решений, вырабатываемых административными службами правительства.

Важным субъектом управленческого процесса, участвующим в принятии управленческих решений, является суд. Суды играют большую роль в формировании управления. Они влияют на характер и содержание управления посредством применения инструментов юридического пересмотра и законодательного толкования принятых управленческих решений. Основой юридического пересмотра управленческих решений являются полномочия судов определять конституционность действий законодательных и исполнительных органов.

Наряду с официальными организациями и институтами в политическом процессе принимают участие многие другие субъекты, такие, как группы интересов, политические партии и движения, отдельные личности. Их можно квалифицировать как неофициальных участников, потому что, несмотря на их важную роль в различных ситуациях, они не обладают легальными властными полномочиями участвовать в процессе принятия политических решений в государственной системе.

В анализе процесса принятия решений необходимо принимать в расчет такие факторы, как: критерии решений; типы принятия решений; создание большинства в парламенте; президентские решения. Рассмотрим критерии решений. Принятие решений может рассматриваться как индивидуальный или как коллективный процесс. В первом случае речь идет о критериях, которые применяет конкретное лицо при выборе решений. Во втором случае речь идет о процессах создания большинства для получения одобрения или об иных формах достижения решений. Индивидуальный выбор, конечно, делается обычно с учетом интересов других лиц, вовлеченных в ситуацию принятия решений и их вероятного поведения и реакций.

Для того чтобы получить наиболее полное представление о процессе принятия решений, необходимо рассматривать его не только как индивидуальный, но и как коллективный процесс. С этой целью рассмотрим наиболее характерные методы принятия коллективных решений, такие, как сделка, убеждение и приказание.

Сделка – это наиболее распространенный стиль принятия решений в демократических странах. Сделка может быть определена как процесс, в котором два или более участника, наделенные властью либо полномочиями принимать решения, приспособливают свои, по крайней мере, частично не совпадающие цели для того, чтобы сформулировать курс действий, который не является идеальным, но достаточно приемлемым для участников. Сделка может носить как ясный, точно выраженный характер (эксплицитный), так и подразумеваемый (имплицитный характер).

Двумя наиболее общими формами сделок являются «взаимные услуги» и компромисс. «Услуги» обычно включают откровенный взаимный обмен поддержкой по двум различным вопросам политической повестки. Это – превалирующая форма сделки, потому что не каждый пункт повестки интересует лидеров в равной степени.

Компромисс обычно включает в себя эксплицитные сделки, касающиеся конкретных проблем, когда обсуждается и взвешивается большая или меньшая цена уступок. Участники сделки в таких случаях рассуждают: «половина булки лучше, чем ниче-

го» – и стремятся приспособить, в какой-то степени сблизить позиции, в чем-то уступить для достижения соглашения.

Попытки уверять других в правильности своих позиций и принимать их как свои собственные подразумевают такой стиль принятия решений, как «убеждение». В отличие от политической сделки сторонник «уговаривания» стремится получить поддержку без изменения собственных позиций. Такие попытки строятся на основе преувеличения достоинств своей позиции или возможных выгод, которые получают договаривающиеся стороны в результате достижения соглашения. Сторонник убеждений (уговора) стремится побуждать к действию других по принципу «делай так, как я».

Итак, политическая сделка подразумевает соглашение равных сторон. Существует также «приказной стиль», который включает иерархические отношения субординации среди вышестоящих и нижестоящих. Приказание есть способность вышестоящих начальников принимать решения в пределах их компетенции по отношению к нижестоящим. Начальники могут применять различные санкции по отношению к подчиненным в виде поощрений или наказаний, хотя чаще используются наказания как метод усиления ответственности за выполнение решений. Подчиненные, которые с готовностью выполняют распоряжения начальников, могут рассчитывать на их расположение либо продвижение по службе. Те, кто не выполняет распоряжений, не могут рассчитывать на благосклонность начальства и могут быть понижены в должности либо уволены.

На практике политическая сделка, убеждение и приказания часто переплетаются в конкретной ситуации, требующей решения.

Фактором исключительной важности в принятии решений является президентство. Независимо от его роли в законодательном процессе Президент может рассматриваться как самостоятельная политическая величина, принимающая полномочные решения. В сфере внешней политики Республики Беларусь большинство предложений являются продуктом президентской деятельности, основывающейся на его конституционной власти и широких законодательных полномочиях. Следует отметить, что трудно провести разграничительные линии между формулированием, принятием и администрированием управленческих решений. Президент вправе принимать любое решение из имеющихся альтернатив на свое усмотрение, объединяя в один прием все указанные фазы принятия решений.

Одним из наиболее оптимальных типов принятия решений является дифференциализм. Термин «дифференциализм» используется для обозначения процесса принятия решений, отличающегося в незначительной степени (маргинально) от предыдущих решений [4, с. 552]. Нередко дифференциальная теория подается как в предписывающем, так и в описательном качестве, которое подразумевает, что этот путь принятия решений действительно таков, каким он должен быть на самом деле. В действительности, если недифференциальные решения можно определить как те, которые в острой форме отличаются от предыдущих решений или требуют значительных изменений в большую или меньшую сторону, тогда можно сказать, что в прошлые десятилетия было совсем немного недифференциальных и фундаментальных политических решений.

Дифференциализм является весьма полезной теоретической основой для принятия аналитических решений. Но необходимо признать, что процесс принятия решений включает как фундаментальные, так и дифференциальные решения. Вряд ли следует присваивать дифференциализму свойства предписывающего или рационального характера, учитывая существующее положение вещей в процессе принятия решений.

Реализация правительственного курса

Четвертая стадия политического процесса политического управления называется «реализация (инструментализация) политических решений».

Рассмотрим следующие аспекты инструментаризации управления: субъекты инструментаризации, сущность административного процесса, согласие в управлении и влияние инструментаризации на содержание управления.

В современных политических системах государственное управление проводится в жизнь, инструментируется посредством сложной системы административных служб. Эти службы выполняют наибольшую часть работы правительства и, таким образом, влияют на граждан более прямо и непосредственно, чем иные правительственные институты.

Классической особенностью литературы по общественно-государственному управлению является утверждение, что политика и администрирование – это отдельные, различающиеся между собой сферы деятельности [5, с. 14–15]. Политика связана с формулированием воли государства и проводится в жизнь «политическими отраслями» правительства, такими, как органы законодательной и исполнительной власти. Администрирование, с другой стороны, связано с инструментированием, выполнением воли государства и с достижением эффекта более или менее автоматического выполнения решений политических центров.

В то время как административные службы являются первичными исполнителями государственного управления, многие другие акторы также вовлекаются в этот процесс. В процесс принятия решений вовлечены законодательные органы, суды, группы интересов, общественные организации. Они могут быть также непосредственно вовлечены в политическое инструментирование или действовать опосредованно, влияя со стороны на административные службы, а иногда и так и иначе одновременно.

Законы наделяют административные службы легальными полномочиями предпринимать действия и решения по конкретным делам. Насколько же эффективны действия служб, чем они в действительности занимаются, зависят от политического контекста, в котором они оперируют, и от того, какую политическую поддержку они имеют? Существуют значительные различия в том, как службы распоряжаются своей свободой действий и как они выполняют свои программы.

Политическое и социальное окружение, в котором действуют службы, часто оказывает большое влияние на их действия. Эти внешние силы воздействия включают относящиеся к делу законы, правила, постановления, принятые процедуры, концепции правил игры; начальников исполнительных органов; систему парламентского надзора; суды, иные административные службы, иные формы управления; группы интересов; политические партии, средства массовой коммуникации.

Существуют службы, функции которых либо частично совпадают, либо соперничают в выполнении правительственных заданий. Помимо правительства существуют различные региональные и местные органы управления, которые оказывают влияние на решения государственных административных служб. Силы, которые сосредоточены в окружении служб, формируют «клиентелу» служб, имеющую интересы к администратору.

Клиентела служб – это весьма важная часть их окружения. Многие службы получают большую выгоду от наличия активной клиентуры. Некоторые службы имеют слабо привилегированную или не имеют никакой клиентелы. Так, службы социального обеспечения, имеющие в качестве клиентелы малоимущие слои, вряд ли могут рассчитывать на мощную поддержку со стороны этих категорий населения.

Оценка политики

Пятой стадией политического процесса является стадия оценки политики. Существует несколько вариантов типологии политической оценки [3, с.94–98]. Первый вариант оценки – это оценка как функциональная деятельность. Политики и администраторы всегда руководствуются критериями выгоды, результативности конкретных

программ и проектов. Многие из этих критериев оценок складываются на базе личных эмоций, впечатлений, интересов, всевозможных вариантов идеологических критериев, а также многих других. Так, одни критерии основываются на партийных интересах, другие состоят из разного рода фрагментарных, ординарных, рутинных и даже заурядных критериев.

Другой вариант политических оценок возникает при инструментировании конкретных программ и направлений управления. Оценка возникает при ответе на вопрос типа: является ли программа пригодной для реализации? Какова реальная стоимость реализации программы? Кто получит наибольшую выгоду от реализации программы и в каком виде? Какого рода легальный инструментарий необходим для достижения целей управления, и каковы процедуры?

Третий вариант оценки управления, относительно новый в научном инструментарии, который получает все большее применение органами управления, – это «систематическая, объективная оценка».

Систематическая оценка позволяет своевременно оценивать общественные нужды и запросы. Критериями служат следующие вопросы. Насколько объективна политика? Какова ее выгода и стоимость? Кто находится в числе получателей дивидендов политики? Каковы будут результаты, если данная политика не будет реализована? Систематическая оценка создает возможности аналитикам-оценщикам своевременно предоставлять политическим деятелям материал для правильного анализа политической обстановки, своевременно корректировать текущее управление и определять перспективы.

Существует также множество вариантов политической оценки вне правительства. В их числе средства массовой информации, университетские исследовательские центры, общественные объединения, группы организованных интересов. Все они занимаются оценкой политики, имеющей большее или меньшее воздействие на должностных лиц и политику в целом. Они также обеспечивают общественность необходимой информацией, делая достоянием гласности политические действия либо бездеятельность политиков. Иногда эти организации выступают как адвокаты тех или иных действий правительства, пытаются представить в выгодном свете то, что не всегда эффективно.

Качественными критериями оценки политики являются: большие выгоды и большие затраты; большие выгоды и малые затраты; малые выгоды и большие затраты; малые выгоды и малые затраты.

Стадия оценки принятых решений является пятой, финальной стадией процесса принятия политических решений. Тем не менее политическая оценка может пронизывать все стадии политического процесса, а не только его последнюю стадию.

Политическая оценка призвана определить влияние политики на реальные жизненные условия. Оценка политики имеет ряд важных измерений, включая прямую, косвенную и символическую цену политики.

Выводы

1. Таким образом, с учетом методологии, методов и технологий политического анализа можно выстраивать основные направления внутренней и внешней политики государства, разрабатывать доктрины и концепции по различным направлениям развития страны, среднесрочные и долгосрочные прогнозы.

2. Политический процесс включает в себя продолжительный промежуток времени, состоящий из несколько фаз-периодов выработки и реализации. Субъектами политического процесса являются официальные должностные лица, высшие представители политической, законодательной, исполнительной и местной власти. Взяв начало из центра принятия решений, проблема проходит фазы: формирование, выдвижение на повестку дня, принятие решений, реализации, оценки. По завершению одного цикла по

законам обратной связи происходит реконструкция проблемы, и процесс повторяется ВНОВЬ И ВНОВЬ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Конституция Республики Беларусь 1994 года (с изменениями и дополнениями) : принята на республиканском референдуме 24 ноября 1996 года. В редакции Решения республиканского референдума 17 октября 2004 года. – Минск : Амалфея, 2004. – С. 26–35.
2. Easton D. Framework for Political Analysis / D. Easton – N.Y. : Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1965. – 110 s.
3. Et zioni, A. The Moral Dimension: Toward to a New Economics / A. Et zioni – N.Y. : the Free Press, 1988. – 359 p.
4. Government by the People. Bill of Right Edition, 14th Edition. – Prentice-Hall, Englewood Cliffs, 1990. – 552 p.
5. Palumbo D. Contemporary Public Administration / D. Palumbo, S. Maynard-Moody – N.Y. : Longman, 1991. – P.14–15.
6. Roger, W.Cobb and Charles D.Elder. Participation in American Politics: the Dynamics of Agenda-Building / W. Roger – Boston : Allyn and Bacon, 1972. – 255 s.

Reshetnikov S.V, Reshetnikova T.S. Peculiarities of Analysis methodology of Political Process

The political making process approach has its roots in the field of political science.

To understand this approach, often called the study of public political making, we will first look at what the policy making process is, and then we will look at why it is considered political.

In most general discussions describing this conception of public political research, the political making process consists of about five major steps in the process. For a proposal to become public political, it must first move through stages of problem formation, political agenda, political adoption, political implementation, and sometimes policy evaluation

Taken as a whole, these stages represent the process whereby some important problem emerges to which political makers must, and eventually do, respond.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 09.03.08

УДК 316.46+303.4

А.И. Лысюк

ОБ ЭВРИСТИЧЕСКОЙ ЦЕННОСТИ ПОНЯТИЯ «ХАРИЗМАТИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО»

В данной статье критически анализируются и оцениваются концепции, утверждающие, что категория харизматического лидерства лишена эвристического смысла. Конкретно изучается проблема операционализации этого феномена. Исследуется совокупность черт харизматического лидера, выделенных М. Вебером. Кроме этого, анализируются трактовки харизматического лидерства, существующие в современной политической и политико-психологической науках, сквозь призму идентификации харизматических качеств лидеров. В конечном счете выделяются параметры харизматического лидерства, пригодные для операционализации и соответствующие господствующим культурологическим императивам, что способствуют адаптации этого научного понятия к политическим реалиям современного мира.

Введение

Понятие харизматического лидерства является одним из наиболее часто употребляемых терминов современной политической науки и одновременно одним из наиболее дискуссионных. Ряд исследователей, особенно следующих императивам методологии бихевиорализма, выражают серьезный скепсис относительно его научной содержательности и состоятельности.

В этом отношении характерной является позиция американских исследователей Дж. Бенсмана и М. Гиванта, утверждавших, что понятие «харизма» в силу своей бессодержательности может быть использовано практически в любой ситуации в качестве «последнего аргумента» для объяснения причин политического успеха конкретного лидера в том случае, если неясны его подлинные и очевидные причины [13, с. 570]. В свою очередь, некоторые исследователи отмечали, что употребление термина «харизма» скорее скрывает, завуалирует реальное положение вещей, нежели их объясняет. Они делают вывод о том, что эта категория, взятая в интерпретации М. Вебера, лишена эвристического смысла, поскольку обладает не объяснительными, а априорными характеристиками, аргументированность которых вызывает у исследователей законные сомнения. Например, итальянский политолог Паоло Партинаро отмечает, что употребляемое в настоящее время понятие «харизматический» не имеет ничего общего с дефиницией М. Вебера. Для доказательства данной позиции он использовал политическую фигуру одного из наиболее ярких харизматических лидеров Европы последних десятилетий Сильвио Берлускони. П. Партинаро указывает на то, что политическая харизма видного итальянского политика – это не сакральный дар, на котором акцентирует внимание М. Вебер, а способности «великого коммуникатора», «виртуоза развлечения», «спортивного матадора»; не неприятие экономической деятельности, как это выражено в концепции М. Вебера, а следование духу предпринимательства; не антиинституциональность и надобденность политической и жизненной позиции, а доминанта конформизма и соображений «здравого смысла». Очевидно, что только некоторые коммуникативные способности С. Берлускони вписываются в канву харизматических качеств, в то время как большинство его политических умений противоречат харизматическому идеалу.

В этом отношении чрезвычайно плодотворным и показательным является исследование американского политического социолога У. Спинрада, осуществившего специальный анализ источников политического успеха харизматических лидеров XIX–XX веков. В своей работе он сосредоточил внимание не столько на трудно поддающихся научной рационализации «магических» качествах и свойствах лидеров, а на изу-

чений конкретных аспектов и условий их деятельности: роли политических организаций и исторических обстоятельств, мотивации лидеров, их умения быть символами политических идентификаций, на степень овладения рационализированными способами воздействия на социальную массу и др.

В результате подобного анализа У. Спинрад осуществил своеобразную дехаризматизацию деятельности политических персон, харизматичность которых ранее не подвергалась сомнению. Так, по его утверждению, английский премьер Гладстон, названный харизматическим вождем еще М. Вебером, при всех своих артикуляторных способностях без партийного аппарата и программной привлекательности лейбористской партии мог, безусловно, стать хорошим оратором или же писателем, но ни в коем случае не доминирующей политической фигурой. Гитлер своим политическим успехом обязан не личностному «магнетизму» и не сакрально-мифологической риторике, а искусству овладения рационализированными (и инструментальными) средствами политической деятельности. Ленин и Сталин сконструировали свой харизматический авторитет не посредством трансцендентных интенций, а через обращения к массам с рациональной интерпретацией марксистской доктрины, а также с помощью контроля над партийным аппаратом. По этой причине У. Спинрад полагает, что по отношению к коммунистическим лидерам было бы целесообразно использовать термин «псевдохаризма», а не «харизма», поскольку их политический авторитет основан на символической персонификации официальной доктрины. В свою очередь, политическую карьеру Муссолини он объяснил особенностями развития итальянского общества после Первой мировой войны, а карьеру У. Черчилля – ситуативно-историческими обстоятельствами, а не «эфемерными» харизматическими качествами. В целом, по утверждению У. Спинрада, научное описание харизматического лидерства идентично попытке описать «цвет» или же «личностный магнетизм», что выходит за рамки собственно научного анализа [15, с. 299–303].

Концептуальный скепсис относительно научной содержательности термина «харизматическое лидерство» подтвердил на примере исследования политических лидеров постколониальной Африки Г. Бинен. Изучив политическую биографию и условия политического восхождения африканских лидеров, он пришел к выводу, что их харизма в действительности не является некоей магической силой, а есть искусство применения насилия, контроля над армией, способность к этнической символизации и политическому цинизму, а также умение создавать лояльные коалиции [14, с. 271–282]. Поэтому в данном случае речь должна идти, скорее, о мнимой харизме, а не о подлинной.

Подобная позиция оспаривается, правда, рядом исследователей, например советским востоковедом К. Брутенцом, отмечавшим, что основу политической харизмы лидеров освободившихся стран составили, с одной стороны, своеобразная психическая аберрация, приведшая к интенсивно пульсирующей вере в собственную непогрешимость, что, собственно говоря, является харизматическим качеством, а с другой стороны – родоплеменные обычаи, в рамках которых вождь обычно совмещает политические и сакральные функции, а также практика вооруженной борьбы, формирующая героический (следовательно, и харизматический) образ государственного лидера [2, с. 66–68]. Все это вкупе с необходимостью формирует харизматический авторитет правителя.

Его позицию поддержал российский исследователь А. Козырин, сославшийся на безусловный харизматический авторитет лидера Ливии М. Каддафи. В его представлении он (авторитет) был неизбежен, поскольку был предопределен сильным влиянием институтов традиционализма, родоплеменной организацией общества, мусульманской концепцией государства, практикой колониального управления и стремлением главы государства выполнять функции духовного лидера. Известно, что М. Каддафи высту-

пал с чтением проповедей в Центральной мечети, а также заявил о своем намерении стать халифом, руководителем мусульманской общины в Северной Африке [7, с. 94].

Таким образом, очевидно, что проблема идентификации харизматических качеств и харизматического лидерства реально существует. К тому же, по справедливому указанию английского исследователя Роджера Итвела, «так называемые харизматические лидеры обладают столь разными характеристиками, что трудно, если не невозможно, выделить искомое общее основание. Но и условия, предположительно сопутствующие харизматическому лидерству, не менее разнообразны» [6, с. 10]. Все это не может не приводить к произвольности в идентификации харизматических лидеров и их качеств: одни и те же политические фигуры в одних исследованиях именуется харизматическими, а в других – их харизматический авторитет отрицается (см. персоны В. Ющенко, В. Жириновского, Л. Валенсы). Даже изучение уже ставшей классической и эталонной в качестве харизматической персоны белорусского президента А. Лукашенко приводит к различным оценкам. Причина подобных расхождений – различная интерпретация исследователями феномена харизматического лидерства. *Цель* данной статьи – выделение содержательных параметров харизматического лидерства, по поводу которых возможен их консенсус.

Макс Вебер о харизматическом лидерстве

Наличие расхождений в интерпретации термина «харизматическое лидерство» вызывает существенные трудности для его операционализации, что необходимо для проведения эмпирических исследований. В качестве примера можно привести результаты операционализации этого понятия, проведенного исследователями Великобритании, Беларуси, России и Украины в рамках совместного научного проекта. Выделенные ими переменные политической харизмы вызывают сомнение в его научной пригодности. Например, Р. Итвел, опираясь на творческое наследие М. Вебера, исходит из того, что для харизматического лидера присуща в качестве стержневой черты «особая миссия», состоящая в радикальном изменении и/или спасении нации. Очевидно, однако, что в условиях устойчивых современных демократий подобное лидерство в принципе невозможно. Следовательно, харизматических качеств лишаются такие политические персоны, как С. Берлускони, Т. Блэр, а «харизма оказывается феноменом, относящимся к прошлому или к реалиям развивающихся стран» [6, с. 12]. Согласно этой позиции, современным демократическим системам харизма может быть присуща только в состоянии постигших их бедствий, что носит, безусловно, исключительный и редкий характер.

Со своей стороны, белорусские исследователи [11], выделяя харизму первого порядка («харизму присущую») и харизму второго порядка («харизму созданную»), к первой относят предприимчивость, целеустремленность и волю, которые являются универсальными качествами лидера, а не только лидера харизматического.

Согласно заключению украинских политических социологов, высоким потенциалом харизматичности обладает В. Ющенко, который «соединяет в себе мечту об идеальном лидере, сочетающем в себе внешнее обаяние и высокие моральные принципы, высокий профессионализм и человечность, эффективность и энергичность». [1, с. 43–46]. Но эти качества, как и в предыдущем случае, присущи политикам, представляющим различные типы политического лидерства, а не только харизматическое.

Таким образом, по-прежнему открытым остается вопрос: обладает ли реальной эвристической ценностью применительно к современному политическому процессу понятие харизматического лидерства?

Для адекватного ответа на этот вопрос необходимо, с одной стороны, обратиться к концептуальным положениям М. Вебера, акцентируя внимание на выделении черт харизматического лидера.

С другой стороны, следует дать анализ другим трактовкам феномена харизматического лидерства, существующим в политической и политико-психологической науке, сквозь призму идентификации харизматических качеств лидеров.

В обоих случаях целесообразно обратиться к важному методологическому посылу, указывающему, что «Вебер рассматривал данное понятие в категориях «чистого типа», т. е. вопрос заключается не в поиске строгого определения, а в обнаружении некоторого континуума вариаций харизматического лидерства, удаляющихся или приближающихся к «чистой» конструкции [5, с. 12].

Известно, что концептуальные положения харизматического лидерства разработал немецкий социолог М. Вебер. «Харизмой следует называть, – писал он, – качество личности, признаваемое необычайным, благодаря которому она оценивается как одаренная сверхъестественными, сверхчеловеческими или, по меньшей мере, специфически особыми силами и свойствами, не доступными другим людям. Она рассматривается как посланная богом или образец» [3, с. 139]. Сам термин «харизма» в этимологическом смысле означает «богоизбранность», «боговдохновенность» и восходит к новозаветному «Второму посланию к Коринфянам». Личностные атрибуты харизматического лидера наполнены трансцендентальной аурой, «сверхъестественной» и «божественной» силой, вплоть до бессознательного подчинения «насилию Богов», а сам он призван ими для выполнения особой миссии. К харизматическим качествам М. Вебер относит магические способности, магнетизм личности, дар пророка. В силу этого харизматический лидер обычно стилистически авторитарен. Харизма, таким образом, выступает как некий особый дар, присущий (дарованный) индивиду от природы, судьбы, Бога.

Следовательно, первое и самое главное проявление харизмы политического лидера – это ее трансцендентальность, преодоление «земного тяготения», устремленность к высшим духовным инстанциям, при известном пренебрежении «земными» утилитарными соображениями и целями. При столкновении высших ценностей и утилитарных потребностей последние автоматически приносятся в жертву первым. Совсем, как у Заратустры: «Выше любви к ближнему стоит любовь к дальнему и будущему». Фигура харизматического лидера в известной мере – «священная корова», которая не оценивается людьми мерками повседневного опыта.

Харизма политического лидера проявляется также в том, что с неизбежностью сакрализуется сам его человеческий образ. В восприятии последователей он является отчасти *мессией*, соединяющей в себе три ипостаси – Царя, Пророка и Первосвященника. Лидер воспринимается последователями как сверхчеловек, они слепо верят его высказываниям, демонстрируя свою безусловную личную преданность.

Однако М. Вебер не ограничился указанием только на *сакральную* природу харизматического лидерства. Он отмечал, что харизматический лидер для подтверждения харизмы и дара пророка нуждается в рациональном доказательстве их наличия посредством демонстрации феноменологических способностей и политического успеха. «Если доказательства долго не приходят, – пишет М. Вебер, – то это свидетельствует о том, что одаренный харизматической милостью покинут своим богом или потерял свою магическую или героическую силу. Если продолжительное время ему изменяет успех,.. то его харизматический авторитет может исчезнуть» [3, с. 140].

Следует сделать важное уточнение. Речь идет о том, что в веберовской концепции сакральные качества лидера считаются обязательными только для доиндустриальных обществ или же социальных систем, охваченных социальными революциями. Обращаясь к анализу проявлений харизматического лидерства в индустриальном обществе, М. Вебер не сводит феномен харизмы к экстраординарным, сверхъестественным качествам политика. Более того, в условиях секуляризации харизматические качества все чаще отождествляются не с даром пророка, а с талантами оратора; сам харизматиче-

ский лидер именуется «выдающимся демагогом». Характерным в этом отношении является веберовский анализ конкретной харизматической фигуры, представленной английским премьером Гладстоном. По определению М. Вебера, его (Гладстона) харизматические качества представлены в «ослепительном блеске» «большой демагогии» и искусстве придавать речи внешне прозаический вид, проявляющиеся «на поле избирательной битвы», посредством чего лидер «увлекает за собой массы».

Одновременно М. Вебер указывает на необходимость лидеру овладеть искусством организации партийной машины, партийного аппарата для осуществления собственных целей. Поскольку для индустриального общества характерно «превращение политики в предпринимательство», ставящее перед собой в качестве главной задачи борьбу за «предметные цели» (должности, ренты, доходы и пр.), то в этом случае для политика принципиальное значение имеет овладение навыками борьбы за власть и знание методов ее осуществления. «Это значит, что относительно небольшое количество людей, заинтересованных в первую очередь... в участии в политической власти, создают себе посредством свободной вербовки свиту, выставляют себя в качестве кандидатов на выборах, собирают денежные средства и приступают к ловле голосов» [4, с. 670].

Своего эталонного образца «выдающийся демагог» («диктатор избирательных сражений») достигает в рамках «плебисцитарной демократии». Существо его политики М. Вебер выразил следующими словами: «Демократия, это когда народ выбирает лидера, которому он доверяет. После этого избранный народом лидер говорит: «А теперь замолчите и подчиняйтесь мне». Ни народ, ни партия не должны вмешиваться в то, что он делает» [цит. по 9, с. 151]. Харизматический лидер, избираемый прямым общенародным голосованием, противопоставляет как возрастающей рационализации жизни, так и угрозе «бюрократического ига», предлагая новые пути развития общества и устанавливая новые общественные ценности. По утверждению В. Моммзен, «он (Вебер – А. Л.) видел в этих лидерах возможность поставить новые цели, контролировать притязания бюрократов, предлагать новые пути развития в обществах, чтобы преодолеть политическую стагнацию и бюрократическую рутину», а также устанавливать общественные ценности [цит. по 9, с. 153]. В идеале харизматическое лидерство обходится без бюрократического аппарата. Решения принимаются ситуативно, законность олицетворяет лидер, а не формальные правила и процедуры.

М. Вебер указывал на то, что этот тип плебисцитарного вождя воплощают диктаторы античности и современных революций: греческие тираны и демагоги, в Риме Гракх и его последователи, диктатура Кромвеля и т. п.

Важным харизматическим качеством, широко распространенным в индустриальном обществе, является выдающееся мужество и героизм. Это объясняется тем, что поскольку ключевым условием зарождения харизматического лидерства являются социальные «бедствия», войны, победы в которых в свою очередь приводят к формированию харизматического авторитета. Роль войн в этом отношении столь сильна, что часто после их окончания наблюдается закат харизматического лидерства, как это, например, произошло с политической персоной У. Черчилля.

В силу этого харизматическое лидерство представлено чаще всего на переходных (переломных) стадиях общественного развития. По утверждению М. Вебера, уже в Новое время наблюдается ослабление легитимационной силы харизматического и традиционного лидерства, на смену которым приходит лидерство легально-бюрократическое. В настоящее время харизматический тип лидерства фокусируется на способностях лидера быть «эффективным коммуникатором», «скандалистом» и «политическим шоуменом».

В любом случае харизматическое лидерство опирается на эмоционально-напряженные личные отношения между господином и подчиненными, противостоя в

этом отношении лидерству легально-бюрократическому, в котором сильны экономические начала. В фокусе харизматического господства находится «личность-образец», вызывающая особое доверие и личную преданность со стороны последователей. Во всех этих ситуациях принципиальное значение имеют процессы социально-психического воздействия лидера на последователей (убеждение, внушение, подражание, заражение, мода).

Следует отметить также, что «Вебер рассматривает харизму совершенно безотносительно к содержанию того, что возвещает, за что выступает, что несет с собой харизматик... Он подчеркнуто безразличен к ценностям, вносимым в мир харизматической личностью» [5, с. 28]. Но это отнюдь не значит, что его социальные действия не наполнены ценностным смыслом, хотя бы потому, что любое социальное действие в интерпретации М. Вебера включает в себе «субъективный смысл», основу которого составляет присвоенная «картина мира». Харизматические лидеры, являясь демиургами и символами определенных эпох, не могут не персонифицировать и не быть носителями новых культурных смыслов (Александр Великий, Петр Великий, Юлий Цезарь, О. Кромвель, В. Ленин и др.).

Современные исследования о харизматическом лидерстве

Существует также попытка объяснения харизмы категориями психоанализа. С одной стороны, через обращение к историческим архетипам, являющихся конституирующим элементом коллективного бессознательного, заключающим в себе властный «первообраз», переходящий от поколения к поколению. Имея начало в мифологическом мировосприятии, архетип вызывает у членов политического социума, живущих в различных исторических эпохах, однотипные чувства и ассоциативные властные образы. По своей природе «харизма обладает свойствами воскрешения прошлого, пробуждения чувств и образов, погребенных в памяти, авторитетом традиции... Воскрешение имаго... проявляется во внезапном и почти сценическом, но, в любом случае, глобальном оживлении ситуаций и персонажей прошлого... Все вожди поддерживают свою власть, взывая к имаго персонажей прошлого, которые, однажды воскреснув, зажигают былые чувства» [10, с. 355, 361–362].

С другой стороны, харизма может выражать и определенное иррациональное отношение, чаще всего именуемое садомазохистским комплексом, вызванное потребностью некоторых групп людей, вследствие «нищеты масс», найти психическую опору в определенном лидере, что достигается через растворение и обезличивание в нем. Изучение психоаналитического аспекта харизматического лидерства, обладающего специфическим инструментарием познания, не входит, однако, в задачу данной статьи.

Важно отметить, что ряд исследователей акцентируют внимание на существовании феномена псевдо-квази-ложной харизмы. Так, по утверждению американского политолога Р. Такера, «в современных условиях возможен... феномен ложной харизмы, достигаемый с помощью СМИ и наиболее выпукло выступающий в странах с авторитарным режимом и контролируемой прессой. СМИ могут придать очарование ложной харизме через масштабную ложь, создавая псевдоличностный культ. Феномен ложной харизмы формируется также в демократических государствах с помощью построения соответствующего имиджа политика» [16, с. 389].

В свою очередь, Р. Итвел полагает, что «термин квазихаризмы уместен в аналитическом плане, помогая обозначить способ, при котором современная маркетинговая техника используется политиками в целях создания своего образа, даже для придания недостающего им чувства миссии... Термин «псевдохаризма» может пригодиться для различения действительно убежденных от искусственно созданных лидеров» [6, с. 13].

Параметры харизматического лидерства

Если же свести множество конкретных качеств харизматического лидера к некоей равнодействующей, по отношению к которой существует известный консенсус позиций исследователей, то можно вычлени́ть ряд переменных харизматического лидерства. Отметим при этом, что их основу составляют харизматические качества, выделенные Р. Итвелом:

1) артикуляция особой миссии социума, умноженная на стремление лидера к тотальности власти;

2) харизматический лидер традиционно примеряет одежды спасителя народа, нации и государства не только от внешних и внутренних врагов, но, в частности, от «бюрократического произвола»;

3) к числу ключевых харизматических атрибутов относятся ораторские способности;

4) важным представляется создание «верного образа» лидера (Р. Итвел), т.е. такого образа, который соответствует ожиданиям большинства населения. Чаще всего, харизматический лидер персонифицирует архетипический образ Отца патриархальной семьи, всевластного и за все отвечающего, строгого, но одновременно склонного к милости;

5) демонстрация мачизма, ассоциируемая с такими мужскими качествами, как активное действие, борьба, героика, сексуальная активность, оперирование категориями «друг-враг» (манихейство);

6) способность к осуществлению инновационной и креативной деятельности. Харизматический лидер в своих действиях неординарен, непредсказуем, обладает колоссальной творческой энергией и «лица не общим выраженьем». Он традиционно не помещается в рамки определенных политических институтов. Он, как портной, «кроит» государство по своей фигуре и фактуре, насыщая его своим интеллектом, стереотипами, темпераментом, капризами и т. п.;

7) харизматический лидер в сфере публичной политики выступает как политик, источающий уверенность в собственных силах и способностях, готовность к свободной конкуренции с самым сильным соперником;

8) для него очевидна необходимость обладать массовой поддержкой и высоким уровнем социального доверия. В этом отношении нельзя считать харизматическим лидером, например, В. Жириновского, имеющего скромные достижения на президентских выборах в Российской Федерации;

9) важную роль играет идентификация с целями и ценностями социума, над которым господствует харизматический лидер.

По совокупности этих качеств можно говорить о специфике харизматического лидера применительно к эпохе постмодерна и отличия его от «иконного лидера», обладающего специальными качествами, профессиональными способностями, необходимыми для лидерства, но при этом не стремящегося ни к радикальным изменениям, ни к политическому мессианизму, несмотря на достаточно широкую поддержку избирателей. Господствующий образ «иконного лидера» – это образ технократа, коммуникатора, защитника и т. п. (Л. Кучма, Г. Коль, В. Путин, Ю. Тимошенко и др.). В современном мире подобный тип лидера распространен гораздо шире, чем подлинно харизматический, поскольку последний предполагает личность с исключительными качествами, равно как и специфические условия, благоприятствующие его восхождению.

Заключение

Очевидны, таким образом, определенные трудности, терминологические расхождения при определении содержания категории «харизматическое лидерство», а также сложности его операционализации. Но не менее очевидно и то, что отбрасывание со-

временной политической наукой этого термина контрпродуктивно и нецелесообразно. Исследовательским сообществам следует не обесценивать это понятие и тем более не сражаться с ним, а с помощью научного инструментария придать ему большую систематичность и логичность, пригодную для верификации. Выделенные в данной статье параметры харизматического лидерства, способствующие его операционализации и соответствующие господствующим культурологическим императивам, благоприятствуют адаптации этого научного понятия к политическим реалиям современного мира. Особое значение при этом имеют те его составляющие, которые характеризуют процесс вербальных и символических коммуникаций между харизматическим лидером и его последователями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бандурович, О.Ю. Образ лидера: представления и предпочтения жителей Украины / О.Ю. Бандурович, А.Г. Стегний, Н.Н. Чурилов // Социологические исследования. – 2003. – № 3. – С. 38–42.
2. Брутенц, К. Драма в двух частях. Штрихи к политическому портрету лидеров «третьего мира» / К. Брутенц // VIP. – 1991. – № 2. – С. 66–70.
3. Вебер, М. Харизматическое господство / М. Вебер // Социологические исследования. – 1988. – № 5. – С. 139–147.
4. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
5. Гайденок, П.П. Социология Макса Вебера / М. Вебер // Избранные произведения. – М. : Прогресс, 1990. – С. 5–40.
6. Итвел, Р. Возрождение харизмы? Теория и проблемы операционализации понятий / Р. Итвел // Социологические исследования. – 2003. – № 3. – С. 9–19.
7. Козырин, А. Н. Лидер революции в государственно-политическом механизме Ливии. К исследованию авторитарных режимов / А.Н. Козырин // Государство и право. – 1992. – № 9. – С. 91–99.
8. Лысюк, А.И. Харизма и президентские выборы в Беларуси / А.И. Лысюк // Аналитический бюллетень Белорусских фабрик мысли. – 2001. – № 2. – С. 11–15.
9. Мигранян, А.М. Плебисцитарная теория демократии Макса Вебера и современный политический процесс / А.М. Мигранян // Вопросы философии. – 1989. – № 6. – С. 148–158.
10. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – М. : Центр человека и психотерапии, 1996. – 478 с.
11. Ротман, Д.Г. Белорусский вариант харизмы / Д.Г. Ротман [и др.] // Социологические исследования. – 2003. – № 3. – С. 29–38.
12. Туманов, С.В. Политическое харизматическое лидерство в России: мифы и реалии / С.В. Туманов, А.Т. Гаспаршвили, Л.Д. Митева // Социологические исследования. – 2003. – № 3. – С. 20–29.
13. Bensman, J. Charisma and Modernity / J. Bensman, M. Givant // Social Research. – 42 (Winter 1975). – P. 100–121.
14. Bienen, H. Leaders, Violence and the Absence of Change in Africa / H. Bienen // Political Science Quarterly. – 1993. – Num. 2. – P. 271–282.
15. Spinrad, W. Charisma. A Blighted Concept and an Alternative Formula / W. Spinrad // Political Science Quarterly. – 1991. – Num. 2. – P. 295–311.
16. Tucker, R. Personality and Political Leadership / R. Tucker // Political Science Quarterly. – 1977. – Num. 3. – P. 383–393.

Lysiuk F.I. Concerning the Heuristic Value of “Charismatic Leadership” Concept

The conceptions that the category of charismatic leadership lacks the heuristic sense are critically analyzed and evaluated in the article. In a given article critically analyzed and evaluated are the conceptions, according to which the category of charismatic leadership is lacking the heuristic sense. The problem of this phenomenon's operationalization. Specifically studied is the totality of charismatic leader's features emphasized by M. Weber is also studied. The interpretations of charismatic leadership, which exist in contemporary political and politico-psychological sciences, through the prism of identification of leader's charismatic features are analyzed. Finally, The parameters of charismatic leadership, which are useful for operationalization and comply with prevailing cultural imperatives, helps to adopt this scientific idea to the political reality of contemporary world.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.01.08

УДК 35.08(1–87)

В.В. Герменчук**ПОДГОТОВКА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ:
МОДЕЛИ, СТРУКТУРЫ И ТЕХНОЛОГИИ**

Еще в античные времена Сократ отмечал, что ни один человек не станет заниматься ремеслом, предварительно не изучив его, даже если это самое незначительное занятие. Но зато каждый считает себя вполне подготовленным для самого трудного из занятий – для управления государством. Эти слова невольно приходят на память в условиях постоянных общественных дискуссий вокруг подготовки специалистов в области государственного управления. До настоящего времени высказываются альтернативные точки зрения. И это в условиях, когда государственное управление как вид деятельности имеет многовековую историю, давно признано в качестве особой сферы профессиональной деятельности, отрасли науки и подготовки кадров. В предлагаемой читателям статье прослеживаются в исторической ретроспективе основные тенденции и этапы становления системы подготовки государственных служащих.

Страницы истории

Развитие общества сопровождалось постоянным усложнением системы власти и управления, ростом требований к профессионализму ее представителей. Однако долгое время деятельность по управлению государством рассматривалась, скорее, как «царственное искусство», функция специально отобранной элиты, претендующей на божественное происхождение и право на власть над людьми. Не удивительно, что первоначальная история государств представляет собой жизнеописания отдельных великих личностей, которые ими управляли. Сложился даже особый жанр политических трактатов известных как «Зеркала государей». Конкретные правители неизменно выступали в этих работах в качестве частных лиц, основой власти которых являлось основательная подготовка и хорошее воспитание, развитие таких качеств, как благочестие, мудрость, умеренность и милосердие. Худшим из грехов считалось игнорирование божественного закона и использование власти в своих эгоистических интересах. С этим связано, очевидно, стремление большинства императоров и королей дать своим сыновьям-наследникам прежде всего моральное воспитание, подобрать в качестве наставников лучших учителей (Аристотеля, Плутарха, С. Полоцкого и др.). Добродетели первых лиц служили, в свою очередь, образцом, на который должны равняться государев двор и все подданные.

Однако уже в средние века сложилось иное представление о власти как особом служении, требующем от христианских государей не только моральной чистоты и добродетелей. Чтобы быть легитимной и эффективной, любая власть должна соответствовать ожиданиям общества и способной решать его проблемы. Поэтому по мере усложнения управления государством появляется потребность в создании специализированных органов власти и управлении, нового социального слоя государственных служащих, профессионалов в конкретных областях. «Необразованный король на престоле подобен коронованному ослу», – утверждалось в одном из трактатов XII века. Его должность – служение не только богу, но и общему благу, исполнение долга перед подданными и государством. Из частного лица король превращается, таким образом, в «общественную власть», «викария бога», «главу и принцепала страны», «мэтра войны и финансов», «администратора, опекуна, куратора и прокуратора в своих делах» [1, с. 128–129].

Идеал в образе короля-чиновника на службе общественному интересу все чаще встречается на страницах политических сочинений. Выдающийся итальянский историк и мыслитель эпохи Возрождения Ф. Гвичардини, например, отмечал, что причины по-

литической нестабильности связаны не с формой государственной власти, а с некомпетентностью правителей, их своекорыстными интересами, которые часто берут верх над принципами государственной пользы. Структура власти и способы ее утверждения различны, а главные опоры ее прочности едины. Они заключаются в высокой квалификации, опыте и мудрости тех, кто стоит во главе государства, их умении владеть не только искусством политики, но и управления. Искусство политики помогает достичь успеха, но не определяет его. Главным является владение наукой управления.

Новая философия «общественной службы» полностью поменяла содержание репрезентации верховной власти. Короли, как главы своего исполнительного аппарата, отвечают за его успешную работу. Они должны разбираться в сложных вопросах управления, иметь опыт, знания и умения в административных вопросах, подбирать на службу чиновников не столько на основе личных связей и честолюбивых порывов отдельных личностей, сколько профессиональных критериев. Невежество и некомпетентность – серьезный изъян в системе власти и настоящее бедствие для народа. Ф. Гвиччардини советует правителям направить свой разум и волю на оптимизацию механизмов власти и управления, «чтобы дать обществу хорошее управление». Законы и общественный порядок должны преобладать над устремлениями частных лиц, служить интересам всех граждан. Для этого необходимо правильно подбирать советников, доверять их мудрости и профессионализму. Высокие достоинства, честность и верность встречаются крайне редко. Поэтому следует назначать в качестве советников еще не слишком опытных молодых людей, испытывать их в различного вида делах и должным образом вознаграждать. Тем самым они приучаются к делу и будут целиком отдавать себя службе государю и общему благу [1, с. 443–445].

Престиж знаний, соответствие полученных знаний служивого сословия занимаемой должности позволили системе образования уже в названный период быть одновременно властью и инструментом власти, играть главную роль в создании «великой бюрократии государства». Более того, бурное развитие национальных систем образования во многом само связано с рождением профессионального корпуса чиновников. Первые европейские университеты, появившиеся еще в XII веке, долгое время влачили жалкое существование. Они стали играть значительную роль только при поддержке императоров и папы Римского, которые для подготовки религиозных и светских служащих предоставили корпорациям преподавателей и студентов возможность изучать теологию, право, медицину и философию. В XVIII веке в Германии, например, действовало уже 40 университетов, в которых прусский король Фридрих Великий, имеющий страсть к эффективной администрации, организовал подготовку государственных чиновников. Они назначались на должности специальным актом короля и только по его приказу могли оставить службу. Духу времени соответствовало и требование короля, чтобы юристы, которые до сих пор получали никому не нужные свидетельства и адвокатские удостоверения, сдавали экзамены по политике, экономике и управлению. Старейший в Европе Парижский университет на основе теории *translatio studii* претендовал на первое место среди королевских советников, являясь одновременно *alma mater* (матерью-кормилицей) для своих студентов, поставщиком новой социальной элиты, ее легитимации в философии «гражданской ответственности» и в этике служения.

В XVIII веке была реализована и идея создания специальных учебных заведений для подготовки государственных служащих. Особенно показателен опыт Англии, где старой феодальной аристократии удалось не просто приспособиться к капиталистической модернизации, но и во многом возглавить эти процессы, сохранив, тем самым, свои традиции, принципы воспитания и подготовки представителей правящего класса. Предпочтение было отдано привилегированным закрытым учебным заведениям для мальчиков, так называемым паблик-скул. В XIX – начале XX века все пэры Англии, за

редким исключением, являлись питомцами Итона, Рагби, Вестминстер-скул, Винчестер-скул, Харроу-скул и других престижных частных учебных заведений. Статус главного наставника аристократической молодежи принадлежал Итону.

Современниками высказывались полностью противоположные мнения о роли этих привилегированных школ в подготовке представителей правящей элиты. По их оценкам, интеллектуальные успехи рядового ученика престижной школы невозможно считать удовлетворительными даже по самым мягким требованиям. Однако закрытые школы «сыграли, пожалуй, важнейшую роль в формировании характера английского джентльмена». «Трудно даже оценить, в какой степени английский народ обязан этим школам теми качествами, которыми более всего гордятся англичане – способностью руководить другими и контролировать себя, умением сочетать свободу и порядок, общественным духом, энергией и мужеством, глубоким, но не рабским уважением к общественному мнению, любовью к здоровым видам спорта и физическим упражнениям» [2, с. 199].

Основные ценности и принципы педагогики, исповедуемые в этих школах, постепенно менялись. Тем не менее хорошие манеры их выпускников, стоицизм, преданность своему сословию, слепой жертвенный патриотизм британской империи всегда ценились выше определенных объемов знаний и умения их добывать. В известной мере эти традиции были продолжены и самыми престижными Оксфордским и Кембриджским университетами Великобритании. Особый «английский путь» развития состоит в том, что эта страна гораздо дольше других государств обходилась без профессиональной государственной службы. Служба Короне рассматривалась как «почетная обязанность благородных людей» и дело «талантливых любителей» для «удовольствия ее Величества». «Оксбриджский» принцип комплектования государственного аппарата объективно вступил в противоречие с требованиями времени. Только реформы 70-х годов XX века создали новый механизм пополнения гражданской службы специалистами с научной подготовкой и академическими степенями, талантливыми людьми из бизнеса. Для подготовки политико-административной элиты создан Колледж государственной службы (1970 г.).

Во Франции постоянный рост числа закрытых учебных заведений наблюдался после Великой французской революции, которая буквально смела на целое столетие все королевские университеты как опору старой власти. Кроме того, известный консерватизм и инертность университетского образования заставили государственную власть отдать предпочтение в подготовке кадров для государственной службы специальным учебным заведениям, взяв их под особый контроль и опеку первых должностных лиц государства. В период Империи по приказу Наполеона I была основана высшая элитарная Политехническая школа, ставшая на долгие годы своего рода «питомником» административной элиты. Мечтой императора было создание корпуса чиновников из самых одаренных людей, исповедующих идею служения общему благу и государственным интересам. Интересно, что из всех педагогических систем своего времени он отдавал предпочтение методам иезуитских школ. Уже в тот период римско-католическая церковь и ее организационная структура рассматривались в качестве образца идеальной бюрократии. Особо успешна была решена самая сложная проблема отбора и подготовки высших должностных лиц. Путь к высоким постам в церковной иерархии был открыт для наиболее одаренных представителей всех сословий, зависел исключительно от их характера, интеллекта и рвения. Не удивительно, что многие прелаты этой церкви были действительно выдающимися людьми, составляли достойную конкуренцию самым блестящим философам, ученым и государственным деятелям.

Завершился процесс создания такого рода закрытых учебных заведений в середине XX века. Около 70 высших административных школ во главе с Национальной

школой администрации (1945 г.) выведены из системы университетского образования и являются наиболее престижными государственными учебными заведениями Франции. Их элитарность достигается за счет практики многолетнего поэтапного отбора талантливейшей молодежи, жесточайших конкурсных испытаний, содержания и качества обучения, гарантий выпускникам постоянного места работы в государственном аппарате, высокого правового статуса и социальной защищенности. В силу этого обстоятельства французское чиновничество всегда претендовало на особое положение не столько наемных служащих государства, сколько одного из его воплощений, политико-административной, культурной и духовной элиты общества. Общественность Франции считает, в свою очередь, эти учебные заведения с их корневой системой подготовительных классов одним из лучших достижений национальной системы образования.

С задачами подготовки государственных служащих связано развитие науки государственного управления. В период новой истории учение об управлении переживало бурный период своего становления. В Германии и Австрии в XVII–XVIII веках оно получило название камеральной и полицейской науки. «*Kameralien*» в переводе с немецкого языка означает «наука государственного управления». А само слово происходит от позднелатинского «*camera*», что значит «оценочная палата» – орган охраны и управления имуществом курфюрста. Термином «*polizey*» – общие дела – называлась вся управленческая деятельность по ведению и сохранению прогрессивных отношений в экономике и обществе. Составными разделами полицейской науки являлись учение о населении, сельском хозяйстве, мануфактуре, транспорте, горном деле, образовании, здравоохранении, обеспечении бедных и др. Успехи в развитии этих наук привели к появлению в университетах специальных кафедр, первая из которых была создана в 1727 году во Франкфурте на Одере.

Кроме того, в соответствии с традиционным немецким подходом государство рассматривалось как «производитель и страж общих юридических норм». На этой основе в ходе подготовки специалистов уделялось повышенное внимание управленческому (в основном административному) праву. А профессия юриста предоставляла наилучшие возможности для работы в государственном аппарате. Названная «юридическая монополия» была отменена законом только в 1953 году. Наравне с юридическим образованием основанием для занятия государственных должностей было названо высшее образование в сфере экономики и общественных наук. Однако квалификация юриста до настоящего времени дает известные преимущества в служебной карьере, особенно на должностях высшего уровня государственной службы.

В Великобритании теория государственного управления отдает предпочтение формально-юридическому описанию государственных институтов. Основное внимание уделяется изучению государственного управления, административного права, государственной службы. Французской школе государственного управления принадлежит приоритет в области формирования институциональной концепции государства. Она оказалась более гибкой по сравнению с его чисто юридической трактовкой, позволяет формулировать конкретные рекомендации по развитию государственной администрации, повышению служебной роли государственного аппарата по отношению к обществу.

Однако наибольшей известностью и популярностью пользуется американская школа государственного управления («*public administration*»). Интегрировав в себя достижения классической школы управления, научной школы «человеческих отношений», поведенческих наук, теории систем, концепций «мягкого мышления», «организационной кибернетики», «ситуационного мышления» теория государственного управления, как самостоятельное научное направление в рамках политологии, заложила основания для изучения деятельности правительственной администрации. Тем самым были созданы необходимые условия для перехода от эмпиризма к научному управлению общест-

вом, формирования современных моделей подготовки государственных служащих. В Международной стандартной классификации всех видов экономической деятельности, Международной стандартной классификации образования ООН, Статистической классификации экономической деятельности ЕС государственное управление рассматривается в качестве самостоятельного вида общественно-экономической деятельности, сферы науки и подготовки специалистов.

Основные модели подготовки

Обычно выделяют три классические модели подготовки государственных служащих: *англосаксонскую, французскую и немецкую*. Их особенности и тенденции развития проанализированы в наших более ранних научных публикациях [3; 4]. Различия между этими моделями связаны со спецификой существующих систем государственной службы и механизмов формирования кадрового потенциала государственных органов.

Англосаксонская модель не обуславливает поступление на государственную службу особой предварительной подготовкой и глубокими знаниями в области управления. Резерв кадров составляют выпускники многочисленных университетов. Отобранные на службу путем открытых конкурсных испытаний, они получают дополнительное профессиональное образование. В США подготовка специалистов по государственному управлению была начата впервые в 1924 году в Сиракузском университете. В настоящее время в этой сфере занято около 250 университетов, при которых открыты школы, колледжи и факультеты государственного управления. В Канаде первые программы по специальности государственное управление появились в 1936 году в Делхаузском университете.

Широко известные учебные программы МРА и МВА реализуются в качестве второго уровня университетского образования (магистратуры). Школа государственного управления имени Дж. Кеннеди Гарвардского университета (США), например, предлагает три магистерские программы. Магистерская программа по государственному управлению рассчитана на 2 года. Осуществляется подготовка специалистов для занятия должностей в государственном и частном секторе. Соискатели должны иметь высшее образование по экономике, политологии или менеджменту, трехлетний стаж работы по специальности и три рекомендации от руководителей с последнего места работы и преподавателей университетов, где они получили базовое образование. Ежегодно принимается обычно 50–60 студентов, средний возраст которых составляет около 30 лет. Вторая магистерская программа по государственному управлению и международному развитию обеспечивает подготовку специалистов в сфере международных отношений и торговли. Претенденты должны обладать хорошими знаниями по экономике, математике, управлению. Кроме трех рекомендаций для подтверждения уровня своей квалификации они должны предоставить специальную вступительную научную работу. Третья магистерская программа рассчитана на опытных профессионалов, занимающих высшие руководящие должности в правительстве, государственных учреждениях и компаниях. Кандидаты оцениваются на основании академических достижений, служебной карьеры и профессионального опыта, трех рекомендаций. Средний возраст претендентов составляет обычно около 40 лет. С 1997 года Школа предлагает и особую программу для приобретения ученой степени доктора по государственному управлению. Отбор осуществляется из числа лиц Службы высших руководителей, которые могут предложить проект важной научной значимости и обладают способностями его реализовать.

Принципиальные изменения в подходах к подготовке произошли в 80-х годах XX века. Бурное развитие науки государственного управления, накопленный опыт подготовки магистров в этой сфере деятельности, полная определенность с набором

основных и дополнительных учебных курсов, решение проблем их научно-методического обеспечения позволили принять решение по подготовке специалистов с высшим образованием, которые получают степень бакалавра в области государственного управления. Дискуссии по поводу допустимости и оправданности таких программ подготовки и их содержания продолжаются до настоящего времени. Однако это вовсе не мешает многим университетам уже в течение почти двух десятилетий готовить специалистов для поиска работы в государственном секторе и на государственной службе. Такая подготовка, с одной стороны, востребована со стороны молодежи, открывает хорошие перспективы для профессиональной карьеры. С другой стороны, она одобряется обществом, служит делу привлечения на государственную службу представителей талантливой молодежи, повышает активы государственного сектора и сферы услуг.

Французская, элитарная модель обеспечивает подготовку немногочисленного, но высококвалифицированного административного персонала, административно-политической элиты государства. Высшие административные школы готовят служащих для всех корпусов государственной службы. Так, Национальная школа администрации занимается отбором и подготовкой кадров для высших чиновников Государственного совета, Счетной палаты, Общей инспекции финансов, Генеральных инспекций Министерства внутренних дел, Генеральной инспекции по социальным вопросам, Министерства иностранных дел, административных и апелляционных административных судов, супрефектов. Проводятся одновременно три типа конкурсов. Внешний конкурс проводится для всех кандидатов в возрасте до 28 лет с дипломами о высшем образовании. Внутренний конкурс предназначен для лиц в возрасте до 47 лет, имеющих высшее образование и не менее 5 лет стажа эффективной работы на государственных должностях. Третий тип конкурса проводится для кандидатов на обучение из числа депутатов органов местного самоуправления или работников с опытом профессиональной деятельности в любой сфере в возрасте до 40 лет. При этом для всех участников второго и третьего типа конкурсов независимо от полученного ранее базового высшего образования организуются подготовительные циклы обучения сроком 1–2 года. Вступительные экзамены отличаются большой сложностью, включают десять испытаний и итоговое собеседование, в ходе которого выясняются мотивы поступления на государственную службу.

Немецкая модель подготовки отличает системное единство подготовки юридически образованной элиты в классических университетах и многочисленного среднего и низшего слоя государственных служащих в специальных высших школах государственного управления. Профессиональная подготовка будущих служащих из числа студентов университетов, желающих работать в государственном секторе, проводится наиболее интенсивно на последних курсах обучения. В отличие от обычных студентов они сдают дополнительно специальный государственный экзамен, организацией которого занимается федеральное правительство. Далее начинается подготовительная служба продолжительностью 1–2 года, в ходе которой осуществляется повышение квалификации путем участия в служебной деятельности соответствующих государственных органов. Квалификационный экзамен в конце такого практического обучения открывает доступ ко всем профессиям государственной службы.

Одновременно университеты и специальные учебные центры во всех перечисленных странах обеспечивают должностную и функциональную переподготовку и повышение квалификации государственных служащих. Созданы для этих целей многочисленные институты, колледжи, школы и факультеты. Это наиболее динамичные формы обучения, которые призваны решать актуальные кадровые проблемы государственных органов, обеспечивать высокий уровень профессионализма государственно-

го аппарата. Тенденции обновления учебных программ в этой сфере связаны с переходом от общего содержания и разъяснения основ государственной политики к планированию переподготовки и повышения квалификации, реализации целевых профессиональных программ обучения всех категорий государственных служащих задачам, функциям и технологиям управленческой деятельности. Широкий набор профессиональных программ и тематических семинаров, предлагаемый вузами, позволяет размещать государственный заказ на конкурсной основе среди наиболее успешных учебных заведений, привлекать для их реализации лучшие силы преподавателей и специалистов.

Зарубежный опыт организации подготовки кадров для органов государственного управления позволяет определить основные тенденции, закономерности и принципы этой деятельности. Все учебные заведения работают в тесном взаимодействии с органами государственного управления. Для поддержания стандартов профессиональной деятельности, качества подготовки и содержания учебных программ в области государственного управления созданы Американская ассоциация по государственному управлению (1939 г.) и Национальная ассоциация школ государственных дел и управления (1969 г.), Канадский институт государственного управления (1947 г.) и Канадская ассоциация программ по государственному управлению (1987 г.). Это неправительственные организации ассоциативно-самоуправляемого характера. Они действуют в рамках государственно-общественных лицензионно-аккредитационных систем и играют решающую роль в определении и контроле стандартов профессионального обучения специалистов.

В Западной Европе специальные учебные заведения для подготовки государственных служащих обычно подчинены высшему государственному руководству, а по статусу и престижу стоят выше университетов. Национальная школа администрации и 5 ее региональных институтов во Франции, Высшая школа государственного управления в Италии, Колледж государственной службы в Великобритании подчинены непосредственно премьер-министру. В Германии Федеральная академия государственного управления находится в ведении министерства внутренних дел. Национальный институт государственного управления Испании подчинен министерству государственного управления. Во Франции и Великобритании названные учебные заведения имеют статус исполнительного государственного органа, а их работники являются государственными служащими.

Подобный подход во многом характерен и для стран Центральной и Восточной Европы. Премьер-министрами курируются Национальная школа государственного управления в Польше, Институты государственного управления в Литве, Латвии и Эстонии, Высшая школа государственного управления в Венгрии. В Беларуси, России, Украине и Казахстане Академии государственной службы и государственного управления подчинены президентам этих государств.

Развитие Болонского процесса, лидерами которого стали университеты Бельгии, Нидерландов и Швеции, реализация стратегического лозунга «Европа знаний» для повышения международной конкурентоспособности континента и его граждан привело к активному заимствованию опыта США. В процесс подготовки специалистов по государственному управлению стали больше привлекаться классические университеты. Однако они по-прежнему ориентированы на массовую подготовку специалистов для поиска работы в государственном секторе и сфере государственного управления. Для повышения качества стандартов образования в рамках единой Европы созданы Ассоциация институтов и школ государственного управления Центральной и Восточной Европы, Международный институт административных наук, Европейская ассоциация научных организаций для местных и региональных властей, Европейская ассоциация по государственному управлению и Европейская аккредитационная ассоциация.

ция по государственному управлению. Для координации деятельности и общего решения проблем действует специальный комитет по государственному управлению Организации экономического сотрудничества и развития. Результатом усилий по формированию единого европейского административного пространства стало создание Европейского института государственного управления в Маастрихте и Европейской академии управления в Киле.

Следует особо подчеркнуть, что подготовка государственных служащих везде рассматривается как целенаправленная государственная политика, а не любительское занятие, отданное на откуп учебным заведениям. Цели и задачи подготовки, направления образовательной политики, критерии отбора слушателей и требования к выпускникам определяются государственными органами. В Великобритании, например, национальные стандарты пересматриваются каждые три года. Постоянно растут затраты на подготовку кадров. Они составляют в среднем от 4 до 10% от фонда оплаты труда государственных служащих. Трехгодичное обучение в Высшей школе государственного управления в Германии составляет 150 тыс. евро. Трехдневный семинар в британском Колледже государственной службы обходится слушателям в 800 фунтов стерлингов, а 1–1,5 годичная магистерская подготовка в 20 тыс. фунтов стерлингов. В этой связи многие государства предпочитают смешанные способы централизованного и децентрализованного финансирования, а часто и самокупаемость такого рода учреждений образования. Самокупаемость характерна для Великобритании, Нидерландов, Финляндии и других скандинавских стран. Государственным, но самокупаемым учебным заведением является, например, Финский институт государственного управления, подчиненный министерству финансов. С проблемами рационального использования инвестиций в развитие кадрового потенциала государственных органов связана практика распределения выпускников (Германия, Франция и др.), компенсация затрат на подготовку при уходе с государственной службы.

Цели подготовки

Общими целями и задачами обучения государственных служащих являются совершенствование административной системы, управленческой деятельности государственного аппарата, укрепление кадрового потенциала государственных органов. Они обычно конкретизируются с учетом роли и ответственности государственных органов, классификации должностей и функций специалистов, реальных потребностей в обучении различных категорий государственных служащих.

В США, например, цели обучения и направления деятельности учреждений образования связаны в настоящее время с реализацией административной реформы и трех главных социальных программ правительства по созданию безопасной и здоровой Америки, сильной экономики и самого сильного правительства в области менеджмента. Лидерство Америки связывается с задачами достижения интеллектуального и организационного превосходства над другими странами за счет создания гибких административных структур, развитие превентивного менеджмента для предотвращения потенциальных общественных проблем, расширение информационного обеспечения и сервиса для граждан с помощью компьютерных технологий, создания электронного государственного управления. Во Франции цели обучения определяются курсом на децентрализацию и деконцентрацию государственного управления, в Германии – на де бюрократизацию государственного аппарата. Общими для стран Центральной и Восточной Европы являются задачи ускорения демократических и рыночных реформ, кадрового обновления государственного аппарата и создание корпоративной административной культуры в соответствии с новыми принципами развития государства и общества.

Актуальной проблемой является разработка механизмов прямых и обратных связей между государственными органами и учебными заведениями, их постоянный прямой диалог. Почти полная децентрализация системы образования в США и автономия университетов вовсе не мешают проводить единую государственную политику. Государственные органы выступают в качестве основных заказчиков и потребителей образовательных услуг. За ними и общественностью всегда остается последнее слово в оценке содержания и качества подготовки, поддержке наиболее преуспевающих учебных заведений. Гарантиями качества и защиты интересов государства и общества являются постоянное внимание к прогнозу потребностей в управленческом образовании для регулирования рынка труда. Обеспечена преемственность обучения, удобная и нормативно закрепленная система уровней образования для полной ясности в вопросах трудоустройства выпускников. Стандарты базовых знаний, умений и навыков для каждой ступени определены в национальных программах сертификации студентов. Система аттестации часто отделена от кафедр и других учебных подразделений университетов, осуществляющих обучение. К специалистам в области государственного управления предъявляются повышенные требования. Большинство программ предназначены для лиц, готовящихся к государственной службе или имеющих опыт работы, претендующих на дальнейшую успешную служебную карьеру. Образовательные программы отбираются на открытых конкурсах, реализуются обычно в лучших университетах страны. Они сертифицируются специальными государственными органами и профессиональными ассоциациями по структуре, содержанию, дидактике, научно-методическому обеспечению, их востребованности в системе государственных органов, финансовому, материально-техническому и кадровому обеспечению учебных заведений.

В западноевропейских странах часто используется так называемый диагностический подход. Он базируется на оценке требований к системе государственного управления и идентификации на этой основе учебных целей программ подготовки. Достижение целей оценивается на основании результатов анкетирования слушателей, отзывов об их работе со стороны работодателей и населения. Широко практикуется направление в учебные центры на руководящие должности и для научно-педагогической деятельности высших управленческих кадров, хорошо знающих проблемы административной системы.

Содержание программ обучения

Значительные отличия между странами в выборе типа учебных заведений и моделей подготовки государственных служащих не исключают некоторых общих подходов к определению содержания обучения. Основой для успешной служебной карьеры выпускников Оксфорда и Кембриджа, Гарвардского и Токийского университетов считается фундаментальное и многопрофильное базовое образование, междисциплинарный подход к содержанию учебных курсов. Особый акцент сделан на экономической, правовой и политологической подготовке. В Великобритании основу учебных программ составляют 71% гуманитарных и 28% социальных дисциплин, в США – 43% естественнонаучных и 17% социальных дисциплин, в Японии – 69% правовых и 14% естественнонаучных дисциплин, в Германии – 65% правовых и 16% экономических дисциплин. Слушателям французских административных школ предлагаются учебные курсы по экономике, финансам, политологии, социологии, праву, государственному управлению. Преимущества имеют также учебные предметы, в которых происходят особо быстрые изменения: социальная политика, планирование и организация, управление персоналом, информационные технологии.

Важным направлением деятельности по оптимизации программ обучения являются специальные исследования потребностей государственных служащих в опреде-

ленных знаниях, умениях и навыках. Они определяются путем анализа должностных требований и инструкций, результатами экспертных опросов. Создаются так называемые кластеры деятельности, которые служат критериями для отбора кандидатов на обучение, перечня изучаемых учебных курсов, форм и методов обучения, его продолжительности, профессорско-преподавательского состава, методик оценки качества образования. Часто учитываются и более сложные критерии, связанные с оценкой состояния и перспектив развития социума и систем управления. Это позволяет работать с упреждением, ориентируясь на цикл развития управленческих профессий. На XVI международном конгрессе по подготовке высших государственных служащих (2001 г.) отмечалось, что в течение XX века в содержании учебных программ произошла значительная эволюция акцентов: от доминирования юридического и политологического подходов, через финансово-экономический к лидерскому, менеджерскому подходу.

Отдельные учебные заведения совмещают обучение государственных служащих с активными научными исследованиями проблем государственного управления. Приоритет Гарвардского университета, например, связан, прежде всего, с достижением динамического баланса между преподаванием, научной и консультационной деятельностью профессорско-преподавательского состава. «Проектное» обучение завершается часто защитой диссертаций. Научную степень доктора государственного управления присуждают в США 11 университетов, а в Великобритании – 3 университета. В Канаде присуждается ученая степень доктора философии по государственному управлению. Одновременно эти вузы обеспечивают подготовку профессорско-преподавательского состава для системы подготовки государственных служащих.

Особо следует отметить тенденцию к усилению роли государственных органов, заказчиков и потребителей образовательных услуг, на определение основных направлений учебной политики. На международных конгрессах по проблемам обучения государственных служащих постоянно подчеркивается важность расширения связей между подготовкой и продвижением по службе, профессионально-практической направленности обучения, освоения современных методов образования взрослых с увеличением учебного времени на выполнение практических задач и моделирования рабочих ситуаций с использованием хорошо оправдавшего себя в бизнес-образовании метода case study. Содержание и продолжительность обучения зависят также от предшествующего базового образования, должности и характера деятельности государственных служащих, отраслей, регионов и уровней управления.

Много внимания уделяется подбору профессорско-преподавательского состава. В США и Канаде большинство университетских программ подготовки реализуют штатные преподаватели. Постоянные работники занимаются разработкой программ, их научно-методическим обеспечением, организацией обучения, контролем его качества. Во Франции и Германии основная ставка делается на приглашаемых преподавателей. Соотношение между штатными преподавателями и совместителями составляет 1:4. Высокий статус учебных заведений часто слабо сказывается на оплате труда профессорско-преподавательского состава. Она обычно значительно ниже, чем в частном секторе. Это компенсируется мерами морального и материального поощрения: общественным положением, отнесением к категории государственных служащих, наградами, специальными доплатами за сложность и ответственность деятельности. Поэтому подготовка, подбор и аттестация преподавателей, соотношение постоянных работников и совместителей, оценка результативности и эффективности их деятельности – предмет особой заботы учебных заведений и государственных органов, в ведении которых они находятся.

Подводя итоги, следует отметить, что наука и искусство государственного управления являются результатом многовековых усилий лучших представителей по-

литической и правовой мысли, ученых и практиков в этой важнейшей сфере социальной деятельности. Освоение этого наследия позволит в полной мере воспользоваться опытом других стран для формирования собственной национальной модели подготовки государственных служащих, создания сильного государства и повышения эффективности управления социально-экономическими процессами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Искусство власти : сб. в честь проф. Н.А. Хачатурян. – СПб. : Алетей, 2007. – 512 с.
2. Ливен, Д. Аристократия в Европе 1815–1914 / Д. Ливен ; под ред. М.А. Шерешевской. ; – СПб. : Академический проект, 2000. – 364 с.
3. Герменчук, В.В. Подготовка государственных служащих в зарубежных странах. – Минск : Академия управл. при Президенте Республики Беларусь, 2005. – 296 с.
4. Герменчук, В.В. Политика и государственная служба. – Минск : Академия управл. при Президенте Республики Беларусь, 2008. – 313 с.

Hermenchuk Viktor V. Training of civil servants (government officials): models, Structures and Technigues

The article examines the main tendencies and stages of historical development of the system of training of civil servants (government officials). Public administration is regarded as a specific sphere of professional activities, a branch of science and direction of personnel training.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 20.09.08

УДК 316.75. 32

Б.М. Лепешко

ИДЕОЛОГИЯ БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВА: НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

В статье рассматриваются ключевые категории, аспекты темы «идеология белорусского государства». Среди них понятие «национальная идея», взаимосвязь дефиниций «идеология» и «государство», понимание связи между ценностями, идеалами и практикой государственного строительства. Характеризуется процесс формирования идеологических предпочтений в белорусском государстве, основные этапы этого развития. Проанализированы практические действия по формированию идеологии белорусского государства.

1.

Разговор об идеологии белорусского государства – менее всего дань традиции. Дескать, что ж это за суверенное государство, которое не в состоянии «выстроить» идеологическую составляющую своего существования и об этом громко не сказать. Нет, аргументация здесь носит более фундаментальный характер. Идеологию в двадцатом, нынешнем веке можно и нужно рассматривать в более широком контексте, как своего рода мировоззренческую платформу духовного развития, системный базис, на основе которого возможно адекватное понимание социальных процессов.

Рождение суверенного белорусского государства поставило во главу угла именно эти вопросы: на основе каких идеологических предпочтений целесообразно рассматривать государствообразующие процессы? Они, эти процессы, «обязаны» чем-то идеологии, или она «вторична», в том смысле, что лишь рождение государства подразумевает рождение идеологии? Какая связь существует между ценностями, идеалами и практикой строительства суверенного государства? Можно ли утверждать, что национальная идея, о содержании которой сломано с только копий, является «ядром», сутью идеологии? Идеология вторична по отношению к иным формам социального бытия или же обладает неким приоритетом, априорной заданностью?

Общеизвестно, что идеология – это не только «теория», не только «доктрины». Идеология – это и эмоции, убеждения. Но идеология – это и определённая практика, сущность которой, как будет показано, может достаточно далеко «отлетать» от базовых, умоэзрительных предпочтений. Вообще говоря, в сугубо теоретическом плане вряд ли можно выстроить жёсткую схему, на основании которой возникает понимание связи «теории» и «практики». То есть вот «писаная» идеология, нечто вроде набора социальных, мировоззренческих, духовных догм: будь добр – приводи в соответствие с ними жизнь. Такого не бывает. Однако и недооценка такого рода связи может привести к плачевным результатам. Здесь диалектика в чистом виде: противоречия, взаимовлияние, движение к новому качеству.

Более того, несомненной ошибкой является взгляд, согласно которому идеологию, систему идеологических предпочтений можно свести исключительно к духовным, гуманитарным составляющим. Скажем, рассуждают об «определяющей роли религии». Или – про «доминанту образования и культуры». Очень часто, например, и сугубо экономические достижения могут быть столь «идеологичны», что определяют весь комплекс социальных приоритетов. Собственно, из этого исходил К. Маркс в своей известной теории.

Конечно же, может возникнуть, в связи с такой постановкой вопроса, закономерное опасение: а не чрезмерно ли мы расширяем сферу идеологического? Тем более, что достаточно часто мы можем слышать сегодня такие модные словосочетания, как «идеология внешней политики» и «идеология инновационной деятельности», «идеология образования» и «идеология культуры». Безусловно, любое понятие может быть истолковано как расширенно, так и узко. В рамках наших размышлений мы будем исходить из приоритета государствообразующих процессов. То есть идеология будет интересовать нас не сама по себе, а в контексте формирования и развития белорусского суверенного государства. И первый вопрос здесь можно сформулировать так: как же формировалось представление о сути идеологии белорусского государства за два последних неполных десятилетия? С чего всё начиналось?

2.

Основное, на что хотелось бы сразу обратить внимание, так это на тот факт, что идеология белорусского государства, даже если это государство XX – начала XXI веков и формально насчитывает 17 лет, не может быть сведена исключительно к современности. По понятным причинам: идеология не появляется «вдруг», как птица Феникс из пепла. Идеология есть прямое следствие всего предшествующего развития нации. В каком-то смысле будет справедливо утверждать, что над идеологией суверенного белорусского государства «трудились» наши предки из XV, XVI и последующих веков. Самый яркий пример – такая известная национальная черта, как толерантность. Попробуйте «выключить» из идеологического оборота исторические, психологические предпосылки толерантности: многочисленные войны, грабежи, конфессиональные противоречия, предательство национальных элит. Ведь не получится, не правда ли. Хотя бы потому, что мы уже в генной памяти несём в себе и те хаты, которые спалили немцы, и те партизанские леса, в которых пряталась деревенская родня, и то непонимание, которое порождали аристократы, меняющие религию, как перчатки. Другими словами, толерантность как предпосылка и эмоционально-психологическая составляющая идеологии белорусского государства не придумана теоретиками, а сформировалась на протяжении веков национальной истории.

Когда в начале 90-х годов была сделана известная попытка, предложить гражданам страны идеологическую модель, основанную на жёстком национальном акценте (язык, культура), критическом осмыслении истории православия и превращении униатства в национальную религию, политической, культурной дистанцированности, несмотря на некоторые условности, от России – всё это вызвало протест, в том числе и на уровне стихийном. То есть протестные настроения первоначально коренились не столько в борьбе идеологий, сколько в менталитете. Ведь, если разобраться, то тогда, в самом начале 90-х годов, сознательно увлечь себя «доктринами» могли позволить лишь немногие. Скажем, убеждённые «партийцы», люди, ангажированные либо идеей, либо уже осознанными интересами. В ситуации выживания, в которой оказалась молодая страна, массовые решения часто принимались неосознанно, но эта неосознанность вовсе не означала, что оснований для того или иного решения не существовало вовсе. Именно поэтому тот государственный выбор, который в итоге был сделан, оказался жизнеспособным. А те настроения, которые захватили часть населения в постперестроечный период, не выдержали проверку временем. Они, эти настроения, исчерпались, истончились, как исчерпался, истончился слой тех людей, которые заявляли себя «спасителями нации».

3.

Видимо, мы вправе утверждать, что тогда, на самом раннем этапе формирования национальных идеологий, как минимум, две из них сформировались в некоторой мере и получили относительно полное развитие. Причём у них, этих идеологов, внешне были некоторые общие черты. Например приоритет национального государства и национального развития в системе национальных предпочтений. Этот принцип заявлялся вообще всеми идеологами без исключения. Однако, если представители одной из идеологий, назовём её условно «государственной», уже тогда «тяготели» к союзной философии, союзной риторике и союзной экономике, то представители второй, обозначим её тоже очень условно – «национальной», больше акцентировали внимание на факторах сугубо национального характера. Так, например, понятия «дружба народов», «интернационализм» теоретиками «национальной» идеологии вообще не принимались во внимание, фактически подвергались обструкции. Зато «государственники» сразу же заявили о видении национальных перспектив в интеграционном пространстве, причём не только с восточным соседом. Представители второй из обозначенных нами идеологий выглядели своеобразными «идеологическими интровертами»: внутреннее содержание определяло суть озвученных максим. Представители первой были «экстравертивны» по сути: современный мир полифоничен, а потому не может быть адекватно понят в категориях исключительно национального.

Конечно, нельзя не учитывать, что теоретический компонент идеологии тогда оправдывает своё существование, когда овладевает массами. А очень часто бывает так, что рациональный фактор уступает место фактору эмоциональному, рассудочное туснеет перед стихийным, чувственным. Вспомните феномен «похорон» коммунистами собственного идеологического кредо, да и самой коммунистической партии на известных заседаниях Верховного Совета в 1991 году. Ведь парадокс: большинство членов парламента уступает без боя меньшинству. Да, агрессивному, да, чувствующему своё превосходство в аспекте «сиюминутном», психологическом, но меньшинству. Многие позже, объясняя этот факт, говорили о «сумерках сознания» и, очевидно, к этому можно прислушаться. Но есть и иное: идеология оказалась не укоренённой в сознании, её носители допускали, очевидно, существование «двух истин», «двух правд» (одну – официальную, а другую – для внутреннего употребления), но раз так, то и жаловаться нечего. Да и «сумерки сознания» в данном случае интересны разве что для психоаналитиков.

Здесь хочется сразу же подчеркнуть весьма важную мысль: власть должна иметь убеждения и быть способной защищать их. Получается, что представители коммунистической партии в том Верховном Совете (или большинство из них) не имели убеждений. А о защите принципов речь уже не идёт. Это, пожалуй, аксиоматично. Но главным является иное: убеждения должны быть присущи власти на любом этапе государственного строительства. Как только место убеждений занимают лозунги или уверения в преданности, задача предельно усложняется.

4.

Но вернёмся к нашим идеологам. Повторим: для «государственной» было присуще уважение к традиции, стремление сохранить ценности советского периода, понимание важности и необходимости союзной философии и социальной практики. Среди функций преобладала конструктивная. Для «национальной» на первом месте была функция деструктивная, поскольку главной задачей идеологов этой формации было разрушать: советские привычки, советские предпочтения, советскую психологию, советскую общность людей. Концептуальное содержание идеологии акцентировалось на приоритете национального. Причём «национальное» рассматривалось как «диктат духовности», под которым понимались, главным образом, язык и культура. В частно-

сти, именно тогда принимались жёсткие решения по языку (обязательное его знание для лиц, преподающих, например, в университете, назначение на руководящие должности в высших учебных заведениях только после проверки на «языкопригодность» и т. д.).

Отметим: несложно увидеть черты общности между практикой строительства национальных государств, скажем, у наших соседей, народов Прибалтики, и той концепцией, которая в своё время предлагалась нам. Но здесь важно упомянуть и о принципиальных отличиях. Что бы и как не утверждали теоретики «национальной» концепции, реальную государственность на нашей территории со всеми её атрибутами мы действительно создали только в конце XX века. Мы не знали до сих пор практики относительно длительного развития в рамках национальной государственности. Такой школы мы не прошли. Конечно, были сильные государственные центры, было Полоцкое княжество, но века прошли, а наш народ жил то ли в составе Великого княжества Литовского, то ли Речи Посполитой, то ли Российской империи. И это сказалось как на менталитете нации, так и на её исторической памяти: связь времён в ряде случаев действительно ощущается с трудом, и нужны усилия не одного поколения, чтобы ощутить историческое единство нации. В этом контексте необходимо максимально избегать деструктивных идеологий: нам необходимо не разрушать, а созидать, именно эта задача является определяющей для национальных идеологов. Деструкция – роскошь, для нас непозволительная.

Кроме этого, несложно увидеть, что практика, воплощение в жизнь идеологием, близких отечественной «национальной», в странах Прибалтики, привела в ряде случаев к последствиям, которые нельзя назвать приемлемыми для нас. Скажем, выезд из страны русскоязычных «не граждан», в том числе специалистов, известные судебные споры о признании гражданами лиц, приехавших в страну после второй мировой войны, героизация национальных фашистских воинских подразделений и т. д. Сложно согласиться с такими возможными последствиями реализации уже «национальной» идеологии. Да и абсолютное большинство населения нашей страны такую возможность отвергло.

Важно и то, что чувство близости, как кровной, так и исторической, духовной, с другими восточнославянскими народами не позволило нам безответственно растратить все те достижения, которые накоплены нашими отцами и дедами. Это чувство позволило нам выжить в трудные 90-е, мало этого, оно создало важный и эффективный потенциал движения вперёд.

Но здесь необходимо остановиться вот на какой мысли. Несложно заметить, что первоначально в числе наших идеологических предпочтений преобладала союзная философия и такая же практика. Строительство Союзного государства стало не просто целью нашего диалога с Россией, но и сердцевиной идеологической концепции. «Пролистайте», к примеру, основные внешнеполитические инициативы нашего государства с конца 80-х и до начала нынешнего тысячелетия: «союзная» идеология превалирует и в чувствах, и в мыслях. Тот союз, который строился с Россией, в какой-то мере был ностальгическим союзом. Однако главное было в ином: обоим народам было что выигрывать в случае успешного завершения союзного проекта. Эта цель, очевидно, сегодня никуда не пропала, она не дезавуирована, и усилия по наполнению Союзного государства реальным содержанием остаются большими. Однако в середине первого десятилетия нового века почувствовалась, проявилась и иная тенденция, сформировалась иная философия: строительство Союзного государства не снимает, а, пожалуй, усиливает, обостряет важность задачи построения суверенного государства.

В выступлениях Главы государства всё чаще стала звучать мысль о важности реального построения суверенного государства. А это значит – армия, налоги, управленческая элита, система образования, развитие национальной культуры, эффективная

внешняя политика. Несложно заметить, что именно эти «кирпичики» суверенного государства выстраивались эффективно и последовательно.

Могут спросить: а причём здесь идеология? Конечно, если идеологию понимать узко, исключительно как систему взглядов, идей, то место для национального государства здесь усматривается с трудом. Разве что в виде «идеи государства». Но если понимать идеологию как единство теории и практики, как реальные усилия конкретного социума, то строительство суверенного национального государства здесь – это и основной компонент, и то, что мы смело можем назвать национальной идеей.

5.

Здесь, очевидно, необходимо сказать несколько слов о нашем понимании национальной идеи. Вопрос первый: она, национальная идея, есть обязательный атрибут суверенного государства или же можно вполне благополучно существовать без неё? Если «навскидку» обратиться к истории и современному состоянию различных государств мира, то обнаружить национальную идею не так просто. Она ведь не заявлена в официальных документах, более того, многие успешные страны слабо представляют такого рода необходимость. И варианты решения этой проблемы предлагаются разные.

США, например, предложили свою национальную идею – демократию – в качестве идеологической концепции, которую они предлагают всем народам, независимо от цвета кожи и вероисповедания. Один из парадоксов здесь заключается в том, что национальная идея претендует на роль глобальной доктрины. Пожалуй, это логическая ошибка: национальная идея не может быть одновременно интернациональной. Но это к слову. Франция, Швейцария «персонифицируют» национальную идею: это Жанна д'Арк и Вильгельм Телль. Чтобы конкретизировать суть национальной идеи, очень часто прибегают к разного рода предикатам. Например, «Святая Русь», «славная, весёлая Франция», «пуританская, ригористичная Англия» и т. д. Но всё это, как можно понять, очень условно.

Очевидно, здесь речь идёт о двух вещах. О том, что для многих стран определение национальной идеи не является первостепенной национальной задачей и что такая задача выдвигается на первый план в государствах молодых, развивающихся и желающих заявить о себе. Да и то не во всех. Мало этого, можно предположить, что столь напряжённые поиски национальной идеи – особенность именно славянского менталитета. Если сразу говорить о последнем замечании, то, пожалуй, лишь нам свойственно с особым упорством искать ту неосязаемую субстанцию, которая называется «русским духом», «славянской идеей» и т. п. Появление, кстати, таких крупных художников, как Ф. Достоевский, Л. Толстой именно в России – не случайность. Нигде, пожалуй, уровень «самокопания», даже откровенного духовного самоистязания не был так высок. И сверхзадача этого истязания – национальная идея, «русская идея». Иногда возникает такая мысль: национальная идея необходима национальной элите для оправдания собственного существования. Для русских мыслителей, начиная с XIX века, такая мысль вообще становится преобладающей. Кто только из крупных теоретиков не писал о «русской» или «национальной» идее (чаще – первой): и славянофилы с западниками, и классик русской и мировой философской мысли Вл. Соловьёв, и Н. Бердяев, А. Мережковский, С. и Н. Трубецкие, В. Розанов, П. Флоренский... И смысл откровенный был один: в чём предназначение русского народа, к чему он, этот многомиллионный народ, призван в истории?

Можно предположить, что подобные вопросы «задают» себе те страны и народы, которые относительно позже вступили на путь цивилизационного развития. Скажем, в Англии такого рода споры места практически не имели и вовсе не потому, что осознание национальных приоритетов было не актуально. Просто всё делалось «вовре-

мя»: ввремя была пройдена школа либерализма и ввремя произошло расставание с иллюзиями эпохи Просвещения, ввремя были созданы первые университеты и ввремя осуществлена «битва за парламент». Тогда же, когда всё впервые, впервые задаётся и вопрос о смысле национального существования.

Теперь вторая часть разговора о национальной идее: что называть таковой применительно к современному этапу развития нашего общества, нашей нации? Здесь слово «современный» не лишнее: оно показывает историчность «национальной идеи», возможность её трансформации. Представляется, что бытующие в ряде сегодняшних книг размышления о том, что национальной идеей белорусов является «осмысление бытия белорусского этноса», «национальной идентичности и самости» и т. д., является верным лишь на уровне высокой степени обобщения. То есть это верно, но «вообще». Если же идею конкретизировать, то мы получим «белорусскую государственность» как национальную идею. Процесс строительства суверенного государства как национальную идею.

Ведь можно сколько угодно рассуждать об «идентичности», но если эта идентичность не имеет формальных, организационных, государственных форм, то грош цена этой идентичности: она останется прекраснотдушным мечтанием. Можно сколько угодно «осмысливать» историю белорусского этноса, но без государственных «скреп» это осмысление останется теоретическими достижениями, но не более того. Национальная идея тогда имеет смысл, когда она не просто осознана, а когда есть все предпосылки к её реальному воплощению в жизнь.

Могут спросить: ну вот, государство наше национальное построено, о чём не раз заявлялось, значит ли это, что национальная идея «умерла»? Вспомним: мы уже говорили об историчности феномена «национальная идея». Ведь вот, например, немецкие идеологи в XIX веке в стремлении к объединению выдвинули идею единства немецкой нации? Выдвинули. Но вот Германия объединилась – и что дальше? Да ничего: возникают новые идеи, да и та, которая реализована, достаточно долго «работает», поскольку её реализация – не одномоментный акт. Точно так же и у нас. Построение суверенного белорусского государства – задача не только сегодняшнего дня. В качестве примера могу привести «борьбу за суверенитет»: ведь, как получается, суверенитет надо защищать, как политическими, так и идеологическими, а уж в крайнем случае – военными средствами. Так что данная национальная идея будет базисной не только для нынешнего поколения белорусов. А если будет исчерпана, придёт понимание новых задач, будут выдвинуты новые идеи, новые идеологии, достижение, реализация которых станет целью уже будущих поколений.

6.

А теперь имеет смысл охарактеризовать нынешнее состояние идеологической составляющей государственной политики. Что же лежит в её основе? Как отметил Президент страны А.Лукашенко на 3 Всебелорусском народном собрании (2006), стержнем национальной идеологии является социальная справедливость и патриотизм. Обратимся к этим ключевым характеристикам.

Социальную справедливость как базисный принцип идеологии современного белорусского государства нет необходимости понимать по аналогии с основами жизнедеятельности, скажем, утопийцев из бессмертного произведения Т. Мора. Вот объявили об этой самой справедливости, а если не получилось – мы не виноваты. Дело как раз в том, что принцип социальной справедливости тогда чего-то стоит, когда наполняется конкретным содержанием. Имеет ли это место в белорусском государстве? Да, имеет. И тогда, когда государство заявляет о борьбе с бюрократизмом всеми доступными ему методами. И тогда, когда объявляется реальная война коррупционерам всех мастей.

И тогда, когда демографическая политика, «подпитываясь» бюджетными ассигнованиями, активно влияет на рост народонаселения. И тогда, когда строятся дворцы спорта, ледовые арены, когда появляются новые больницы и открываются университеты. Социальная справедливость – меньше всего лозунг. Это как раз то, что мы называем практикой идеологической работы.

Что касается патриотизма, то его основное содержание также не сводится к абстрактным лозунгам. Вообще, что это значит – любить Родину? Да и вопрос кажется надуманным, поскольку все, кроме откровенных космополитов и мизантропов, родину любят. Тут весь вопрос в деятельном участии в тех делах, которые сегодня представляются приоритетными. Когда-то, как мы помним, быть патриотом значило, что надо идти на фронт, в партизаны, встать к станку, словом, всё для победы, которая поэтому и пришла. Несколько позже патриотизм выражался в таких известных делах, как покорение, освоение целины, геологическая и космическая разведка, машиностроение и сельское хозяйство – словом, страну надо было поднимать из руин, её и подняли из пепла и грязи.

В эпоху перестройки и сразу же после неё понятие патриотизм было девальвировано. Многие утверждали, что быть патриотом – это значит разрушать созданное, стряхнуть, так сказать, со своих ног прах тоталитаризма. Но, как получилось, с водой выплеснули и ребёнка: всё то, что было предметом гордости не одного поколения советских людей, оказалось изгаженным, оболганным, вывернутым наизнанку. Вот так и получилось, что понятие «патриотизм» в середине 90-х годов вновь надо было наполнить конструктивным содержанием.

Что здесь было и стоит на первом месте? Конечно, речь идёт о новом качестве патриотической работы, связанном с появлением и укреплением суверенного белорусского государства. Если раньше страна была большая, СССР, если когда-то на первое место выдвигался интернационализм как основополагающий принцип идеологической и практической деятельности, то теперь государственные границы заметно сузились. Да и рядом с интернационализмом появился и окреп новый принцип: национально-государственного строительства. Кстати, для людей старшего поколения, тех, кто родился в СССР, существовал определённый психологический дискомфорт, связанный с изменением масштабов государственного образования. Ведь очевидно: психология, например, рядового американца, представляющего сверхдержаву, и психология рядового, скажем, исландца, живущего скромно во всех смыслах, кроме материального, это – разные уровни психологии. Впрочем, этот дискомфорт был достаточно быстро преодолён.

Таким образом, сегодня новое качество патриотической работы связано с конкретными задачами национального строительства. То есть, если речь идёт, например, о приоритете инновационной деятельности в развитии страны, то научный труд, инновационная деятельность становятся той работой, которая патриотична по своей сути. И молодой программист, решающий важные научные задачи, предпочитающий работу в отечественной «Силиконовой долине» американским грантам, патриотичен даже тогда, когда это слово вслух и не произносится. Кстати, одно другому вовсе не противоречит. Имею в виду гранты и работу на родине.

Вообще говоря, здесь нужно избегать догматизма в чистом виде. То есть иногда утверждают: уехал молодой человек на заработки за границу, значит, он «не патриот». Это – неправильный подход. Патриотом можно быть и за тысячи километров от родины. Точно так же крики о патриотизме ещё не дают права утверждать чей-то особый патриотический статус. Всё достаточно тонко, и критерием здесь может быть реальный вклад в процесс государственного строительства. Вот, скажем, в 2008 году миссмира объявлена россиянка, студентка из Тюмени. Казалось бы, причём здесь патриотизм? А ведь весь город ликовал, люди чувствовали гордость и за свою землячку, и за самих

себя. Чувство собственного достоинства, кстати, из этого же источника. Что уж тут говорить о студентах нефтегазового университета, где учится лауреатка. В этом же ряду – белорусские реалии. Скажем, победы борисовского футбольного клуба БАТЭ сделали для патриотического воспитания больше, чем сотни прочитанных лекций. Хотя и лекции, конечно, читать надо.

Насколько помню, доктор экономических наук, руководитель успешного сельскохозяйственного предприятия А. Скакун особенно не заявляет о своём патриотизме. Но для этого самого патриотизма он делает столько, что его вклад сложно переоценить.

Однако сводится ли современная практика идеологической работы исключительно к названным двум принципам?

7.

Конечно, нет. Вообще практика идеологической работы не уместается в какие-то формальные границы. Нельзя сказать: вот это – идеология, а вот это – нет. Иногда строительство забора на селе у одинокого старика может быть сильнейшей идеологической акцией. А запланированное мероприятие с громким «идеологическим» названием закончиться провалом.

Идеология – очень живое дело, и здесь даже планирование должно динамично корректироваться в зависимости от обстоятельств. Вот, скажем, финансовый кризис нынешнего года: какова здесь роль идеологических кадров? С одной стороны, понятно: речь идёт о разъяснении государственной политики, информировании населения. Здесь вообще важен основополагающий идеологический принцип: нет информации – придут слухи. Гораздо важнее говорить, нежели молчать. В идеологии молчание – исключение, нежели правило. Но и этого мало. Ведь нет никакой необходимости пугать людей перспективами того, что г-н Дерипаска или Потанин потеряет миллиард или два долларов. Намного важнее строить работу на позитиве: вот, открыт новый цех и появились новые рабочие места. Или: в селе появилась новая баня. Здесь, вообще, нет мелочей, более того, то, что актуально звучит в городе, не прозвучит в селе. Мы много говорили и говорили о дифференцированном подходе в идеологической работе, но ведь бывают случаи, когда подготовленный материал к единому информационному дню читается с одинаковым выражением в студенческой аудитории и на ферме.

Конкретные принципы идеологической работы рождаются жизнью, от неё и надо идти. Когда классик марксизма Владимир Ленин призывал «идти от жизни», он ведь, кстати, и сам от неё шёл. Вспомните X съезд РКП (б) и переход к новой экономической политике. Марксом ведь в этом переходе и «не пахло», отступление от идеологических канонов было налицо. Но что, кто-то и когда-то присягал этим самым идеологическим канонам? Идеология – это живое творчество масс. Здесь лозунг верен.

Lepeshko B.M. The ideology of Belarusian State: Some Problem Questions of Theory and Practice

In the article key categories, aspects of the «ideology of the Belarus state» theme are considered. Among them – “national idea” concept, interrelation of “ideology” and “state” definitions, understanding of communication between values, ideals and practice of the state building. Process of formation of ideological preferences in the Belarus state, the basic stages of this development is characterised. Practical actions of the Belarus state ideology formation are analysed.

УДК 101.316

Б.А. Мохамад

ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

В статье отмечается, что русская философия начала XX века характеризуется разнонаправленностью духовных поисков: развитие марксистской философии, философии «пола», философии космизма, религиозно-идеалистических концепций (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, С.Н. Трубецкой и др). В статье указывается, что базисом развития собственно русской религиозной философской идеи являются концепции славянофилов, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева. Особое внимание обращается на то, как соловьевские идеи о «всеединстве» нашли отражение в размышлениях русских религиозных мыслителей первой половины XX века, при этом отмечается, что некоторые представители «нового религиозного сознания» отвергали идеи философии всеединства (В. Розанов, Л. Шестов, Н. Лосский) и предлагали свои варианты антропологической философии.

Россия на рубеже XIX–XX веков находилась в переходном состоянии: с одной стороны, происходил быстрый распад патриархально-феодальных отношений, а с другой – медленное становление капитализма. «В России одновременно ужесточились три конфликта, в большей мере уже разрешенных на Западе: это был конституционный, рабочий и аграрный вопрос. Самодержавие лишилось социальных корней, и пустота, окружившая двор, драматически обнаружила себя во время Русско-японской войны» [1, с. 11].

Общественно-политическая мысль начала XX в. являла собой разнообразие школ и течений: почвенничество, народничество, марксизм, религиозно-идеалистическое направление, – каждое из которых предлагало свое понимание переходного момента и свой путь выхода России из сложившейся ситуации. Материалисты считали, что необходимо коренное изменение общественного строя; идеалисты видели выход в духовном совершенствовании своего внутреннего «я»; поздние славянофилы – в божественном спасении; либеральные демократы – в экономических реформах; религиозные мыслители предлагали в качестве альтернативы формирование «нового религиозного сознания».

Русская философия начала XX в. характеризуется разнонаправленностью духовных поисков:

1. Развитие марксистской философии (Г.В. Плеханов, А.А. Богданов (Малиновский), В.И. Ленин (Ульянов)).
2. Вопросы философии «пола» (В.В. Розанов).
3. Философия русского космизма (К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский).
4. Религиозно-идеалистические концепции (Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Л. Карсавин, С. Трубецкой и др.).

Многие представители русской интеллигенции сошлись на социалистических идеях, но затем отошли от марксизма, обнаружив его расхождение со своими внутренними нравственными установками. Мы согласны с мнением И.А. Ильина, который в статье «Изживание социализма» писал: «Почему русская интеллигенция тянула прежде всего к социализму? Потому, что она, почти утратив христианскую веру (под влиянием западного рассудочного «просвещения»), удержала христианскую мораль и хотела

Научный руководитель – О.А. Романов, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы

социального строя, т. е. свободы, справедливости и братства... Ей внушали, и она воображала, будто социализм есть единственно верный путь к социальному строю. Ныне наступает новая эпоха, которая положит в основание другое воззрение, а именно: социализм – антисоциален; искать социальности надо в ином новом строе» [2, с. 59]. Неслучайно в начале XX в. вершиной философского осмысления действительности считалось религиозно-идеалистическое направление, ярчайшими представителями которого являлись Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.Б. Струве, С.Л. Франк, Л. Карсавин и др.

Необходимо отметить, то базисом развития собственно русской религиозной философской идеи являются концепции славянофилов, Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева. Соловьевский идеал христианской религии, его идеи о «всеединстве», борьбе, достоинстве и правах человека нашли отражение в размышлениях русских религиозных философов первой половины XX в. Так, Соловьев писал, что нет разницы между церковью и костелом и весь мир должен объединиться на основе христианской религии. И вслед за ним Л.П. Карсавин считал, что русский идеал – это взаимное проникновение церкви и государства. «Но церковь представляет всеединство человечества как целое. Поскольку церковь разделена на западную и восточную, мы должны подождать всеединения церквей, прежде чем приступить к выполнению нашей общей задачи» [3].

Философия всеединства Соловьева оказала влияние на мысли таких философов, как Н.А. Бердяев, С.Н. Булгаков, П.А. Флоренский, Л.П. Карсавин, С.Н. Трубецкой и др. Необходимо отметить, что некоторые представители «нового религиозного сознания» (Н. Лосский, В. Розанов, Л. Шестов) отвергали идеи философии всеединства и предлагали свои варианты антропологической философии. Кроме того, на развитие религиозно-идеалистических концепций большое влияние оказала классическая немецкая философия, идеи Шопенгауэра, Ницше и др. В результате миграционных процессов русские мыслители оказали влияние на социально-философскую мысль таких стран, как Германия, Франция, Болгария и т. д.

Таким образом, русская религиозно-идеалистическая философия – это органический сплав различных философских идей и концепций. Как отмечает С.И. Булгаков, «не следует забывать, что в наш рационалистический век самая пламенная религиозная вера должна получить философское оправдание, закалиться в горниле философских сомнений. Поэтому философский идеализм есть необходимый путь к религии, он представляет собой станцию, которой не может миновать современный человек в своем стремлении к религиозному мировоззрению» [4, с. 382].

Очевидно, что к новому комплексу идей, составивших программу «духовного возрождения», русская общественность двигалась поэтапно, от критического преодоления материализма (прежде всего марксизма), рационализма и революционных традиций к идеализму, а через него и к религии. Конечным результатом должно было стать формирование религиозной философии, которая и составит фундамент нового мировоззрения, «нового религиозного сознания».

Мощным толчком для разделения русских философских идей и направлений стали такие общественно-исторические события, как февральская и октябрьская революции 1917 г. Четко выделялись два противоборствующие направления: марксистская, а позже советская, философия и религиозная философия. В Советском Союзе диалектический подход был провозглашен официальной философской доктриной, остальные философские направления позже были поставлены вне закона. В результате гонений против религиозных деятелей в 1922 г. многие известные философы и деятели культуры (Н.А. Бердяев, Н.А. Ильин, Н.О. Лосский, С.Н. Булгаков, С.Л. Франк) были высланы из Советской России.

Позднее в философской культуре русского зарубежья (первая революционная эмиграция) творчество религиозных мыслителей (сторонников идеалистических и метафизических концепций) определяет уже очень многое и вполне может быть признано ведущим на-

правлением. Так, прежде всего необходимо отметить влияние русских философов Н.А. Бердяева и Л.И. Шестова на возникновение и развитие экзистенциализма – философии существования. Центральным положением этой философии, является одинокий человек с его крайним индивидуализмом и раздвоенным сознанием.

Проблемы пола, святой плоти и социальной справедливости (Царства божьего), нацеленные на богоискательство, – главные в философии Д.С. Мережковского. Идея всеединства В.С. Соловьева нашла отражение в философии экуменического движения, ориентированного на объединение всех христианских церквей (главный теоретик – С.И. Булгаков). История как процесс смены системы ценностей различных культур (чувственной, рациональной, интуитивной) представлена в теории социальной мобильности и социальной стратификации (родоначальник – П.А. Сорокин). Кризис общества, по мнению Сорокина, порожден кризисом чувственной культуры из-за распространения материализма и науки. Высший же расцвет социума возможен только в рамках культуры интуитивной, прежде всего религиозной.

Таким образом, религиозно-идеалистическая философия, сформировавшаяся как реакция на социально-политическую обстановку рубежа XIX–XX веков, выступила философско-идеологической платформой новой культуры. По нашему мнению, религиозным философам свойственна творческая направленность деятельности во благо человека, выражающаяся в философско-этическом осмыслении происходящих в обществе процессов. Нельзя утверждать, что религиозно-идеалистическая философия носила универсальный характер и раскрывала все вопросы жизни. Мы считаем, что идеи религиозных философов были умеренно-теоретическими, не имеющими практической реализации.

В заключение необходимо отметить, что философско-историческое осмысление общественных процессов первой половины XX века предполагало закономерную связь пространства и времени с позиций разных школ и направлений. Обращаясь к истории России, русские философы задавались вопросом, что происходило в России в данный момент и какие пути развития могут быть у Российского государства. Мы считаем, что философские научные размышления о происхождении и изменении общественного порядка, анализ причин переломных моментов, поиск путей выхода из сложных ситуаций общества способствуют разрешению реальных проблем текущего исторического момента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Люкс, Л. Россия между Западом и Востоком / Л. Люкс. – М., 1993.
2. Ильин, И.А. Религиозная философия : сочинения в 2-х т. / И.А. Ильин // Т. 2. – М., 1993.
3. Карсавин, Л.П. Восток, Запад и русская идея / Л.П. Карсавин // Русская идея: ст. 1 / сост. М.А. Маслин. – М., 1992.
4. Булгаков, С.Н. О реалистическом мировоззрении / С.Н. Булгаков // Вопросы философии и психологии. – 1904. – Кн. 73.

Mohamad B.A. The peculiarities of the development of the Russian social philosophy in the first half of the XX century

The author points out that the Russian philosophy of the beginning of the XX century is characterized with the diversity of the religious research: the development of the Marxist philosophy; the philosophy of "sex"; the philosophy of cosmism; religious and idealistic ideas (N.A. Berdiaev, S.N. Bulgakov, L.P. Karsavin, S.N. Trubetskoi and others). In the article it is pointed out that the basis of the development of the Russian religious philosophical idea is the conceptions of Slavophiles, L.N. Tolstoy, Ph. M. Dostoevsky, V.S. Soloviov. Special attention is paid to the fact, how the ideas of Soloviov about "all-the-unity" were reflected in the thoughts of the Russian religious thinkers of the first half of the XX century. It is mentioned that some representatives of "the new religious consciousness" denied the ideas of the philosophy of "all-the-unity" (V. Rozanov, L. Shestov, N. Losskiy) and suggested their variants of anthropological philosophy.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 15.11.08

УДК 338.2

Л.П. Матюшков, М.Н. Григорович

ДИАГРАММНЫЙ МЕТОД ОЦЕНКИ СЛОЖНЫХ ОДНОРОДНЫХ ОБЪЕКТОВ

В статье рассматриваются подходы к отображению результатов комплексной оценки и графическому отображению для группы однородных объектов (продуктов, процессов) по заданному критерию. Предлагается метод оценки с использованием текущей информации, доступной исследователю. Параметры для оценки выбираются на основе целей исследования и экспертных данных. В качестве средства отображения результатов используется «радарная» диаграмма, формальные правила построения которой дополнены необходимыми механизмами. Данный подход может использоваться для отображения характера развития экономических процессов, сравнения однородных продуктов на рынке с проектируемыми аналогами и т. п.

Введение

Для предприятий, учреждений и научных организаций, функционирующих в условиях белорусской модели развития, очень важным является вопрос о перспективах эффективности использования результатов на основе различных оценок. В связи с этим должна учитываться и степень неопределённости прогнозирования. Особо сложным этот вопрос является для оценки эффективности будущих инноваций, в частности в новые технологии и технику. Для этого используется соответствующий инструментарий, элементы которого из-за сложности проблемы неизбежно опираются на экспертные оценки.

В связи с возрастающей ролью государственного регулирования инновационной деятельности возникает потребность в оценке эффективности использования результатов научных исследований, разработок и технологий, а также измерения эффективности процессов управления.

В настоящее время в науке существует множество методов описания изучаемых объектов, различных по своей природе, в частности, для трансформационных экономик [1; 2; 3; 4]. Сложность заключается в комплексном анализе этих объектов. Для комплексной оценки показателей в различных видах деятельности (социология, экономика, право, информатика и т. д.) чаще стали использоваться радарные диаграммы. В литературе они встречаются под разными терминами: радарная диаграмма, лепестковая диаграмма, а иногда из-за особенностей графического отображения называемая диаграммой-паутиной или диаграммой-звездой [2; 4].

Основные подходы к получению интегральных оценок

Главной проблемой при оценке процессов и объектов является отбор базовых свойств для их исследования, которые чаще всего выбираются экспертами или самим исследователем. Могут рассматриваться эти свойства как равноценные (с одинаковыми весами) или с присвоением им весов, сумма которых равна 1, а каждый из весов p_i лежит

в полуинтервале $(0;1]$, т. е. $\sum_{i=1}^n p_i = 1$ и $0 < p_i \leq 1$.

Показатели качества (объектов) по количеству характеризующих свойств могут быть единичными и/или комплексными. Базовый показатель качества – показатель качества объекта, принятый за эталон при сравнительных его оценках. Относительный показатель качества – отношение показателя качества оцениваемого объекта к базовому показателю качества, выраженное в относительных единицах. Комплексный показате-

тель качества – показатель качества объекта, относящийся к нескольким его свойствам. Разновидностью комплексного показателя качества является интегральный показатель – это комплексный показатель качества, отражающий отношение суммарного полезного эффекта от использования объекта по назначению к затратам на создание и использование объекта по назначению. Как правило, это так называемые существенные свойства.

При оценивании однородных объектов (продуктов, процессов) используются два квалиметрических метода: дифференциальный и комплексный.

Дифференциальный метод основан на сравнении единичных показателей качества рассматриваемого образца продукции с такими же показателями качества базового образца. Если необходимо оценить качество с точки зрения потребителя, то базовым является наиболее конкурентоспособный образец из рассматриваемых. Для расчётов выбирают ту формулу, при которой увеличение (уменьшение) относительного показателя соответствует повышению качества продукции.

Комплексный метод оценки уровня качества продукции осуществляется с использованием комплексных (обобщённых) показателей качества. Следует обратить внимание, что комплексная оценка не даёт представления об отдельных свойствах продукции. Комплексные показатели можно получать при разном сочетании единичных показателей. Поэтому комплексные показатели должны дополнять, а не заменять отдельные показатели качества.

Комплексный показатель характеризует совокупность взаимосвязанных свойств (сложное свойство) из всего множества свойств, образующих качество продукции, и выражается одним числом, что позволяет на практике сравнивать объекты (процессы) с таким же количеством базовых показателей. Он отражает такую совокупность свойств продукции, по которой принято решение оценивать её качество.

Расчёт комплексного показателя качества требует определения коэффициентов весомости единичных показателей.

Коэффициент весомости q_i иногда определяют по формуле:

$$q_i = \frac{a_i}{\sum_{j=1}^n a_j}$$

где a_i – сумма баллов, присвоенных всеми экспертами по i -му показателю качества;

$\sum a_j$ – сумма баллов, присвоенных всеми экспертами по всем показателям.

Уровень качества продукции – мера соответствия качества оцениваемой продукции качеству продукции, принятой за базовую (эталонную).

Во всех случаях, когда имеется возможность выявления характера взаимосвязей между учитываемыми показателями, следует определить функциональную зависимость. Она иногда выражается через экспоненциальную зависимость. В общем виде рассматривают функцию $Q = f(n, q_i, k_{vi})$, где Q – комплексный обобщенный показатель; n – число оцениваемых показателей; k_{vi} – коэффициент весомости i -го единичного показателя P_i .

Часто точную функциональную зависимость найти не удастся. Тогда используют различные типы средневзвешенных (арифметическое, геометрическое и др.) показателей качества.

С увеличением количества показателей качества трудоемкость оценки возрастает, а вот её объективность может повышаться несущественно, поэтому в состав оценочных рекомендуется вводить наиболее весомые показатели с точки зрения потребителя.

Эта проблема обусловлена тем, что, во-первых, корректное сравнение альтернативных вариантов по одному единственному показателю практически невозможно, во-

вторых, на практике очень редко встречаются ситуации, когда все показатели альтернативных вариантов упорядоченно «выстраиваются» в ряд и по ним легко ранжировать сравниваемые изделия.

Проблема преобразования многокритериальной задачи оценки качества в однокритериальную, как правило, решается одним из следующих способов:

1) умножением показателей качества или отношений показателей оцениваемого изделия и базового изделия на весовые коэффициенты и суммированием произведений (метод использования коэффициентов весомости);

2) присвоением каждому индивидуальному показателю качества баллов и суммированием их (метод балльной оценки);

3) переводом индивидуальных количественных показателей в качественные, приданием каждому уровню качества оценку в интервале от нуля до единицы и нахождением среднего геометрического значения по совокупности показателей (метод Харрингтона);

4) делением одного комплексного показателя изделия на другой, например результатов на затраты, производительность машины на суммарные эксплуатационные затраты и др.;

5) интегрированием измеренных показателей качества одним из известных способов, например «радар» или «профилей», в один числовой [7].

По мнению авторов, одним из перспективных направлений в оценке качества изделий является 5-й подход, который можно реализовать на основе радарных диаграмм.

Особенности использования метода комплексной оценки объектов на основе радарных диаграмм

Опишем общий механизм использования радарных диаграмм для оценки объектов и динамики экономических процессов. Основой диаграммы является некоторая группа избранных исследователем существенных показателей x_i ($i = \overline{1, n}$). Через показатель x_{ij} ($j = \overline{1, n}$) выражается значение для j -го объекта или процесса по показателю x_i . Все показатели x_{ij} нормируются так, чтобы их безразмерное нормальное значение y_{ij} лежало в полуинтервале $(0,1]$. Для этой цели необходимо обладать характеристиками лучшего известного исследователю объекта или процесса. Ввиду того, что все объекты и процессы непрерывно совершенствуются и их характеристики не всегда доступны, на практике можно ограничиться характеристиками текущего «идеального» объекта или процесса. «Идеальная» модель характеристик тогда включает все лучшие из известных параметров или, в крайнем случае, формируется из лучших параметров рассматриваемых или известных исследователю объектов и процессов. Тогда нормированный пока-

затель $y_{ij} = \frac{x_{ij}}{\max_j x_{ij}}$ или $y_{ij} = \frac{\min_j x_{ij}}{x_{ij}}$. Конкретная формула для y_{ij} выбирается из харак-

тера параметра x_{ij} . Если нарастание x_{ij} соответствует положительному эффекту (увеличение ВВП, рост доходов на душу населения и т. д.), то выбирается первая формула, а если нарастание x_{ij} соответствует отрицательному эффекту (затраты энергии и/или материалов на изделие и т. п.), то используется вторая формула.

После этого в круге единичного радиуса (масштаб единицы выбирается исследователем) из центра проводится « n » лучей. Если все показатели в весовом плане равноценны, то угол φ между всеми лучами одинаков и $\varphi = \frac{360^\circ}{n}$. Если же всем показателям x_i присвоены веса \mathcal{E}_i ($0 \leq \mathcal{E}_i \leq 1, \sum \mathcal{E}_i = 1$), проранжированные экспертами по их

важности, то $\varphi_i = 360^\circ \cdot \mathcal{E}_i$ и лучи проводятся по порядку следования с углами φ_i между соседними лучами. Далее на лучах j от центра откладываются показатели y_{ij} для каждого объекта по отдельности. Все верхние соседние точки соединяются прямыми линиями (отрезками), и площадь полученного многоугольника является комплексной характеристикой изучаемого процесса или объекта. Если сравнивается несколько объектов (1, 2, ..., k, ..., r), то каждый объект отображается аналогично и используются условные знаки в виде верхнего индекса y_{ij}^k и подбором цветов и/или типов линий (их толщина, штриховые, пунктирные и т. п.) многоугольника и т. п. Покажем на конкретном примере применение метода.

При затруднениях построения графической диаграммы в виде многоугольников, дающей хорошую наглядную картинку, можно ограничиться столбиковой или ленточной диаграммой, где площадь S_j каждого из многоугольников для процесса j может отображаться в избранном масштабе в виде прямоугольника. В этом случае можно воспользоваться математической формулой для подсчёта площади каждого из многоугольников по формуле:

$$S_j = \frac{1}{2} (r_1 r_2 \cdot \sin \varphi_1 + r_2 r_3 \cdot \sin \varphi_2 + r_{j0} r_{jn} \cdot \sin \varphi_j + \dots + r_{n-1} r_n \cdot \sin \varphi_{n-1} + r_n r_1 \cdot \sin \varphi_n) \text{ или}$$

её упрощённым вариантом при равных $\varphi = \left(\frac{360^\circ}{n} \right)$, когда $S_j = \frac{1}{2} \sin \varphi (r_1 r_2 + \dots + r_n r_1)$,

где $r_j = y_{ij}$, а φ_j – угол между r_j и r_{j+1} (за исключением φ_n (угол между r_n и r_1)), j изменяется от 1 до n , j – номер изучаемого процесса (изменяется от 1 до k при сравнении k объектов или процессов).

Выполним отображение информации для обоих вариантов на конкретном примере. Пусть имеются четыре показателя $x_i (i = \overline{1,4})$ для проведения комплексной оценки объекта (холодильника). Проиллюстрируем применение метода в двух вариантах отображения информации на примере выбора холодильника потребителем по данным x_i из электронных ресурсов [5; 6] в таблице 1 и её нормированной форме в виде таблицы 2 (первый вариант рисунка 1). Второй вариант по подготовке данных схож с первым. Он лишь дополняется таблицей 3, в которой приведены экспертные оценки \mathcal{E}_i весов для параметров x_i .

Таким образом оба варианта отличаются лишь составом исходных таблиц, а диаграммы для них строятся по одной схеме. Поэтому сразу зададим исходные данные в виде трёх таблиц.

Таблица 1 – Показатели основных характеристик холодильников

Модель	Объем холодильной камеры (л)	Объем морозильной камеры (л)	Мощность замораживания (кг)	Цена (бел. руб.)
Атлант ХМ-6026	278	115	15,00	1 585 250
Indesit BEAA 35 P GF	283	140	16,00	1 199 250
Bosh KGN 39A63	221	94	14,00	3 464 500
Ariston MBT 1911 FI/HA	280	118	14,00	1 865 500

Таблица 2 – Нормированные показатели

Модель	Объем холодильной камеры (л)	Объем морозильной камеры (л)	Мощность замораживания (кг)	Цена (бел. руб.)
Атлант ХМ-6026	0,982	0,821	0,938	0,757
Indesit BEAA 35 P GF	1,000	1,000	1,000	1,000
Bosh KGN 39A63	0,781	0,671	0,875	0,346
Ariston MBT 1911 FI/HA	0,989	0,843	0,875	0,643

Таблица 3 – Оценка экспертами весов Δ_i показателей x_i

Наименование показателя	Объем холодильной камеры (л)	Объем морозильной камеры (л)	Мощность замораживания (кг)	Цена (бел. руб.)
Веса Δ_i	0,2	0,2	0,3	0,3

На основе таблиц 1 и 2 построим радарную диаграмму для первого варианта (рисунок 1), приведём вычисления площади для неё в таблице 4 и рядом в соответствии с их величинами рейтинг объектов в виде занимаемого места.

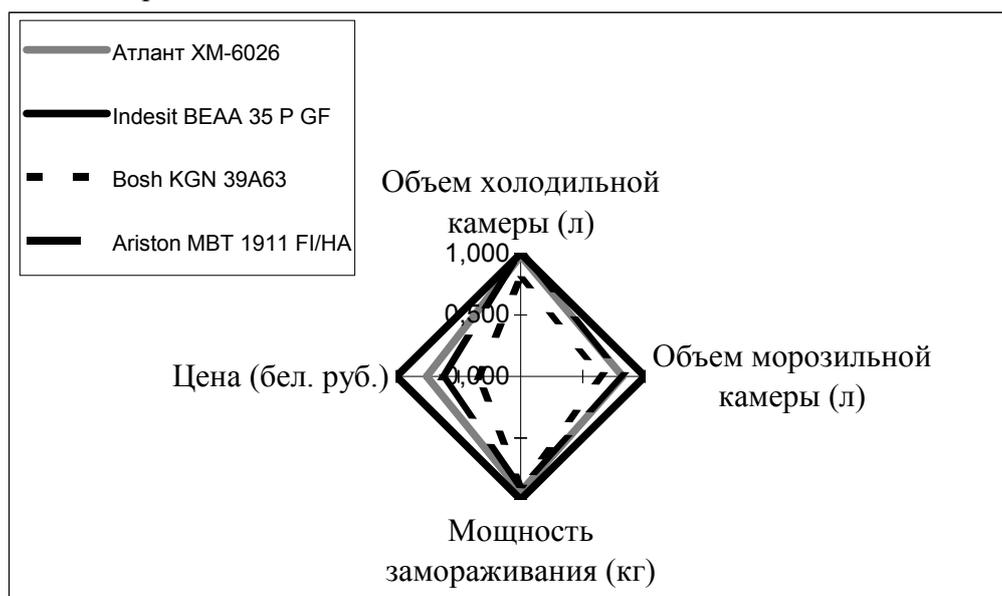

Рисунок 1 – Радарная диаграмма комплексной оценки холодильников

Таблица 4 – Площади и рейтинг холодильников

Модель	Площадь	Рейтинг
Атлант ХМ-6026	1,515	2
Indesit BEAA 35 P GF	2,000	1
Bosh KGN 39A63	0,843	4
Ariston MBT 1911 FI/HA	1,385	3

С учётом экспертных оценок Δ_i , используя таблицу 3 и формулу для расчета площадей для второго варианта, построим только таблицу 5.

Таблица 5 – Площади и рейтинг холодильников

Модель	Площадь	Рейтинг
Атлант ХМ-6026	1,441	2
Indesit BEAA 35 P GF	1,902	1
Bosh KGN 39A63	0,801	4
Ariston MBT 1911 FI/HA	1,317	3

Таблица 5 отражает аналогичные результаты с таблицей 4, так как разница между весами \bar{E}_i невелика.

Описанный здесь инструментарий получения комплексной оценки находит всё более широкое применение и в настоящее время вышел за границы первоначального использования для комплексной оценки качества. Его начали применять и для оценки инновационной деятельности, социальных процессов и др. [2; 4].

Нами сделана попытка сравнить общие выводы по данному методу с вычислением геометрических средних для этих же и некоторых других объектов (см. таблицу 6).

Таблица 6 – Средние геометрические и рейтинг холодильников

Модель	Средн.	Рейтинг
Атлант ХМ-6026	0,870	2
Indesit BEAA 35 P GF	1,000	1
Bosh KGN 39A63	0,631	4
Ariston MBT 1911 FI/HA	0,828	3

Из ряда экспериментальных расчётов получилось, что вычисление геометрического среднего по результатам из нормированных показателей не позволяет во всех случаях ранжировать объекты в том же порядке, как и при использовании радарной диаграммы. Однако радарная диаграмма является более удобным инструментом, когда надо управлять процессом улучшения объекта (например, при создании альтернативных вариантов при проектировании и модернизации объектов или улучшении процессов управления). Автоматизация расчётов в этом случае позволяет быстро оценивать в диалоговом режиме предложенные улучшения отдельных параметров и оценивать целесообразность этих улучшений с позиций увеличения затрат.

Выводы

Из анализа приведённых нами источников и результатов исследования можно сделать вывод о перспективности использования метода радарных диаграмм в самых различных областях. Метод вычисления комплексной оценки на основе геометрических средних показывает, что в простейшей модели рейтинги объектов могут совпадать или при достаточно близких значениях площадей незначительно отличаться. Гораздо большие расхождения могут дать оценки с учетом экспертных оценок \bar{E}_i , когда они имеют значительный разброс.

При проектировании новых объектов данный метод эффективен для рассмотрения различных вариантов с целью выявления лучшего. Кроме того, в отличие от других методов оценок, описанным способом, легче сопоставить затраты на реализацию различных вариантов, так как улучшение избранной характеристики x_i и её влияние на изменение площади для варианта k имеет свою цену.

Метод может использоваться и для предварительных оценок при выборе нового оборудования, приобретаемого у разных фирм, с целью модернизации производства.

В управленческой деятельности с помощью метода можно оценивать динамику комплексной оценки развития объекта или процесса за заданный период. В этом случае радарная диаграмма может строиться для избранного процесса для каждого момента времени в отдельности и тогда легко отслеживать характер его развития (улучшение или ухудшение).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Макроэкономика : учеб. пособие / А.В. Бондарь, [и др.]. – Минск : БГЭУ, 2007. – 415 с.
2. Никитенко, П.Г. Ноосферная экономика и социальная политика: стратегия инновационного развития / П.Г. Никитенко. – Минск : Беларус. наука, 2006. – 479 с.
3. Никитенко, П.Г. Политико-экономические и организационные преобразования в экономике Беларуси – императив нового качества экономического роста / П.Г. Никитенко // Проблемы управления. – 2008. – №2(27). – С. 25–31.
4. Матюшков, Л.П. Измерения в системе государственного регулирования экономики / Л.П. Матюшков, Н.И. Зайцева // Институциональная экономика – теоретическая основа современных прикладных исследований : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Развитие прикладных экономических исследований на основе институциональной теории и методологии», Брест, 29–30 апр. 2008. – Брест : БрГУ, 2008. С. 200–202.
5. Закрытое акционерное общество «Атлант» [Электронный ресурс] / Закр. акц. общ. «Атлант». – Минск, 2009. – Режим доступа : <http://www.atlant.by/>. – Дата доступа : 18.01.2009.
6. Торговый дом «На Немиге» [Электронный ресурс] / Торг. дом. на. Немиге. – Минск, 2009. – Режим доступа : <http://www.td-nanemige.by/>. – Дата доступа: 18.01.2009.
7. Фасхиев, Х.А. Анализ методов оценки качества и конкурентоспособности грузовых автомобилей // Методы менеджмента качества. – 2001. – № 3. – С. 24–28.
8. Фатхутдинов, Р.А. Конкурентоспособность: экономика, стратегия, управление. – М. : ИНФРА-М, 2000. – 312 с.
9. Федюкин, В.К., Дурнев, В.Д., Лебедев, В.Г. Методы оценки и управления качеством промышленной продукции / В.К. Федюкин, В.Д. Дурнев, В.Г. Лебедев. – М. : Информ.-издат. дом «Филинь», Рилант, 2001. – 328 с.

Matushkov L.P., Grigorovich M.N. Chart method of the estimation of difficult homogeneous objects

The article deals with approaches to representation of integrated assessment result and graphic representation for a group of homogeneous objects (products, processes) according to a specified criterion. The method of assessment that incorporates current information available for a researcher is suggested. Assessment parameters are chosen according to research objectives and expert data. “Radar” diagram, which formal rules of plotting are supplemented with necessary mechanisms, is used as a means of results representation. Given approach can be used to represent the character of economic development, to compare homogeneous products on the market with the projected analogues etc.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 23.01.09

УДК 330.111.4

С.А. Кристиневич, А.М. Омелянюк

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

С переходом к инновационной экономике возникает новая форма богатства, трансформирующая всю его структуру. Качество человеческого капитала и степень его вовлеченности в общественное производство оказывают непосредственное воздействие на уровень национального богатства. В инновационном обществе человек представляет собой не просто «экономического человека», под которым понимается комплекс экономических функций и ролей, определяющих рациональное поведение человека в экономике индустриального типа, а многогранную личность как решающий фактор и главный ресурс общества с экономикой инновационного типа.

Такая трансформация общества приводит к тому, что труд начинает выступать в форме человеческого капитала. А сам человеческий капитал становится основным фактором инновационного развития экономики и социально-экономического развития страны.

Введение

Переход от индустриальной к постиндустриальной стадии экономического развития общества с неизбежностью порождает изменение роли и места человека в общественном производстве. Инновационная экономика переносит акцент с техноцентристской модели организации труда на антропоцентристскую, уделяющую все возрастающее внимание к проблеме инвестиций в человеческий капитал, в развитие творческой составляющей современного работника.

В экономической теории концепция человека, или модель человека, представлена в трудах Г. Беккера, Ф. Махлупа, Д. Белла, О. Тоффлера, С.А. Дятлова, Р.И. Капелюшников, С.А. Курганского и др. В.С. Автономов выделяет следующие характеристики «экономического человека» [1, с. 10]:

- человек, делающий выбор в условиях ограниченности доступных ресурсов;
- его предпочтения и ограничения являются факторами, обуславливающими данный выбор;
- человек, оценивающий, сравнивающий между собой альтернативы выбора;
- человек утилитаристский, руководствующийся своими собственными интересами и оценивающий выбор по последствиям для себя в будущем;
- человек, действующий рационально и максимизирующий свою целевую функцию.

Однако для третьего тысячелетия характерно принципиальное изменение структуры общественного производства и места человека в данной системе. И связаны эти изменения с тем, что «экономический человек» – это еще и человек, опирающийся на информацию при выборе решения, которая в условиях изменяющейся среды становится дополнительным ограничением.

В информационном обществе природа фактически устраняется из рамок трудовой и повседневной жизни, работа становится в первую очередь взаимодействием человека с человеком, а уже затем – с созданной им средой. На передний план выдвинулись такие свойства человека, которые недоступны машинам – умение концептуально мыслить и работать с нечеткими категориями, способность генерировать идеи, анализировать и т.п. А точнее будет сказать, что в инновационной экономике главная роль принадлежит личности со всеми вытекающими отсюда последствиями и для управления, и для стимулирования, и для образовательного процесса. Личность становится важнее организации, возникает новый тип работника, в связи с чем в развитых странах

происходит трансформация практически всех социальных, внутрифирменных, организационных и иных структур. Довольно явственно начинает просматриваться тенденция расслоения общества по уровню образования.

Происходящие изменения обуславливают актуальность данной статьи, которая ставит своей целью решение следующих задач:

1. Определить роль и место человеческого капитала в инновационной экономике.
2. Выявить качественные характеристики конкурентоспособного человеческого капитала.
3. Исследовать изменения в структуре потребностей человека в условиях инновационной экономики.
4. Выявить трансформации в структуре национального богатства при переходе на инновационную модель развития.

Человеческий капитал в системе инновационной экономики

Любой капитал подвержен износу, обесцениванию; человеческий – не исключение. Особенно быстро обесценивание человеческого капитала происходит в настоящее время в связи с ускорением темпов научно-технического прогресса. Перелом произошел в 60-х годах благодаря научно-технической революции, когда наука стала предметом прагматичного интереса среднего человека, а научно-исследовательские работы стали одним из главных элементов корпоративных и государственных стратегий экономического развития. В период индустриализации внедрение новых технологий и товаров происходило примерно один раз в 20–30 лет, во второй половине XX века средний жизненный цикл продукта или технологии сжался до 5–7 лет, а в ряде сфер и отраслей – до 2–3 [2, с. 203].

Так, уже сегодня при отборе сотрудников творческого склада учитываются следующие поведенческие характеристики [3, с. 201]:

- индекс интеллекта;
- профессиональная компетентность (глубокое понимание процессов, лежащих в основе вновь создаваемых технологических решений, достигаемое, как правило, годами напряженной учебы и личным опытом работы, одно из необходимых условий всякой попытки найти нетривиальное решение сколько-нибудь сложной проблемы);
- нешаблонность действий (понимается как устойчивая неспособность сотрудника в различных производственных ситуациях действовать общепринятым способом);
- самоидентификация (человек с творческим складом характера, как правило, осознает свои способности и имеет высокие профессиональные и материальные притязания).
- В инновационную эпоху к ним добавляются специфические характеристики:
- обладание навыками концептуального мышления;
- готовность к переменам;
- высокая работоспособность и адекватное понимание перспектив развития;
- готовность концентрироваться в короткие сроки ради достижения целей;
- готовность к работе с нечеткими границами и размыванием функций и множественностью путей решения.

Способность человека лавировать в море быстроменяющейся информации, его способность обрабатывать с помощью вычислительной техники огромные массивы информации и принимать на их основе стратегические решения по-новому ставят проблему соотношения развития человека и средств производства в пользу человека. Повышается значимость творческой составляющей его способности к труду.

В силу этого внутренняя самооценка человека, проявляющаяся в его творчестве, в экономике третьего тысячелетия приобретает решающее значение, не имея внешних

пространственно-временных ограничений. Ограничения заложены только внутри каждого конкретного индивида. И именно здесь заложено основное противоречие модели современного человека – человека как экономического социумного существа и человека как неэкономического и несоциумного существа одновременно [4].

В модели «экономического» человека его целевая установка достигается в ходе рациональной деятельности, направленной на максимизацию материального результата этой деятельности, используемого в текущем потреблении и передаваемого по наследству в будущем потреблении. Потребности человека осязаемы и соизмеримы, то есть по своей природе они – материальны. И то, что человек вошел в третье тысячелетие, живя в информационном обществе, не меняет сути дела.

Сама информация стала рассматриваться в экономической литературе не только в качестве связующего звена в международном разделении труда, но и как продукт и предмет труда, причем как продукт скоропортящийся, который необходимо постоянно совершенствовать для достижения целевой установки – максимизации прибыли. Однако именно переход с индустриальной на более высокую стадию развития меняет подход к человеку.

В неоклассическом подходе это нашло отражение в модели RREEMM (Resourceful, Restricted, Expecting, Evaluating, Maximizing Man – Испытывающий ограничения, Изобретательный, Ожидающий, Оценивающий, Максимизирующий Человек). Но и неоклассическая парадигма становится узкой методологической базой для исследования человеческого капитала, и места, и роли человека в современной экономике [5, с. 11].

В альтернативных моделях основной акцент переносится на мотивы поведения человека. К ним относятся модели человека ADON (Альтернативный, Дезинтегрирующий, Порождающий, Благородный человек) и SRSM – модель социологического человека [6, с. 82–89].

Одним из самых существенных и наименее изученных социальных явлений, отмечаемых Олвином Тоффлером как важнейший психологический фактор, нарушающий душевное равновесие современного человека, является нарастание ускорения. Человеку предстоит изыскать совершенно новые способы сохранения жизненной устойчивости, потому что «прежние его устои – религиозные, национальные, общинные, семейные и профессиональные трещат ныне под ураганным напором ускоряющегося темпа перемен» [7, с. 231]. По его словам, 2–3% мирового населения – это граждане супериндустриального общества. Специфическое их отличие состоит в том, что они уже включились в новый ускоренный темп жизни. Они «живут быстрее», чем окружающие. Такая ситуация получила название «эффекта Красной королевы» (персонаж из книги Льюиса Кэрролла «Алиса в стране чудес», которая говорила: «Здесь, чтобы остаться на прежнем месте, надо бежать изо всех сил»). Однако нарастающий темп жизни вступает в определенные противоречия со способностью человека к адаптации.

В. Иноземцев считает, что человечество вступило в качественно новый период развития цивилизации, где его субъектом становится уже не социум как таковой, не общность людей, спаянных однопорядковыми интересами, а совокупность индивидуумов, каждый из которых неповторим не только в своих действиях и поступках, но и в мотивах. Согласие с самим собой, осознание внутренней свободы уже сейчас становятся основными движущими силами прогресса [8, с. 173]. Эти выводы сделаны им на основе разграничения различных видов деятельности человека (work) и противопоставления двух его форм – труда (labour) и творчества (creative). Первое (labour) присуще человеку экономическому и определяется специфическими характеристиками:

- необходимостью;
- материальными потребностями;
- противостоянием Природе;

- однопорядковыми, но противоположными интересами;
- двухмерным пространством;
- экономическими законами.

Второе, то есть творчество (creative), присуще человеку неэкономическому и определяется другими характеристиками:

- внутренней потребностью;
- гармонией с Природой;
- нематериальными потребностями;
- многомерным пространством;
- неэкономическими законами.

Однако, понимая творчество как внутреннюю по своим мотивам рациональную активность, В. Иноземцев утверждает, что определить деятельность как труд или творчество может только сам ее субъект [8, с. 220]. Личность сама задает не только степень своего совершенствования и средства его достижения, но и само понимание того или иного направления развития личности как отвечающего ее потребностям.

Показательной в плане отражения различий между инстинктивной деятельностью, трудом и творчеством является таблица 1 [8, с. 222].

Таблица 1 – Различия между инстинктивной деятельностью, трудом и творчеством

Критерии	Инстинктивная деятельность	Труд	Творчество
Побудительные мотивы деятельности	внутренние	внешние	внутренние
Характер деятельности	неосознанный	осознанный	осознанный
Тип деятельности	биологический процесс	технологический процесс	самореализация личности
Содержание деятельности структуры	воспроизводство природы	воспроизводство социальной структуры	воспроизводство творческой личности
Тип полученного материального продукта	неотчуждаемый и невозпроизводимый	отчуждаемый и воспроизводимый	отчуждаемый и невозпроизводимый
Взаимоотношения между человеком и природой	человек как часть природы	человек противопоставлен природе	человек как воплощение природы

По мере становления инновационной экономики общество отходит от ориентации на количественный рост. Обусловлено это тем, что по мере насыщения традиционными материальными потребностями растет уровень его квалификации индивида, все большее место в его жизнедеятельности начинают занимать «нетрадиционные» потребности. Это, с одной стороны, проявляется в том, что, становясь все более сложным, наукоемким, производство предъявляет повышенные требования к работнику, к уровню его квалификации, а впоследствии и культуры. С другой стороны, повышая уровень своей культуры, индивид начинает предъявлять повышенные требования вначале к условиям труда, затем к условиям окружающей его среды в целом. Неизбежной становится социальная переориентация экономики. В ее ходе смена потребностей ведет к смене интересов, в которой во все большей степени возрастает доля внеэкономической (личностной) составляющей. Смысл этого явления таков. Рабочая сила перестает выступать лишь в роли «обслуживающего» экономического роста фактора. По мере изме-

нения «качества» индивида все большая совокупность формирующих это «качество» внеэкономических характеристик (образование, здоровье и прочие) интегрируется, превращаясь в своеобразный, но вполне реальный «капитал». А поскольку величина этого «капитала» непосредственно влияет на характер общественного воспроизводства, следовательно, и в структуре общественного богатства не может не происходить увеличение доли его внеэкономической составляющей. Генезис данного превращения представлен на рисунке 1 [4, с. 64].

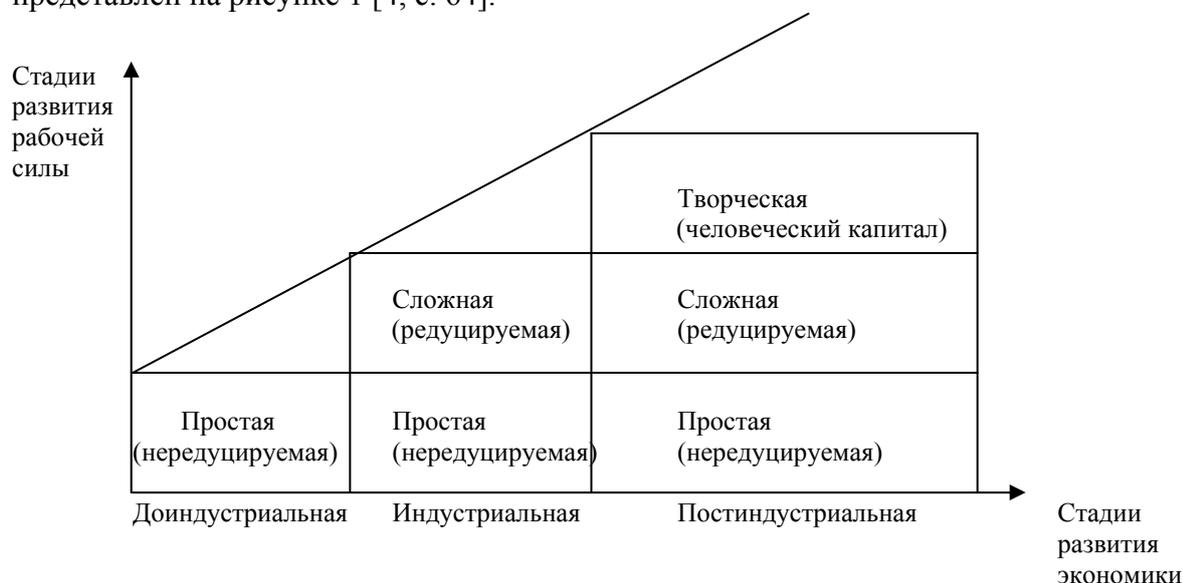

Рисунок 1 – Стадии развития рабочей силы

Таким образом, повышение «качества» индивида становится тождественным процессу накопления общественного богатства. Создается основа формирования новой, индивидуально-общественной системы интересов, в рамках которой увеличение доли личностной составляющей в структуре общественного богатства становится одновременно и условием, и конечной целью самого накопления. В итоге общественное богатство приобретает духовную форму своей реализации. Следовательно, в круг потребностей индивида входит интегральная совокупность условий его жизнедеятельности в целом. По мере повышения «качества» индивида государство оказывается вынужденным подчиняться личному, а в конечном счете, общественному интересу.

В инновационном обществе структура творческих производительных сил человека актуализируется все в большей степени в форме человеческих ресурсов. В инновационном обществе человек представляет собой не просто «экономического человека», под которым понимается комплекс экономических функций и ролей, определяющих рациональное поведение человека в экономике индустриального типа, а многогранную человеческую личность как решающий фактор и главный ресурс общества с экономикой инновационного типа.

Когда традиционные ресурсы и источники близки к исчерпанию, экономический рост все в большей мере обеспечивается за счет использования инновационных ресурсов, главным носителем последних, наряду с вещественными факторами, становится и человек, обладающий высоким уровнем образовательной, научной и специальной подготовки. В силу этого в современных условиях возрастает роль высокообразованной личности, способной не только воспринимать ранее накопленное знание, но и обобщать, анализировать, создавать новое в виде передовых научных идей, информационных технологий, услуг и продуктов [9, с. 497–519].

Сегодня в развитых странах ускоренно формируется инновационная экономика, позволяющая более половины ВВП формировать за счет наукоемкой продукции и услуг [10]. Инновационная экономика постиндустриального общества отличается от предшествующих общественных формаций по нескольким признакам [11, с. 168]. На стадии развития инновационной экономики объективированное в продуктах и услугах знание формирует большую часть создаваемой обществом стоимости. Этот процесс идет тремя путями. Первый путь – интеллектуализация используемых технологий, обеспечивая резкое повышение производительности труда. Второй путь – это рост наукоемкости самих товаров и услуг. Третий путь – доминирование на рынке собственно интеллектуальных товаров и услуг. Интеллектуальные продукты и услуги занимают все более значительное место на международных рынках.

Человечество в начале XXI выходит на очередную волну НТП, которая в ближайшие 25–30 лет приведет к кардинальной и принципиальной смене технологии производства и установлению нового технологического уклада. Этот технологический уклад будет базироваться на формировании интегрированных научно-инновационных систем и обеспечит качественное преобразование производительных сил, резкий рост производительности труда [12, с. 608].

В современных условиях комплекс производительных способностей и потребностей человека формируется в форме человеческого капитала, который превращается в комплекс творческих инновационных способностей и потребностей, характерных для инновационной стадии развития общества и функционирует в форме инновационных ресурсов. Человеческие инновационные ресурсы – это адекватная инновационной стадии развития общества форма выражения сущностных творческих сил человека, включенных в систему инновационной экономики в качестве главного фактора, обеспечивающего высокий динамизм и качество социального и экономического прогресса общества.

В соответствии с таким подходом человек выступает в инновационной экономике не только как средство, но и как конечная цель, как результирующий итог социальной и экономической сфер общественного развития. Социально-экономический прогресс – это прогресс для человека, движение человека к своей высшей исторической цели – свободной, творческой реализации [13, с. 287].

В инновационной экономике труд все в большей степени становится интеллектуальным, творческим процессом. В такой деятельности реализуются все ее внутренние побудительные мотивы. Главным здесь является совершенствование человеческих способностей, саморазвитие и самореализация личности, так как стирается грань между рабочим и свободным временем, затратами и результатами. Такая деятельность индивидуальна как по результатам, так и по мотивации. Однако определяющим мотивом для большинства людей выступает саморазвитие и самореализация их личности. Естественно, такой труд требует огромного накопления знаний, информации, многолетней отдачи всех сил своему делу. Его цель, в отличие от физического труда, принципиально меняется, ею становится инновация [14, с. 152].

Потребности и способности как составляющие человеческого капитала одновременно выступают как средства (экономические ресурсы), так и цели (конечные результаты) развития инновационной экономики. Поэтому принципиально новый подход к трактовке цели и главной проблемы инновационной экономики можно свести к следующим положениям [15, с. 15–16].

1. В инновационной экономике удовлетворение потребностей является не только целью (и результатом), но и средством (экономическим ресурсом), а реализация человеческих способностей – не только средством (экономическим ресурсом), но и целью (и результатом) ее функционирования. Реализация способностей индивида одновре-

менно означает здесь возвышение потребностей, а удовлетворение потребностей – возвышение способностей.

2. В инновационной экономике происходит все ускоряющаяся смена потребностей и способностей, способов производства и потребления. Удовлетворение потребностей в инновационной экономике обуславливает:

а) повышение степени реализации существующих способностей или прирост дополнительных способностей;

б) возникновение новых способностей.

Реализация производительных способностей обуславливает:

а) повышение степени удовлетворения существующих стандартных потребностей или прирост дополнительных потребностей;

б) возникновение новых потребностей.

3. Наиболее существенной особенностью современного инновационного процесса выступает формирование нового механизма мотивации деятельности. Если в рамках производящего хозяйства доминирующими являются утилитарные мотивы и стимулы, основанные на необходимости удовлетворения материальных потребностей (их и сегодня трудно переоценить), то в инновационной экономике формируются надутилитарные мотивы деятельности, вытекающие из стремления человека к самореализации, происходит изменение системы ценностей в направлении доминирования в ней целей совершенствования собственной личности.

С этой точки зрения под инновационной экономикой понимают экономику, в которой преобладает принципиально иной способ хозяйствования – инновационный, подчиняющий развитие всех отраслей и сфер. Суть этого принципа состоит в радикальном повороте, заключающемся в том, что главным источником различных инноваций начинают выступать наука и образование.

С переходом к инновационной экономике возникает новая форма богатства, трансформирующая всю его структуру. Качество человеческого капитала и степень его вовлеченности в общественное производство оказывают непосредственное воздействие на уровень национального богатства. Объем и структура национального богатства являются одной из основных характеристик развития общества, определяющих экономическую мощь страны.

Заключение

В целом можно сказать, что в инновационной экономике ведущим направлением развития общественного воспроизводства является качественное улучшение воспроизводства человеческого капитала, а не воспроизводство и накопление материальных составляющих общественного богатства.

Таким образом, можно сделать следующие выводы:

1. В инновационном обществе человек представляет собой не просто «экономического человека», под которым понимается комплекс экономических функций и ролей, определяющих рациональное поведение человека в экономике индустриального типа, а многогранную человеческую личность как решающий фактор и главный ресурс общества с экономикой инновационного типа.

2. Человек выступает в инновационной экономике не только как средство, но и как конечная цель, как результирующий итог социальной и экономической сфер общественного развития.

3. Наиболее существенной особенностью современного инновационного процесса выступает формирование нового механизма мотивации деятельности. Если в рамках производящего хозяйства доминирующими являются утилитарные мотивы и стимулы, основанные на необходимости удовлетворения материальных потребностей,

то в инновационной экономике формируются надутилитарные мотивы деятельности, вытекающие из стремления человека к самореализации, происходит изменение системы ценностей в направлении доминирования в ней целей совершенствования собственной личности.

Такая трансформация общества приводит к тому, что труд начинает выступать в форме человеческого капитала, а сам человеческий капитал становится основным фактором инновационного развития экономики и социально-экономического развития страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов, В.С. Модель человека в экономической науке / В.С. Автономов. – СПб. : Экономическая школа, 1998. – 576 с.
2. Николаева, Т.П. Информационная экономика и тенденции ее развития : дис. ... д-ра эк. наук : 08.00.01 / Т.П. Николаева. – СПб., 1999. – 354 л.
3. Скрыльникова, Н.А. Информационная экономика: концепция и социально-экономические трансформации : дис. ... д-ра эк. наук : 08.00.01 / Н.А. Скрыльникова. – Томск, 2003. – 378 л.
4. Новолодская, Г.И. Воспроизводство конкурентоспособного человеческого капитала : дис. ... д-ра экон. наук : 08.00.01 / Г.И. Новолодская. – Калининград, 2005. – 326 л.
5. Симкина, Л.Г. Человеческий капитал в инновационной экономике : автореф. дис. ... д-ра эк. наук : 08.00.01 / Л.Г. Симкина ; Санкт – Петерб. инжен.-экон. ин-т. – СПб, 2000. – 48 с.
6. Васильчук, Ю. Постиндустриальная экономика и развитие человека / Ю. Васильчук // *Мировая экономика и международные экономические отношения.* – 1997. – № 10. – С. 22–28.
7. Тоффлер, О. Столкновение с будущим / О. Тоффлер // *Иностранная литература.* – 1972. – № 7. – С. 58 – 84.
8. Иноземцев, В. За пределами экономического общества / В. Иноземцев. – М. : Academia, 1998. – 531 с.
9. Предмет и метод теории информационной экономики : сб. науч. трудов «Экономическая теория на пороге XXI в.» ; под ред. Ю.М. Осипова, [и др.]. – М. : Юристъ, 1998. – 453 с.
10. Инновационная экономика. ИМЭМО. – М. : Наука, 2002. – 589 с.
11. Климов, С.М. Интеллектуальные ресурсы организации / С.М. Климов. – СПб. : ИВЭСЭП, «Знание», 2000. – 489 с.
12. Стратегический ответ России на вызовы нового века / Л. И. Абалкин [и др.] ; под общ. ред. Л.И. Абалкина. – М. : Экзамен, 2004. – 694 с.
13. Ракитов, А.И. Философия компьютерной революции / А.И. Ракитов. – М. : Политиздат, 1991. – 235 с.
14. Симкина, Л.Г. Человеческий капитал в инновационной экономике / Л.Г. Симкина. – СПб. : СПбГИЭЛ, 2000. – 152 с.
15. Цыденова, И.С. Сбережения населения и их роль в формировании инновационной экономики : автореф. дис. ... канд. экон. наук : 08.00.01 / И.С. Цыденова ; Санкт-Петербург. инжен.-экон. ин-т. – СПб, 2006. – 26 с.

***Kristinevich S.A., Omelianiuk A.M.* The human capital and its social-economic role in the innovative economics**

With the transition to innovative economics there arises a new form of wealth, transforming its whole structure. The quality of human capital and the level of its involvement in the social manufacturing have direct influence on the level of national wealth. In the innovative society a man is not only «homo economicus», which is understood as the complex of economic functions and roles, determining the rational behaviour of a person in the economics of industrial type, but the diverse personality as the decisive factor and the main resource of the society with economics of innovative type.

Such transformation of the society results in the fact that labour is becoming to be used in the form of human capital. And the human capital itself is becoming the major factor of innovative development of economics and the social-economic development of the country.

Рукапіс паступіў у рэдкалегію 05.03.08

ХРОНІКА НАВУКОВАГА ЖЫЦЦЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «СОЦИОЛОГИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ», ПОСВЯЩЕННАЯ 150–ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Э. ДЮРКГЕЙМА

18–19 апреля 2008 года в Брестском государственном университете имени А.С. Пушкина прошла Международная научно-теоретическая конференция, посвященная 150-летию со дня рождения Э. Дюркгейма, организованная Министерством образования Республики Беларусь, Белорусским общественным объединением «Социологическое общество», кафедрой политологии и социологии и социологической учебно-методической лабораторией Учреждения образования «Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина». Организаторы конференции получили более 70 заявок от ученых из Беларуси, СНГ, Польши и Франции.

С приветственными посланиями к участникам конференции обратились заместитель министра образования Республики Беларусь Т.Н. Ковалева, доктор, профессор университета г. Ницца (Франция) М. Пикилнглтон, с приветствиями выступили доктор социологических наук, профессор Н.Н. Чурилов (г. Киев, Украина) и проректор Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина С.Г. Рачевский.

Заслушанные на пленарном заседании доклады задали общий тон конференции. С докладом «Место белорусской социологии в европейском и мировом научном пространстве» выступил доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета Д.Г. Ротман. В его выступлении был дан анализ тенденций развития мировой социологии, через призму конкретно-социологических исследований была показана панорама достижений и проблем отечественных социологов.

В докладе профессора Белорусского государственного университета культуры и искусств П.Г. Игнатовича «Э. Дюркгейм – виднейший представитель классической традиции в социологии» центральное место занял анализ теоретического наследия Э. Дюркгейма, которое, по мнению выступающего, требует дальнейшего прочтения, поскольку мысли классика и сегодня актуальны и современны.

Несомненный интерес вызвал доклад «Депривационная основа самоубийств» доктора социологических наук, профессора Могилевского государственного университета продовольствия Ю.М. Бубнова. В основу выступления были положены идеи Э. Дюркгейма, изложенные им в книге «Самоубийство», и конкретно-социологические исследования, проведенные Могилевским институтом региональных социально-политических исследований по проблемам суицида.

Кандидат философских наук, заведующий лабораторией социологических исследований Белорусской сельскохозяйственной академии В.С. Щур свой доклад посвятил проблемам девиаций студентов-аграрников.

Кандидат философских наук, доцент кафедры политологии и социологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина С.Т. Кавецкий в своем докладе «Концепция аномии Э. Дюркгейма и современное развитие» рассмотрел генезис и современное развитие аномальных явлений в трансформирующемся обществе.

В рамках конференции прошла работа трех секций. Работой первой секции «Э. Дюркгейм – классик мировой социологии» руководил доктор социологических наук Д.Г. Ротман. Предметом внимания участников секции стали отдельные теоретиче-

ские положения дюркгеймовской теории: социологизм, солидарность, социально-экономические и демографические процессы. Аналитическими, связанными с современностью были сообщения профессоров БрГУ имени А.С. Пушкина И.И. Котляра, В.В. Коклюхина, доцентов А.Г. Злотникова (Белорусский торгово-экономический университет потребительской кооперации), С.Н. Зень (Белорусский государственный экономический университет), Н.Г. Мысливец (Гродненский государственный университет имени Я. Купалы), О.Ю. Бреской (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина) и др.

Работа второй секции «Феномен аномии, отчуждения, девиантного (отклоняющегося) поведения» прошла под руководством профессора Ю.М. Бубнова и доцента С.Т. Кавецкого. Во многих выступлениях анализировались девиации и их разрушительные последствия. Дискуссионными, основанными на широком исследовательском материале, были сообщения кандидатов социологических наук Ю.Г. Черняк (Белорусского государственного университета), Т.А. Богуш (Гродненского государственного университета имени Я. Купалы), кандидата философских наук О.Г. Лукашовой (Институт социологии НАН Беларуси) и др. Особое внимание участников секции было уделено суицидальному поведению в современном мире и Беларуси в частности. Научный подход, на базе конкретно-социологических исследований, дал возможность раскрыть проявление кризиса социальной идентичности С.Н. Лихачевой (Региональный институт социально-политических исследований, Могилев), доцентам и преподавателям БрГУ имени А.С. Пушкина Е.В. Скакуну, Л.В. Переваловой, А.И. Шикуну, С.Г. Левкович, А.В. Северину и др.

Третья секция «Современная социология: тенденции, проблемы, перспективы» работала под руководством профессора кафедры уголовно-правовых дисциплин Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина В.В. Коклюхина и доцента кафедры политологии и социологии Г.В. Жук. Тематика сообщений данной секции широка и разнообразна. Особый научный интерес вызвали сообщения кандидатов философских наук Ю.В. Никулиной (Академия управления при Президенте Республики Беларусь), А.В. Климович и кандидата экономических наук В.С. Азарова (Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина) и др.

На заключительном пленарном заседании Е.В. Скакун, заведующий кафедрой политологии и социологии Брестского государственного университета имени А.С. Пушкина подвел итоги работы секций, на которых были высказаны ряд предложений по совершенствованию работы социологического сообщества, в частности, необходимости реализации преемственности социологических традиций, изучения аномальных общественных проблем, укрепления солидарности социологов.

Кандидат философских наук, доцент С.Т. Кавецкий

БІБЛІАГРАФІЯ

Гадавы паказальнік аўтараў часопіса

«Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя гуманітарных і грамадскіх навук» за 2008 г.

№ 1(32)/2008

Шаўчук І.І. Гуманітарныя навукі: вызначэнне паняцця	3–9
Здановіч У.В. Праблема калабарацыянізму ў працах айчынных навукоўцаў (1991–2007 гг.)	10–20
Субботін О.Г. Ликвидация системы Веймарского федерализма в Германии (1933–1934 гг.)	21–27
Олесик Е.Я. Подготовка учителей в вузах БССР в 1944–1990 гг. (гендерный анализ)	28–39
Бидная А.А. Произведения историко-мемуарной литературы как памятники развития исторической мысли Беларуси XVI – нач. XVII вв. (на материале «Дневника» Ф. Евлашевского и Баркулабовской летописи)	40–46
Скок Н.В. Политическая культура: опыт типологизации	47–58
Решетников С.В., Решетникова Т.С. Функциональный анализ в политической науке: инструментальные технологии	59–64
Дудик В.Ф. Страны Северо-Восточной Азии в контексте национальных интересов Республики Беларусь	65–73
Бирюкевич Е.А. Осознание собственных индивидуальных особенностей у лиц с различиями в мировоззрении	74–83
Лагонда Г.В. Сексуальность и брак: грани интимных отношений	84–89
Клещёва Е.А. Повторнобрачная семья как объект исследования в психологии	90–96
Бровка Н.В. Проявление законов диалектики в развитии педагогической интеграции: методологический анализ	97–102
Северин С.Н. Генезис парадигмы педагогического исследования	103–109
Осипов Е.Д. Проектное обучение в процессе практики как способ модернизации подготовки будущих педагогов к взаимодействию с семьей учащегося	110–117
Агиевец С.В. Охрана здоровья: международно-правовой аспект регулирования	118–124
Касьяник А.И. Признаки субъективной стороны в составе выманивания кредита или дотаций	125–131
Пашкевич О.В. Понятие культурных ценностей в международном праве: основные подходы к его дефиниции и их эволюция	132–141
Богдан Е.С. Процессуальные особенности правового статуса службы судебных исполнителей хозяйственных судов Республики Беларусь	142–150

№ 2(33)/2008

Кривашэй Д.А. Механізмы рэалізацыі культурнай палітыкі краін Еўропы	3–9
Сугако Л.А. Об особенностях эвакуации в западных и центральных областях БССР в начале Великой Отечественной войны	10–21
Косов А.П. Европа во внешнеполитической стратегии США: российская историография проблемы	22–27
Аляксейчыкава Н.М. Матрыманіяльнасць беларускіх гараджан у XVI – XVIII стагоддзях (гістарыяграфічны аспект)	28–35
Чернявская Ю.В. Этнос и габитус как формы организации и трансляции смысловых содержаний этнической культуры: к проблеме преемственности и развития	36–41
Крыштофик Э. Значение этнической культуры в современной европейской цивилизации	42–50

Шукевич Л.В., Зданевич А.А., Будовец И.В. Скоростные и скоростно-силовые способности и их оценка в практике физического воспитания в общеобразовательных учреждениях.....	51–58
Якуш Е.И. Оценочная деятельность мастера производственного обучения как средство формирования профессиональной направленности учащихся на разных этапах вхождения в профессию.....	59–68
Ковалевич И.В. Старость как один из этапов развития личности.....	69–76
Бреский О.В. Локальность и публичный дискурс.....	77–85
Храмов С.М. Методы выявления латентной преступности в Республике Беларусь.....	86–92
Корзик С.В. Становление конституционных основ регулирования отношений по поводу свободы совести, вероисповедания и религиозных организаций в постсоветской Беларуси.....	93–101
Галимов К.Г. Некоторые теоретические и практические аспекты кодификации законодательства в сфере образования.....	102–108
Яковук Т.И. Вклад ордена тамплиеров в практику организации обслуживания туристического движения.....	109–115
Гриценко Д.В. Миграция населения между Республикой Беларусь, приграничными государствами СНГ и странами Балтии: региональный анализ.....	116–123
Антанович Н.А. Становление политического анализа как отрасли профессиональных исследований и деятельности.....	124–130
Лысюк А.И. Объективные детерминанты политического лидерства: концептуальные основания.....	131–137
Гринёва О.Н. Глобализация и политика нейтралитета: перспективы развития.....	138–145
Лепешко Б.М., Займист А.Ф. Некоторые проблемы развития и конкретизации положений законов в подзаконных нормативных правовых актах.....	146–149

№ 3(34)/2008

Шаўчук І.І. Характарыстыка нацыянальнага складу вучоных (1920–1930-я гады).....	3–11
Вашкевіч А.Ф. Беларуская Хрысціянская Дэмакратыя (1921–1939 г.): да пытання аб фінансаванні партыйнай дзейнасці.....	12–19
Гопта Иван. Общественные и научные оценки раздела Чехословацкой Республики.....	20–27
Кузюкович А.П. Антиалкогольное движение в Советской Беларуси в 1920-е — начале 1930-х годов как элемент борьбы за здоровый образ жизни.....	28–33
Обухова И.И., Грудницкая Н.А. Модельное описание внутрифирменного планирования в условиях АСУ.....	34–43
Черновалов А.В., Черновалова Ж.В. Новые учебные курсы в университете: институционалистика и экономическая теория права.....	44–52
Чичурина О. А., Остапук Ю.Н. Гражданско-правовой статус индивидуального предпринимателя по законодательству Республики Беларусь.....	53–60
Василенко А.А. Отличительные черты договора оказания услуг по подготовке специалиста и смежных договоров.....	61–66
Котловский О.А. Некоторые проблемы организации учебного процесса на физическом факультете.....	67–72
Пивоварук Т.В., Мельник М.С. Приоритетные направления работы учителя математики с одаренными детьми.....	73–79
Шевчук Е.П. Профориентационные возможности гуманитарных предметов для развития профессионального самосознания старшеклассников.....	80–88
Валитова И.Е. Эмоциональные нарушения у детей раннего возраста: проблема их распознавания и коррекции.....	89–95
Лагонда Г.В. Психологический аспект профессионального отбора в органы МВД.....	96–104
Шматкова И.В. Базовые потребности ребенка раннего возраста и его эмоциональное благополучие.....	105–112

Дубинко Е.О. Эволюция внешней политики Дании в отношении ЕС.....	113–121
Волкова О.В. Особенности произвольности здоровых и часто болеющих детей старшего дошкольного возраста	122–125
Городилин С.К., Кулеш С.Ф., Гавраш Т.Г. Совершенствование системы контролируемой самостоятельной работы по физическому воспитанию студентов вуза	126–130
Доманецкая Л.В., Ковалевский В.А. Формирование навыков общения у детей с нарушением слуха в условиях интегрированной группы детского образовательного учреждения.....	131–139
Зданевич А.А., Шукевич Л.В., Демянчик А.Т. Возрастная динамика показателей в метании малого мяча с места на дальность у школьников 6–17 лет.....	140–145
Кучерова А.В. Структура дифференцированного обучения в физическом воспитании школьников	146–151
Лукашкова И.Л. Обоснование эффективности эвристической деятельности по конструированию рациональной техники соревновательных упражнений на ПЭВМ	152–157
Пантюк И.В., Телюк Н.А., Буко Н.С. Биологические и психологические факторы, определяющие реабилитационный потенциал	158–164
Чекрякова С.В., Ковалевский В.А. Особенности родительского отношения к часто болеющим детям среднего и старшего дошкольного возраста.....	165–170
Сенин И.П. Здоровье как функция средств физкультурной деятельности.....	171–175

№ 4(35)/2008

Чесновский М.Э. За инновационность в образовании и науке	3–7
Щёкин Н.С. Самосознание белорусского христианского мира в национальной динамике исторического развития.....	8–12
Михайлова Н.В. Философия математики в исторической эволюции направлений развития фундаментальной науки	13–20
Беляева Е.В. Исторические типы религиозного синкретизма.....	21–26
Лагуновская Е.А. Христианские ценности в статутах Великого княжества Литовского	27–34
Кавецкий С.Т. Аномия как проблема социальных аномалий в истории философской мысли.....	35–41
Бузовский И.И. Место и роль социальной тревожности в общественных процессах тревожного ряда.....	42–49
Резанова Е.В. Структура социального капитала в сфере трудовых отношений организации.....	50–56
Зайчук Г.И. Теоретические проблемы и практические вопросы права водопользования.....	57–64
Береговцова Д.С., Коротич Е.А. Понятие и характерные черты подзаконного нормативного правового акта в Республике Беларусь	65–72
Богдан Е.Е. Территориальное и отраслевое управление на местном уровне в Республике Беларусь: состояние и проблемы реформирования.....	73–81
Глухова О.В. Признаки объективной стороны недонесения о преступлении.....	82–87
Янчий А.И. Особенности социальной перцепции у подростков с девиантным поведением	88–95
Карнелович М.М. Коммуникативная рефлексия учителей во взаимодействии с администрацией школы	96–102
Кавалевіч М.С. Выхаванне ў вышэйшай школе: метадалагічны аспект.....	103–107
Иванова О.А. Педагогическая практика студентов как средство развития субъектности личности	108–112
Пупцев А.Е. Контроль успеваемости учащихся по информатике в средней Общеобразовательной школе.....	113–121
Мартысюк И.А. Сравнительная эффективность использования статических и динамических средств наглядности при изучении циклов развития растений.....	122–127
Козинский А.А. Понятие «информационная культура личности»: генезис и содержание.....	128–137
Казаручик Г.Н. Экологическая культура студентов: содержание и способы развития	138–145

Толкачева О.В. Структурные компоненты системы гражданского воспитания учащихся начальных классов.....	146–153
Осипов Е.Д. Взаимодействие школы и семьи в истории педагогической мысли.....	154–163
Лепешко Б.М. Подзаконные акты в административном праве: сущность и характер применения.....	164–167

Bibliography

Annual index of the authors of
«Vesnik of Brest state University» за 2008 г. (Series of the humanities and social sciences)

№ 1(32)/2008

Shauchuk I.I. The Humanities: the Notion Definition.....	3–9
Zdanovich V.V. Coverage of the Problem of Collaboration by Home Researchers (1991-2007).....	10–20
Subbotin O.G. The Liquidation of the System of Vejmark's Federalism in Germany in 1933–1934.....	21–27
Olesik K.Y. The Preparation of Teachers in Higher Educational Institutions of BSSR in 1944–1990.	28–39
Bidnaya H.A. The Memoirs as a Source of the Development of Historical Thought in Belarus in the 16 th - beg. 17 th centuries (on the basis of F. Evlashovskij's "Dnevnik" and Barkulabovskaja annals).....	40–46
Skok N.V. Political Culture: the Main Typologies.....	47–58
Reshetnikov S., Reshetnikova T. Functional Analysis in the Political Science: Instrumental Technologies.....	59–64
Dudik V.F. Countries of North-East Asia in the Context of National Interests of the Republic of Belarus.....	65–73
Birukevich E. A. The Realization of Self-individual Peculiarities of Persons with Different Outlooks.....	74–83
Lagonda G.V. Sexuality and Marriage: Verges of Intimate Relations.....	84–89
Kleshcheva E.A. Reconstituted Family □ Problems in Psychology.....	90–96
Brovka N.V. The Methodological Analysis of the Main Laws of Dialectics during the Process of Pedagogical Integration Development.....	97–102
Severin S. The Genesis of the Applied Pedagogics Research Paradigm.....	103–109
Osipov Je. D. Project Method in Teaching Practice as a Means of Preparing Future Teachers for Interaction with the Pupil's Family.....	110–117
Ahievets S. International Legal Regulation of Health Protection.....	118–124
Kasyanik A.I. Signs of Subjective Elements in the Contents of Obtaining Credit and Subsidies by Using Blackmail.....	125–131
Pashkevich O.V. Notion of Cultural Property in International Law (main approaches and evolution).....	132–141
Bohdan E.S. The Process Peculiarities of Legal Status of Bailiffs Service of Economic Courts in the Republic of Belarus.....	142–150

№ 2(33)/2008

Kryvashei D.A. Mechanisms of Realization of Cultural Policy of the Countries of Europe.....	3–9
Sugako L.A. On Particular Qualities of Evacuation in Western and Central Regions of BSSR at the Beginning of the Great Patriotic War.....	10–21
Kosov A.P. Europe in the Foreign Policy Strategy of the USA: Russian Historiography of the Problem.....	22–27
Aliakseichykava N.M. Matrimoniality of Belarusian Townspeople in XVI – XVIII Centuries (the historiography aspect).....	28–35
Charniauskaya J.V. Ethos and Habitus as Forms of Organization and Translation of Semantic Contents of Ethnic Culture: on the Problem of Continuity and Development.....	36–41
Kryzstofik E. Importance of Ethnic Culture in European Civilization.....	42–50

Shukevich L.V., Zdanevich A.A., Budovetz I.V. High-speed and Speed-power Abilities and their Estimation in Practice of Physical Training in Educational Establishments	51–58
Yakush E.I. Evaluative Activity of a Foreman in a Vocational Establishment as Means of Formation of Pupils' Professional Orientation on Different Stages of their Entry into Profession	59–68
Kovalevich I.V. The Old Age as One of The Stages of Personal Development	69–76
Bresky O. Locality and Public Discorce	77–85
Chramov S.M. Latent Criminality and Methods of its Detection in the Republic of Belarus	86–92
Korzik S.V. Formation of Constitutional Foundation of Relation Regulation of Conscience and Religion Freedom and Religious Organizations in Sovereign Belarus	93–101
Galimov K. G. Some Theoretical and Practical Aspects of Codification of Educational Law	102–108
Yacovuk T.I. The Contribution of the Tamplier's Order to Practice of Organization of Traveling Movement Service.	109–115
Hrytsenka D.V. The Migration of Population of the Republic of Belarus, Boundary CIS and Baltic Countries: Regional Analysis	116–123
Antanovich N.A. The Formation of Politic Analysis as a Branch of Professional Research and Work	124–130
Lysiuk A.I. Objective Determinants of Political Leadership: Conceptual Basis.....	131–137
Grynyova O.N. Globalization and Policy of Neutrality: the Perspectives of Development	138–145
Lepeshko B. M., Zaimist A. F. Some Problems of Development and Concretization of Law Dispositions in Subordinate Regulatory Acts	146–149

№ 3(34)/2008

Shauchuk I. Characteristic of National Composition of Scientist (1920–1930s)	3–11
Vashkievich A.F. Belarusian Christian Democracy (1921–1939): the Resources of Financing of the Rarty Activity	12–19
Gopta I. The Division of Czechs Republic: Reflection on the Occasion of the 15th Anniversary	20–27
Kuzyukovich Anna P. Antialcoholic Movement in the Soviet Byelorussia in the 1920 s — beginning of the 1930 s as the Element of Struggle for a Healthy Way of Life.....	28–33
Obuhova I.I., Grudnitskaya N.A. Modeling Description of Company's Planning with the Use of Automated Systems oM management	34–43
Chernoalov A., Chernoalova J. New Educational Courses at University: Institutionalistic and Economic Theory of Law	44–52
Chichurina O.A., Ostapuk Y.N. Civil-law Status of Individual Entrepreneur in Accordance with Byelorussian Legislation.....	53–60
Vasilenko A.A. Distinctive Features of the Agreement of Rendering Services on Specialists' Training and Neighboring Agreements	61–66
Kotlovski A.A. Some Problems of Educational Process at Physical Education Faculty	67–72
Pivovarus T.V., Melnik M.S. Priority Directions of Mathematician's Work with Gifted Children	73–79
Shevchuk E.P. The Use Profession-orientated Possibilities of the Humanities for the Developing of Professional Self-consciousness of Senior Pupils.....	80–88
Valitova I.E. The Child's Emotional Disorders in Early Childhood: the Problem of their Detection and Therapy	89–95
Lagonda G.V. Psychological Aspect of Professional Selection for the Ministry of Internal Affairs Structures	96–104
Shmatkova I.V. Base Needs of Toddler and his Emotional Well-being.....	105–112
Dubinka L. The Evolution of the Danish Foreign Policy towards the EU.....	113–121
Volkova O.V. Particularities of Randomness of Healthy and often being Ill Children of Senior Preschool Age.....	122–125

Gorodilin S.K., Kulesh S.F., Gavrash T.G. Improvement of the System of Controlled Independent Work in Physical Education of High School Students	126–130
Domanekaya L.V., Kovalevsky V.A. Formation of Communication Skills for Children with Hearing Impairment in Condition of Integrated Group in Educational Establishment	131–139
Zdanevich A.A., Shukevich L.V., Demyanchik A.T. Age Dynamics Rate in Small Ball Throwing from the Place for Distance by Schoolgirls of 6–17 Years of Age.....	140–145
Kucherova A.V. The structure of Differentiated Training in School Physical Education	146–151
Lukashkova I.L. Reasoning of the Efficiency of Heuristic Activity in Designing Rational Technique of Competitive Exercises on Personal Computer	152–157
Pantiuk I.V., Teliuk N.A., Buko N.S. The Biological and Psychological Factors Determining Rehabilitation Potential	158–164
Chekriakova S.V., Kovalevsky V.A. Peculiarities of Parents' Attitude to Frequently Ill Children of Middle and Senior Preschool Age	165–170
Senin I.P. Health as a Function of Means of Sports Activity	171–175

№ 4(35)/2008

Chesnovski M.E. For Innovation in Education and Science.....	3–7
Schokin N. Belarusian Christian World Self-Actualization in Civilization Dynamics of Historical Development	8–12
Mikhailova N.V. Philosophy of Mathematics in Historical Evolution of Directions of Development of Fundamental Science	13–20
Belyaeva E.V. Historical Types of Religious Syncretism	21–26
Lahunouskaya A.A. Christian Values in Statutes of Grand Duchy of Lithuania	27–34
Kavetski S.T. Anomy Phenomenon in the Historical Study of Social Anomalies in Philosophy.....	35–41
Buzouski I.I. Place and Role of Social Uneasiness in Public Processes of a Disturbing Number	42–49
Rezanova E.V. The Structure of Social Capital in the Sphere of Labour Relations of the Organization	50–56
Zaichuk G.I. Theoretical Problems and Practical Issues of the law of water exploitation	57–64
Berhautsova D.S., Korotich E.A. The Concept and Characteristics of the Subordinate Legislation Normative Legal Acts of the Republic of Belarus	65–72
Bogdan E.E. Territorial and Local Government in the Republic of Belarus: Condition and Problems of Reformation	73–81
Glukhova O.V. Attributes of the Objective Side of Failure to Report about a Crime.....	82–87
Yanchiy Anna. Peculiarities of Social Perception of Teenagers with Deviant Behavior.....	88–95
Kornelovich M.M. Communicative Reflection of Teachers in Interaction with School Administration.....	96–102
Kovalevich M.S. Educational Process in Higher School: Methodological Aspect	103–107
Ivanova O.A. Students' Pedagogical Practice as a Means of Development of Personal Subjectivity.....	108–112
Puptsau Aliaksandr. Control of Pupils' Progress in Computer Science in Secondary School	113–121
Martysuk I.A. Comparative Efficiency of Using Static and Dynamic Means of Presentation while Studying the Cycles of Plant Development	122–127
Kozinsky A.A. The Notion "Personality's Information Culture": its Genesis and Content.....	128–137
Kazaruchik G.N. Students' Ecological Culture: Contents and Ways of Development	138–145
Tolkacheva O. Structural Components of the System of Civil Education of Primary School Pupils.....	146–153
Osipov Je.D. The Interaction of School and Family in the History of Pedagogical Thought	154–163
Lepeshko B.M. Subordinate Regulatory Acts in Administrative law: Essence and character of Usage.....	164–167

ЗВЕСТКІ АБ АЎТАРАХ

Александровіч Т.В. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры педагагікі дзяцінства Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Амельянюк А.М. – кандыдат эканамічных навук, дацэнт, загадчык кафедры эканамічнай тэорыі Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта.

Бегеба С.В. – магістр педагагічных навук, аспірант кафедры педагагікі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Вабішчэвіч А.М. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры гісторыі славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Вайгерт Д. – магістр псіхалага-педагагічнага факультэта Беластоцкага ўніверсітэта (Рэспубліка Польшча).

Варановіч І.М. – аспірантка Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта культуры і мастацтваў.

Гарбацкі А.А. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры славянскіх народаў Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Гермянчук В.В. – кандыдат гістарычных навук, дацэнт, загадчык кафедры тэорыі і практыкі дзяржаўнага кіравання Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь.

Грыгаровіч М.М. – студэнтка IV курса юрыдычнага факультэта спецыяльнасці “Дзяржаўнае кіраванне і эканоміка” Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна

Дзямчук Т.С. – выкладчык кафедры фізічнай культуры Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Крысціневіч С.А. – магістр эканамічных навук, аспірант кафедры эканамічнай тэорыі. Брэсцкага дзяржаўнага тэхнічнага ўніверсітэта.

Лысюк А.І. – кандыдат філасофскіх навук, дацэнт, дацэнт кафедры паліталогіі і сацыялогіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Ляпешка Б.М. – доктар гістарычных навук, прафесар, прафесар кафедры філасофіі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Марозька К.У. – магістрант кафедры гісторыі Беларусі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А. С. Пушкіна.

Маторава Н.С. – аспірантка кафедры гісторыі Беларусі новага і навейшага часу Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Махамад Башар Асаад – аспірант кафедры філасофіі Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.

Мацюшкоў Л.П. – кандыдат тэхнічных навук, дацэнт, чл.кар. МАППТ, дацэнт кафедры эканомікі і кіравання Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна.

Рашэтнікава Т.С. – аспірантка кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Рашэтнікаў С.В. – доктар палітычных навук, прафесар, загадчык кафедры паліталогіі Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта.

Рэва В.П. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, загадчык кафедры методыкі музычнага выхавання Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова.

Салікаў А.Э. – магістр гуманітарных навук, старшы выкладчык кафедры маладзёжнай палітыкі Рэспубліканскага інстытута вышэйшай школы.

Сяргейка С.А. – кандыдат педагагічных навук, дацэнт, дацэнт кафедры педагагікі і псіхалогіі дзяцінства Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы.